ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

П. КУРОЧКИН

КУРС — ПЫЛАЮЩИЙ ЛЕС

М. СПЕРАНСКИЙ

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Авторы- ветераны войны, Курочкин- летчик (У-2) ,снабжавший партизан, Сперанский- партизан, Белоруского отряда, о том что видели и пережили

•

Курочкин П. М. **Курс — пылающий лес**. *Сперанский М. И.* **Партизанскими тропами**. — М.: Молодая гвардия, 1984. — 222 с., ил. — (Летопись Великой Отечественной). Тираж 100 000 экз. / Литературная запись *Евгения Федоровского*

Курочкин П. М. Курс — пылающий лес.

Об авторе: КУРОЧКИН Петр Миронович. Родился в 1926 году. Окончил училище Гражданского воздушного флота. Пилот, затем командир подразделения ГВФ. В годы войны летал на У-2 (По-2). Совершил 192 вылета в глубокий тыл врага. Всего на его счету более двух с половиной тысяч вылетов. Награжден десятью орденами и медалями. Рассказы и очерки П. М. Курочкина публиковались во многих газетах и журналах.

Курс — пылающий лес
Вместо предисловия
«Разрешите взлет!»
Командир полка
Курс — пылающий лес
«Я — свой!»
Груз, которому не было цены
От винта!
Рожденный в воздухе
Провокация
В бригаду Гаврилова
Учись сам и учи других
Аэрофлотовцы на других фронтах
Пока руки держат штурвал
У озера Полисто
Поединок с «мессершмиттом»
Курган памяти

Вместо предисловия

В одном из документальных рассказов писателя Ивана Рахилло, человека, бесконечно влюбленного в авиацию, есть

такой очень характерный эпизод: военный атташе союзной державы, оказавшись в окружении летчиков, с восторгом рассказывает им о знакомстве с одним из наших фронтовых асов: «Глаза у него — зоркие, ясные, как у сокола после полета!»

«А вам приходилось когда-нибудь видеть сокола после полета? — негромко спрашивает атташе один из героев рассказа — капитан Сахранов. И сам же поясняет: — Когда сокол в полете — глаза у него открыты и напряжены, их сечет встречный ветер и непогода, в них попадает пыль. И когда сокол возвращается на руку охотника, из-под его усталых полузакрытых век вместе со слезами текут мутные струйки грязи. Так выглядит сокол после полета...»

В приведенных писателем подлинных словах Василия Титовича Сахранова — участника войны в Испании, пожалуй, заключен весь смысл летной работы.

«Все выше, и выше, и выше!» — пели мы, мальчишки 30-х годов, свою любимую песню. А по небу над нами плыл самолет-гигант «Максим Горький», в стратосферу рвались стратостаты, открывались новые пассажирские авиалинии, конечно, скромные по сегодняшним меркам, но по тем временам потрясающе далекие и быстрые — еще бы, утром в Киеве, а вечером в Москве!

Но особенно ошеломляли великие перелеты через Северный полюс в Америку. Они наглядно показывали, что наша авиационная промышленность может решать (и решала) огромные практические задачи. Умные, самоотверженные люди разрабатывали новые конструкции, [5] строили мощные моторы, искали более легкие и прочные материалы...

Однако время опережало возможности нашей молодой страны. Уже грохотали первые громы новой войны. В Испании мятежники-фашисты разрушали Мадрид и Барселону, в Китае японцы захватывали огромные районы, итальянцы вторглись в Абиссинию, в Европе фашистская Германия поглощала одну за другой соседние с ней страны... В сентябре 1939 года разразилась вторая мировая война. Она бушевала пока в стороне от нас на западе и на востоке, на юге и севере, неумолимо приближаясь к нашим границам.

Мы, конечно же, не ждали у моря погоды. Мы активно готовились к защите своего Отечества. Усиленно обучались войска, молодёжь с энтузиазмом сдавала нормы оборонных комплексов ГТО, ГСО, ПВХО, все хотели быть «ворошиловскими стрелками». Вдоль границ воздвигались оборонительные сооружения, повсюду строились новые аэродромы, прокладывались новые дороги. Многие заводы переводились на выпуск оборонной продукции. На вооружение нашей армии

поступали новые виды оружия.

У нас в авиации, например, в предвоенные годы появились новые, сверхскоростные по тем временам, истребители МиГ-3, Як-1, ЛаГГ-3. Они обладали высокой живучестью, хорошей маневренностью. Был принят на вооружение отличный штурмовик Ил-2, бомбардировочная авиация получила новый бомбардировщик Пе-2, оба они, и Ил-2 и Пе-2, оставались в строю до самой Победы!

Свое слово сказал и тяжелый четырехмоторный бомбардировщик Пе-8. У него были блестящие летные данные, с ним не мог сравниться ни один немецкий бомбардировщик, и даже знаменитая американская «летающая крепость». Враг сразу же почувствовал на себе многотонные бомбовые удары, когда запылали железнодорожные узлы, аэродромы, морские порты, базовые склады боеприпасов и горючего. В августе 1941 года бомбы, сброшенные с Пе-8, легли и на Берлин...

Но время в ту пору работало против нас. Многого мы не успели сделать. Трудно, очень трудно было воевать против превосходящего нас по силам коварного врага.

С первых дней войны бронетанковые дивизии фашистской Германии вклинились в нашу страну. Немцам [6] удалось завоевать господство в воздухе, и потребовались гигантские усилия не только армии, но и всего нашего народа, чтобы перехватить инициативу у врага, добиться превосходства над ним и на земле и в воздухе.

С первых же дней войны нам пришлось мобилизовать все силы, использовать все, даже самые малые, средства, чтобы остановить продвижение противника по нашей земле.

Так, на вооружение нашей авиации поступил старенький, тихоходный, учебный самолет У-2 (впоследствии По-2).

Эта машина была построена в 1928 году и предназначалась для обучения новичков. Маломощный мотор, фанерно-перкалевая оболочка, скорость чуть больше ста километров в час и минимум приборов, чтобы судить лишь о курсе, высоте, пространственном положении в воздухе. И хотя на этой машине прошло обучение несколько поколений летчиков и позднее ее оборудовали бомбодержателями, прицелом, даже приспосабливали легкий пулемет, все же, когда началась война, решение принять на вооружение эту явно устаревшую машину, сгоравшую в воздухе буквально как спичка, для многих показалось неожиданным.

Но кому теперь не известны поистине геройские дела летчиц-девушек 46-го гвардейского Таманского полка, воевавших на этих По-2? Гитлеровцы звали их «ночными ведьмами», утверждая, что это выпущенные из тюрем бандитки. А эти «бандитки» были

всего-навсего 18—20-летними студентками, прошедшими обучение в аэроклубах. А как они воевали, говорит простой факт: двадцати из них было присвоено звание Героя Советского Союза, пятерым — посмертно.

О полках, сформированных из летчиков гражданской авиации и летавших на тех же По-2, писалось не так уж много. Возможно, потому, что обычно они не вступали в воздушные схватки, не сбивали фашистские самолеты. Их работа была скромней. Но, как и наспех мобилизованные московские ополченцы, люди, далекие от боевого ремесла, так и они, гражданские летчики, скоро стали воинами — настоящими воинами!

Со снайперской точностью они бомбили передовые позиции и ближние вражеские тылы; летали к партизанам, у которых можно было приземлиться только на «пятачок», привозили им боеприпасы и оружие; как ординарцы работали на связи между штабами; как санитары [7] вывозили раненых, словом, выполняли опасную и важную работу.

Тысячи и тысячи боевых вылетов совершили они за годы войны. А в 1943—1944 годах несколько полков гражданской авиации было брошено на выполнение особо ответственного правительственного задания — вывозить детей с оккупированных врагом территорий. Я был непосредственным исполнителем этого приказа. Двойная, тройная ответственность легла на нас — молодых пилотов, чтобы в целости и сохранности перевезти детей через линию фронта. А что такое линия фронта? Это огонь зениток всех калибров, это ночные истребители Ме-110, которые особенно нахально охотились за нашими беззащитными самолетами, это слепящий свет прожекторов — он действовал на глаза, как физический удар по контрасту с темнотой, где самолет находился секунду назад. Да еще непогода, туман, обледенение, открытая кабина, подверженная всем морозам и ветрам, турбулентные воздушные потоки, бросающие легкую машину с крыла на крыло, вырывающие из рук ручку управления...

Но на войне опыт приходил быстро. По словам заслуженного летчика СССР, Героя Советского Союза М. Л. Галлая, война требует от летчика не только уверенного владения самолетом и того комплекса психологических навыков, который принято называть смелостью. Это условие хотя и необходимое, но еще недостаточное. Чтобы успешно воевать, надо овладеть еще и тактикой, надо непрерывно изобретать все новые и новые, неожиданные для противника и выгодные для себя ухищрения. Ум, сообразительность, интеллект на войне нужны не меньше, а больше, чем едва ли не во всех видах деятельности человека. Больше хотя бы потому, что наказание за леность мысли в бою

более жестокое, да и приходит оно чаще всего незамедлительно, без малейшей отсрочки.

Не сразу и не вдруг я и мои товарищи овладели боевым летным мастерством.

У каждого из нас был свой путь в авиацию, своя дорога на фронт.

Вот об этом я и рассказываю в своей книге «Курс — пылающий лес».

П. Курочкин [8]

«Разрешите взлет!»

Если рассказывать по порядку, то выйдет долго. Можно и коротко. Ведь память сохраняет клочки. Было детство, отрочество. Как во сне.

Мы жили на полустанке неподалеку от Загорска. Отец в гражданскую войну был полковым разведчиком. В мирное время работал на химическом заводе. Там же работала и мать. Были у меня сестры и братья — семеро.

Наше семейство жило дружно, скромно — учились, работали, умели довольствоваться тем, что было. Я занимался в производственно-художественном училище, баритонил в хоре, участвовал в драматическом кружке...

И вдруг меня вызывают в горком комсомола и задают неожиданный вопрос: смотрел ли я фильм «Мужество»? А в ту пору разве слепой не видел этого прекрасного, волнующего фильма режиссера Михаила Калатозова. Почему-то сейчас его не показывают. А жаль. Его бы с увлечением посмотрели все, кто мечтает о небе.

Когда фильм вышел на экраны, Герои Советского Союза Василий Сергеевич Молоков и Маврикий Трофимович Слепнев, участвовавшие в спасении челюскинцев и в первых высокоширотных арктических полетах, кумиры молодежи и всех советских людей, как и Чкалов, Байдуков, Беляков, Громов, Коккинаки, писали в газете «Известия»: «С радостью заявляем, что фильм «Мужество» — исключительно правдив и безукоризнен по технике. А еще он увлекателен как художественное зрелище. Эту картину с наслаждением и гордостью будут смотреть миллионы советских патриотов и тысячи наших знатных и молодых пилотов». [9]

И когда комсомольский секретарь спросил меня, смотрел ли я этот фильм, я быстро ответил:

— Конечно же! И не раз!

— Так вот, комсомол направляет в ряды воздушного флота лучших своих ребят. Хочешь стать летчиком?

— Конечно, хочу!

— Пройдешь медицинскую комиссию, и, если изъянов не обнаружат, в добрый путь!

...Так я попал в Тамбовскую школу Гражданского воздушного флота.

Нелегко далась мне учеба на первых порах. Начали мы учиться летать на фанерных крошках У-2 с крыльями, обтянутыми плотной материей — перкалем. Самолетик считался простым в управлении и обслуживании. Многие тысячи летчиков первый полет совершали на этой учебной машине. Но и на У-2 проверялись способности человека к овладению летным ремеслом: спокойствие, выдержка, умение руководить своими действиями, быстро принимать правильные решения, чувствовать пространственное положение, обладать известной смелостью, находчивостью. Кое-чего из этого у меня явно недоставало. Инструктор выговаривал мне:

— Ты так жмешь ручку управления, что из нее брызжет масло. Поэтому не чувствуешь самолета. Ты без толку крутишь головой во все стороны и не можешь определить расстояния до земли во время посадки. Ты не умеешь переключать свое внимание на главное. Тебе лучше не летать!

Но мне очень хотелось летать.

Сначала я перестал «выжимать из ручки управления масло» и старался к ней еле прикасаться. И получилось, что теперь за меня летал инструктор, а я сидел в кабине вместо балласта...

Вскоре меня вызвал командир авиазвена Александр Николаевич Корнилов, строгий летный командир. Он сказал: «Приготовьтесь к полету со мной». От такого приглашения у меня пересохло в горле и появилась слабость в ногах...

После выполнения полета командир сделал замечание:

— Я за вас летать не буду. Посидите в сторонке, продумайте еще раз полет по кругу от начала и до конца.

В течение часа я несколько раз разыгрывал полет по [10] кругу, тщательно отрабатывая в уме заход на посадку и момент приземления.

При докладе командиру о готовности к предстоящему полету в сознании пронеслось: «Быть или не быть мне летчиком?!»

И вот второй полет... В воздухе строю «коробочку», захожу на посадку и приземляюсь.

Выполнив контрольный полет, я зарулил на линию взлета. Командир вылез на крыло и махнул рукой.

Подбежал инструктор и дежурный по учебным полетам.

— Несите мешок с песком! — приказал Корнилов. Для сохранения центровки в свободную кабину положили балласт.

— Теперь сам! — проговорил командир звена и спрыгнул с

крыла.

И тут я успокоился. Считаю до шести, пока сектор газа не упирается в крайнее переднее положение. Мотор набирает обороты. Вздрагивая, самолет разгоняется по полю. Педалью стараюсь выдерживать прямое направление. И вот легкий толчок, и самолет в воздухе. Отдаю немного ручку от себя, чтобы набрать достаточную скорость...

С того момента и до сегодняшнего дня имя этого человека с благодарностью сохраняется в моей памяти. В летной судьбе моей Корнилов самый главный человек. Только благодаря ему я стал летчиком.

На втором году обучения мы стали осваивать более тяжелые машины — Р-5 и ПС-40.

После окончания училища я получил назначение на Урал, в город Пермь. Там на воздушных трассах повышенной сложности я полетал немного.

Через несколько месяцев руководство ГВФ распорядилось направить меня в Арзамас Горьковской области, где создавалось учебное авиаподразделение и требовались инструкторы летного дела.

И вдруг война. Она сразу же нарушила привычный уклад. В оперативном отношении Гражданский воздушный флот стал подчиняться Наркомату обороны. Лучшие экипажи, те, кто возил мирных граждан и грузы, выполнял санитарные рейсы, летал над колхозными полями, распыляя удобрения, были брошены на фронт.

9 июля 1941 года последовал приказ народного комиссара [11] обороны, в котором говорилось, что «личный состав ГВФ, непосредственно зачисленный в особые авиагруппы, считать призванным в Красную Армию». Гражданские самолеты стали бомбить врага, вести разведку, летать к партизанам в глубокий тыл противника, доставлять на передовые боеприпасы, вывозить с поля боя раненых.

Прежде пилоты летали лишь при дневном свете, посадка и взлет после захода солнца рассматривались как чрезвычайное происшествие. Если и проводились отдельные полеты ночью, то взлет и посадка обеспечивались сильным светом прожекторов, яркими световыми посадочными знаками. Теперь же приходилось взлетать и садиться при тускло мерцающих фонариках, кострах, а иногда и просто при лунном свете. Правилом стали полеты в облаках, вслепую.

Наставлением по производству полетов до войны был установлен минимум высоты. Бреющий полет, за исключением работ в сельском хозяйстве, категорически запрещался. А

началась война — пилоты только и знали, что летали на бреющем. Хоть можно было легко сбить наш самолет из пулемета или обычного автомата, шансов уцелеть все же было больше, чем под прицельным зенитным огнем на большой высоте.

Кроме того, в условиях военного времени самолеты загружались на полную катушку. Вместо одного-двух пассажиров на У-2, как правило, стали перевозить по четыре-пять человек.

Не прошло и месяца, как мы получили приказ о переходе к ускоренной программе обучения молодых летчиков для фронта.

Еще раньше все мы, инструкторы, заявились к командиру отряда легкомоторной авиации Павлу Андреевичу Ермакову с рапортами отправить нас на фронт.

— А кто будет готовить летчиков? — встретил контрпредложением командир. — Каждый из вас подготовит не одну летную группу. Человек по двадцать. Один или двадцать летчиков — что важнее для Родины?

— Двадцать...

— То-то.

Мы летали с курсантами от зари до зари и здорово выматывались. И все равно нам казалось, что [12] мы делаем мало в сравнении с теми, кто сражается на фронте.

На нашем аэродроме базировалась и транспортная авиация. Здесь же находился в укрытии единственный экспериментальный самолет Л-760 типа «Максим Горький». Этот шестимоторный гигант мог поднимать в воздух много десантников, танки, даже истребители, прикрепленные к крыльям.

Транспортные самолеты доставляли нам много хлопот. Когда, например, прилетал «Дуглас» или наш Л-760, в небо взвивалась красная ракета, запрещающая всем другим посадку. Тогда мы начинали кружить над аэродромом, ждали, пока «транспортник» не уйдет с полосы на стоянку. Это волновало не только неопытных курсантов, но и нас, инструкторов. Мы отвечали за каждую минуту летного времени и стремились вывезти в воздух как можно больше учеников, чтобы скорее выпустить их в самостоятельный полет.

Выпуск следовал за выпуском. Уходили наши питомцы на войну. Понемногу убывала и наша инструкторская команда. Улетел на фронт мой друг Саша Агнаев и еще несколько других инструкторов. Программу подготовки пилотов сократили до предела. Если первая группа обучалась у нас в течение полугода, то теперь новые вводились в строй за два с половиной месяца. Так диктовало военное время.

В сентябре 1942 года я неожиданно получил направление в сибирский город Барабинск для прохождения дальнейшей службы

в отдельной учебной эскадрилье...

Здесь мы осваивали с курсантами ночные полеты, учили их выполнять противозенитные маневры, уходить от слепящего света прожекторов, прижиматься к земле или скрываться в облачности, точно выходить на цель. Словом, ребята приобретали навыки, которые неизбежно пригодятся на войне при полетах в тыл врага. Вместе с ними оттачивали свое мастерство и мы, инструкторы.

Я и не представлял, что в скором времени такие полеты станут моей основной работой на фронте.

В самом конце 1942 года наконец и я получил назначение в боевое соединение Северо-Кавказского фронта. Обстановка тогда была такова: армия Паулюса уже сидела в плотном «мешке» в Сталинграде, к ней безуспешно пытались пробиться танки фельдмаршала Манштейна, с Кавказа же в спешке откатывалась группа [13] армий Клейста, опасаясь еще более грандиозного окружения. Наши войска рвались к Ростову.

По огромной зимней степи двигались колонны пехоты, танков, артиллерии. То там, то здесь вспыхивали бои. Горели, пятная снег, последние хутора.

Все это хорошо просматривалось с воздуха. На своих маленьких самолетах У-2 мы летали в разведку, бомбили скопления вражеских войск, устанавливали связь с наземными войсками и госпиталями, возили раненых, искали наши подбитые боевые самолеты, совершившие вынужденную посадку, спасали летчиков.

Однажды меня вызвал начальник штаба полка и приказал срочно вылететь на поиски сбитого штурмовика. Он мог лишь предположительно указать район, где следует искать самолет.

— Но ведь уже сумерки! Успею ли? — спросил я.

— Должен успеть! — резко оборвал меня начальник штаба. — Если летчик и стрелок живы, они не дотянут до утра. Понятно?

Мне стало стыдно за свои слова. Как я мог не додуматься до такой простой вещи: к ночи мороз покрепчает, и экипаж попросту замерзнет в степи.

Я побежал к своему самолету. Механик догадался, зачем меня вызывали в штаб, и уже прогрел мотор. Я вскочил в кабину. Чтобы не обморозиться, натянул на лицо с кожаным верхом маску. Опустил на глаза очки. Механик выдернул из-под лыж колодки, и мой самолет пошел на взлет.

Я не стал забираться выше трехсот метров. Вертел головой, как говорят летчики, на все триста шестьдесят. Вверху на горизонте еще виднелся красный ободок зимнего солнца, а по земле уже катились синие тени.

«Если штурмовик горел, — думал я, — то его можно найти по

огню или черным пятнам — остаткам пожара».

Но ни огня, ни дыма, ни сажи не было видно на темнеющей земле.

Вот и солнце скрылось, потухла заря. Я продолжал «писать зигзаги» над районом, где мог лежать штурмовик. Впереди обозначилась линия фронта. Она освещалась ракетами и походила сверху на сильно изломанную дугу. Немного не долетев до передовой, я повернул назад.

И тут заметил в стороне взлетевшую бледно-зеленую ракету. По цвету она отличалась от немецких — [14] более ядовитых и ярких. Я направил машину туда. Через минуту еще одна ракета пролетела низко над землей, как бы указывая направление посадки.

Конечно, мне надо бы покружить над этим местом, узнать, те ли люди подают сигналы, которых я ищу, определить, можно ли здесь сесть. Однако времени на раздумье у меня не оставалось. Было совсем темно. Пришлось рисковать.

Я убрал обороты и стал садиться, абсолютно не просматривая землю. Высотомер на малом расстоянии до земли не показывал истинной высоты, пришлось рассчитывать лишь на интуицию и удачу.

Чую, скорость погасла совсем, вот-вот самолет или провалится, или свернется на крыло. Но тут же винт швырнул на козырек ворох снега, лыжи распороли сугроб и понеслись по твердому насту.

Не выключая мотора, достаю автомат, досылаю в патронник первый патрон. Бог знает, кто мне салютовал зеленой ракетой? Могут оказаться и вражеские разведчики, пробравшиеся в наши тылы.

Из темноты показался человек в меховом комбинезоне и унтах. Наш! У немцев унтов не было, у них пилоты обувались в войлочные сапоги с «молниями». Припадая на левую ногу, человек подбежал к кабине, хрипло крикнул:

— Помоги донести командира!

Метрах в ста мы подобрали летчика. Он находился в бессознательном состоянии. Как ни темна была ночь, я все же рассмотрел и самолет Су-2, лежащий вверх брюхом в довольно глубокой балке. Было ясно, что летчик тянул машину до земли и при посадке то ли не увидел овражек, то ли уже не сумел отвернуть от злосчастной преграды. На большой скорости машина скапотировала, летчик сильно ударился лицом о приборную доску.

Мы втащили его в заднюю кабину. Рядом, поставив одну ногу на сиденье, а другую на крыло, втиснулся стрелок.

— Летим в госпиталь? — спросил я.

— Ни в коем случае! Вези к нам на аэродром!

— Там дадут посадочные огни?

— Ракетами подсветят! Делай, что говорят! — — Стрелок был сильно возбужден, или он кричал так громко потому, что мотор хоть и на малом газу, но работал. Для вящей убедительности парень из-за пазухи [15] вытащил ракетницу, достал из кармана картонный патрон и вставил его в ствол.

Когда мы приземлились на аэродроме, где базировались штурмовики, я узнал, что спасенный летчик был командиром эскадрильи и его все там очень любили. Потому, видать, и не хотели отдавать чужим врачам — в госпитале, надеялись выходить своими силами — у них был свой врач.

Меня оставили ночевать, а рано утром отправили с запиской, что задание выполнил. Этим же утром с другим летчиком вылетал и спасенный стрелок в новый боевой вылет...

Когда перед весенней распутицей стабилизировался фронт на юге, несколько наших экипажей послали на Центральный фронт. Здесь формировался 13-й отдельный авиаполк ГВФ, который нацеливался на полеты в партизанские отряды. О партизанах нас подробно информировали политруки.

Партизанская война в тылах врага разрасталась с каждым днем. Народные мстители взрывали мосты, нарушали телеграфную и телефонную связь, поджигали склады с горючим и снаряжением, совершали диверсии на дорогах, ослабляя тем самым напор ударных группировок врага. Они же вели разведку и передавали ценные разведывательные данные в штаб.

Там, где были естественные укрытия и возможности для маневра, партизаны действовали особенно энергично. В лесах Смоленской, Орловской, Московской, Тульской, Брянской, Курской областей большие площади были заняты партизанами. Но им требовались взрывчатка, оружие, продовольствие, медикаменты. Помочь могли только авиаторы. Для этой цели командование и стало формировать особые полки ГВФ, в том числе и наш 13-й.

На Центральном фронте мы сделали несколько полетов к партизанам Брянщины. Организатор полка Алексей Павлович Золотов перед этим говорил нам, что партизан придется искать в лесах, вдали от населенных пунктов, на местности, бедной заметными ориентирами. Условными сигналами для посадок или выброски грузов будут расположенные особым образом костры, которые нельзя путать с кострами фашистских охранников и провокаторов.

Предупреждал он нас и о том, что противник, несомненно,

будет пытаться перехватывать наши машины [16] на маршруте. Поэтому мы должны замечать его раньше, чем он подойдет к нам вплотную, и уходить от его огня и атак.

Однако самая большая наша беда оказалась в том, что на легкомоторных самолетах мы не могли летать в глубокий тыл и брать с собой много груза. И хотя мы летали без посадок, сбрасывая тюки на подготовленные партизанами площадки, все равно возвращались на последних каплях бензина. Нередко были случаи, когда не оставалось и этих капель!..

Вскоре к нам на смену перебазировался полк тяжелой транспортной авиации. Им командовала знаменитая летчица Валентина Степановна Гризодубова. Нас же со всей матчастью и личным составом перебрасывали на Калининский фронт.

Полк Гризодубовой подчинялся командованию авиации дальнего действия. В то время среди некоторых командиров существовало мнение, что при острой нехватке самолетов и больших потерях нецелесообразно посылать самолеты к партизанам. Пусть, мол, они — партизаны — снабжаются за счет противника, как это было в гражданскую войну. Транспортные самолеты старались чаще использовать для нужд авиационных частей, к партизанам же их слали редко и не очень охотно.

Гризодубовцы рассказывали нам, каким методом удалось переубедить этих товарищей.

Долгое время десятки советских бомбардировщиков пытались уничтожить мост через реку Навлю. Нужно было лишить врага железнодорожного моста, не дать ему возможности быстро маневрировать резервами в южном направлении, однако зенитная артиллерия гитлеровцев не позволяла поразить цель с малой высоты.

Однажды, возвращаясь от партизан, летчики передали их просьбу: «Доставьте нам побольше толу, и моста не будет». И уже через несколько дней представитель Центрального штаба партизанского движения генерал Хмельницкий приехал на аэродром сообщить командиру полка, что брянские партизаны выполнили свое обещание — мост на Навле взорван!

— Вот это здорово! — воскликнула Гризодубова. — Каюсь, посылая самолет со взрывчаткой, я не надеялась на такое быстрое ее использование.

— Слово дороже денег, говорили раньше, — улыбнулся [17] представитель партизанского штаба, — а сейчас и подавно так.

— Конечно, дороже! — подтвердила Гризодубова. — Ведь смотрите, что получается: один экипаж со взрывчаткой к партизанам и героические действия подрывников заменили десятки самолетов-бомбардировщиков, пытавшихся разрушить

мост. И кто знает, сколько бы еще потребовалось летать, может, и с жертвами, прежде чем удалось бы кому-то попасть в мост хотя бы одной бомбой!

— Да, дорогая Валентина Степановна, такое на деньги не переводится. Мост обеспечивал преимущества противнику, а для наших войск это отражалось в больших потерях. Недаром командующий фронтом объявил партизанам благодарность. Летайте чаще к ним, доставляйте боеприпасы, и партизаны, в свою очередь, вложат больше труда в дело победы над врагом...

Распрощавшись с летчиками гризодубовского полка, о котором уже начала распространяться добрая молва, мы вылетели на север. Там нам придется продолжать свои полеты к партизанам, но уже других областей — Ленинградской, Калининской, Псковской.

К этому времени гитлеровцы уже раскусили, что гражданские самолеты представляют для них такую же опасность, как и военные. Поэтому они особенно сильно бомбили аэродромы, где мы базировались. В частности, аэропорт Внуково. Белые стены его зданий были замазаны черно-зеленой краской, на перроне и бетонированных площадках не стояли больше серебристые нарядные машины с надписью «Аэрофлот» на борту. Самолеты тоже выкрасили в зеленый цвет, а на фюзеляже и хвостовом оперении нарисовали красные звезды. Пилоты уже не носили традиционную форму гражданской авиации, а, как и военные летчики, ходили в гимнастерках, армейских фуражках и кирзовых сапогах. Никто из них не жил дома, в корпусах авиагородка были созданы казармы. Летчики, инженеры, техники изучали стрелковое и авиационное оружие. Каждый полет теперь назывался боевым.

В молодой дубовой роще оборудовали бомбоубежище, отрыли окопы. Поскольку гитлеровцы совершали налеты ночью, то вечером самолеты разлетались, рассредоточиваясь на других, малоизвестных подмосковных аэродромах.

Через несколько дней мы прибыли на постоянное [18] место базирования в Калининской области. Здесь вместо Золотова, назначенного командиром другого авиаполка, нам представили новое начальство — Владимира Алексеевича Седляревича. Нам, молодежи, он понравился сразу. Владимир Алексеевич был в числе первых, кто доказал, что можно успешно сражаться с врагом на таком маленьком и беззащитном самолете, как У-2.

Командир полка

Седляревич был, безусловно, замечательным летчиком и вообще выдающейся личностью. Поэтому мне хочется рассказать о нем поподробнее.

Война застала Владимира Алексеевича на Украине. В первые дни командование вообще не представляло себе, как использовать У-2 в боях. Поскольку в ходе боев часто нарушалось четкое взаимодействие между наземными полками и дивизиями, гоняли У-2 в полеты для связи. Рискуя разбиться, летчики подбирали с воздуха площадки, садились поближе к штабам, доставляли связных.

Однажды Седляревич вез пакет в один из гарнизонов и впереди по курсу заметил танковую колонну. Он снизился и увидел на башнях кресты. Гитлеровцы стали обстреливать самолет. Седляревич развернулся, обогнал танки и через некоторое время повстречался с нашей пехотой, которая шла навстречу гитлеровцам походным маршем. Он мастерски совершил посадку у головы колонны, предупредил командира о фашистских танках впереди. Пехотинцы быстро развернулись в боевой порядок, оборудовали позиции для пушек и встретили танки всей огневой мощью.

Когда Седляревич доставил пакет по назначению и летел обратно, он видел на поле горящие танки и своих пехотинцев. Бойцы, только что выдержавшие тяжелый бой, в знак благодарности летчику бросали вверх свои пилотки.

Приходилось вывозить летчику и раненых. О Седляревиче и его боевых друзьях в Киевской особой авиагруппе ГВФ 11 июля 1941 года сообщало Советское информбюро: «Пилоты Гражданского воздушного флота Украины отлично несут свою службу. Десятки рейсов совершают они на фронт, перевозя раненых и кровь для [19] переливания. Во время полетов им часто приходится выдерживать налеты фашистских стервятников».

5 августа 1941 года началась оборона Одессы. Приказом командующего ВВС Одесского оборонительного района из наиболее опытных пилотов ГВФ было сформировано звено специального назначения. Его оставляли в осажденной Одессе. Командиром звена назначили Седляревича. Взлетать приходилось с узкой полосы, подвергаясь непрерывным бомбежкам с воздуха, огню артиллерии и минометов. И тем не менее гражданские самолеты по нескольку раз в день вылетали к линии фронта, доставляли на передовую оперативные приказы, возвращаясь, информировали штаб о боевой обстановке на различных участках.

В звене Седляревича инженеры и техники своими силами приспособили У-2 к сбрасыванию бомб. Бомбы делали на предприятиях осажденного города, и ночью ими загружались легкие самолеты. И У-2 стали «утюжить» вражеские позиции.

Как-то раз командование Одесского оборонительного района приказало звену Седляревича разгромить штаб крупного соединения противника. Неожиданный налет застал врага врасплох. Летчики разрушили дома, где размещался штаб, подожгли автомашины, рассеяли гарнизон. Пролетая на небольшой высоте над городом во время очередной бомбежки, Седляревич засек световые сигналы, подаваемые вражескими лазутчиками самолетам противника. Командир немедленно об этом сообщил в штаб. Диверсанты сразу же были задержаны. Они, как оказалось, подавали сигналы электрическими фонариками, установленными в дымоходных трубах.

Но вот фронт приблизился к городу вплотную. Фашисты начали артиллерийский обстрел морского порта, пытаясь сорвать подвоз боеприпасов и снаряжения, дезорганизуя жизнь города. Потребовалось установить, где находятся батареи врага. Эту задачу возложили опять-таки на звено Седляревича. И хотя летать приходилось только ночью, они обнаружили местонахождение батарей противника. Использовав их данные, артиллерия кораблей флота подавила батареи гитлеровцев.

Летчики Седляревича сражались до последнего дня обороны Одессы.

Позднее Владимир Алексеевич воевал в предгорьях Кавказа, на Центральном фронте и, наконец, попал под Калинин, где был назначен командиром недавно сформированного [20] полка ГВФ. Здесь я впервые и встретился с ним.

Используя свои боевой опыт, он стал учить нас военной хитрости, умению обойти неприятеля, ускользнуть от преследования истребителей, прорваться сквозь плотный зенитный огонь, чтобы во что бы то ни стало выполнить боевой приказ. Он много говорил об изобретательности и мужестве своих боевых товарищей. Один летчик, к примеру, атакованный «мессером», сделал вид, что подбит — завалил самолет на крыло и имитировал падение. У самой земли он выровнял машину и посадил ее в степь. Пока фашистский летчик разворачивался для нового захода, наш пилот подрулил к канаве и поставил машину на бок. Фашист решил, что русский самолет разбит, и удалился. Находчивый пилот вытащил машину из канавы и полетел дальше... А другого безуспешно пытались расстрелять два «юнкерса». Каждый раз он уклонялся от атак, наконец произвел посадку и тут же, у самолета, открыл огонь из ручного пулемета по пикирующим на него фашистам. Гитлеровские летчики поспешили удалиться... Третий летчик, выполняя задание, приземлился вблизи переднего края. Рассчитывая захватить самолет, гитлеровцы открыли убийственный огонь, не допуская к

машине наших бойцов. Когда стемнело, пилот подполз к самолету, привязал трос и с бойцами оттянул его поближе к своим. Быстро запустил мотор, улетел из-под самого носа фашистов.

По тому, как подробно, с деталями, рассказывал нам о таких эпизодах Седляревич, мы догадывались, что именно в эти переделки попадал он сам, и теперь находчивости обучал нас, новичков.

Командир полка вложил много труда, чтобы приспособить У-2 для ночного бомбометания. Инженеры, техники, механик сделали специальные бомбодержатели для наружной подвески бомб. Конечно, они были так же просты, как и сами самолеты. Приводились в действие нехитрым рывком тросика из пилотской кабины. «Небесные тихоходы», переоборудованные в бомбардировщики, сначала брали с собой по двести килограммов бомб, позднее их грузоподъемность еще больше увеличили. Фанерно-перкалевый бомбардировщик прочно занял место в боевом строю авиации и выдержал свое назначение до последнего дня войны.

Применил Седляревич бомбометание с У-2 и на Северо-Западном фронте. [21]

Фашистские полчища остервенело рвались к железнодорожной магистрали Москва — Ленинград. В воздухе стоял гул «юнкерсов» и «мессершмиттов». По всем дорогам с металлическим скрежетом и гусеничным лязганьем двигались вражеские бронированные колонны. Казалось, что может им противостоять?

Но тут с темнотой на врага посыпались бомбы. У-2 проносились над самыми головами фашистов и сбрасывали на них свой смертоносный груз. Сотни танков, пушек, грузовиков, массу живой силы недосчитался тогда враг.

Гитлеровцы лишились покоя.

Они называли У-2 «молотилкой», «кофейной мельницей», «ночным бандитом».

«Ваш «русс-фанер» не дает нам спать, — жаловался один из пленных. — Днем, после бессонных ночей, солдаты чувствуют себя разбитыми».

Другой немец в своем дневнике записал:

«Полковой наблюдательный пункт разрушен проклятыми «кофейными мельницами». Каждую ночь нас атакуют двадцать-тридцать бомбардировщиков, склеенных из дерева и легкой материи, снижаясь до трех метров. Это невозможно выдержать. Ночные бомбежки становятся все мощнее, до самого утра эти проклятые машины не дают нам покоя. Когда они выключают

мотор, слышно, как воют «подарки», а затем раздается взрыв. Самое обидное, что противника не видно и не слышно. Ты беспомощен. В такие моменты тебя охватывает ярость, хочется выбежать во двор и бешено стрелять из автомата. Но этого сделать нельзя, можно выдать свое расположение».

За боевые заслуги советское командование переименовало У-2 (учебный) в По-2, по имени его создателя, талантливейшего авиаконструктора Николая Николаевича Поликарпова.

Применение самолетов По-2 рассчитано было на уничтожение живой силы и изматывание противника.

Полет на тихоходной машине требовал исключительного мужества и отваги. По существу, самолет был беззащитен, так как он не обладал ни скоростью, ни высотой, на нем не было вооружения и брони, летчик не имел даже парашюта. Самолет можно было сбивать из всех видов стрелкового оружия. Но это не останавливало нас. «Русс-фанер» немцы боялись не меньше штурмовиков. Почти повиснув над окопами врага, мы сбрасывали маленькие осколочные бомбы. Как правило, они [22] точно попадали в цель, уничтожая пулеметные гнезда, ротные минометные батареи, живую силу. Бывало, ночь напролет обрабатываешь их передний край, держа фашистов в постоянном напряжении и страхе. Мы лишали их сна, а сон для солдата тоже немало.

Самые трудные и опасные задания мы выполняла под непосредственным командованием командира полка. Он первым прокладывал курс к цели и начинал боевую работу.

Таким был наш командир. Мы сразу полюбили отважного летчика — справедливого, честного человека, и старались походить на него. Слово Седляревича стало для нас законом.

Курс — пылающий лес

Но, конечно, сколько бы лестных слов ни говорилось о По-2 как о боевом самолете, основное достоинство этой неприхотливой машины проявилось в другом — в помощи партизанским отрядам, которые вели боевую работу в тылу врага.

Как я упоминал вначале, для тяжелых машин требовались большие посадочные площадки. Далеко не всегда и везде можно было таковые иметь в глухих лесах, где, как правило, и размещались партизанские базы. Для По-2 же можно было использовать сравнительно небольшие поляны, просеки, даже прямые участки дорог. Вот почему командование для связи с партизанами направило полки, оснащенные легкими самолетами.

Говорил я и о том, что был у По-2 и существенный недостаток — малый радиус действия. Поэтому полки легкомоторной авиации подтягивались туда, где линия фронта проходила

невдалеке от действий партизанских отрядов.

Наше звено должно было летать в партизанскую бригаду, которой командовал человек со странной фамилией Марго. Сначала предполагали, что это всего лишь псевдоним, но потом узнали: нет, это настоящая фамилия, а звали Марго Владимиром Ивановичем.

Жили партизаны в дремучих болотистых лесах и оттуда совершали дерзкие налеты на немецкие заставы, обозы, железные дороги. Вместе с ними в дебрях укрывались сотни семей с домашним скарбом и скотом.

Гитлеровцы несколько раз посылали в леса карательные [23] отряды, однако выбить партизан оттуда им не удавалось. Тогда они блокировали окрестности, дороги и тропинки. Партизаны Марго израсходовали все боеприпасы, были съедены все съестные припасы, люди начали голодать. Они просили срочно помощи.

Первый полет в бригаду достался командиру звена и моему другу Сергею Борисенко. У нас по этому поводу даже шутили, что Борисенко, мол, полетел открывать новый аэропорт.

Уж коль я упомянул о Борисенко, сразу же скажу о нем, что такого надежного человека не приходилось встречать мне ни до, ни после. Был он прост, бесхитростен, прям и бесстрашен. Впрочем, «бесстрашен», видимо, не то слово. По-моему, бесстрашных людей вообще нет. Ничего не боятся лишь пьяные и сумасшедшие. Только люди по-разному проявляют себя в опасных ситуациях и так называемое бесстрашие могут скрывать за внешним спокойствием. Так умел подавлять страх и Сережа, хотя с первых дней войны смерть не раз подстерегала его.

В мирное время работал он в Казахстане, летал на У-2, возил почту по аулам, редких пассажиров. Ну а как началась война, то он и еще восемь экипажей были направлены на Украину. Летели до Днепропетровска целую неделю. Здесь самолеты наскоро переоборудовали для перевозки раненых. Трижды его сбивали, но ему удавалось перебираться через линию фронта и доходить до своих.

Однажды он приземлился с офицером связи километрах в двух от населенного пункта, где размещался штаб. Спутник побежал туда передать пакет, а Сергей остался у самолета. Первым делом надо было замаскировать машину. Но, к несчастью, кругом не было ни кустика. Только на дальнем краю поля виднелась скирда соломы. Летчик побежал туда.

В это время налетели немецкие бомбардировщики. Оказалось, наши наладили невдалеке переправу, и около реки скопилось много автомашин, повозок, людей. Один «юнкерс» заметил самолет Сергея и обстрелял его из пулемета.

«Надо поскорей уносить отсюда ноги», — подумал Борисенко.

Двое бойцов, оказавшихся поблизости, стали запускать мотор. Но как они ни проворачивали винт, [24] двигатель не запускался. Тем временем к первому «юнкерсу» присоединился второй. Засвистели бомбы.

Все-таки мотор завелся, и Борисенко взлетел, намереваясь приземлиться в другом месте и там переждать бомбежку. При посадке на крохотную площадку возле фруктового сада самолет налетел на пенек и встал на нос. Борисенко вылез из кабины, поставил машину, увидел, что отломился конец лопасти винта. Конечно, такой винт при работе мотора растрясет всю машину. Что делать? Решил найти пилу, отпилить другой конец винта и, сбалансировав таким манером, попытаться взлететь. Мысль, само собой, была дерзкая, нарушала все законы аэродинамики, однако вселяла надежду.

Так он и сделал. К этому времени его нашел офицер связи, помог развернуть машину, запустить мотор. Начали разбег. Двигатель работал на всем газу и раскручивал безобразный на вид винт, но тяги не хватало. Мотор, казалось, вот-вот разлетится на куски. И все же самолет каким-то чудом оторвался от земли и дотащился до своего аэродрома.

Таким находчивым был Сергей Борисенко.

Однако приземлиться у Марго Сергею не удалось. Он долетел до площадки, о которой сообщали партизаны, но не обнаружил никаких сигналов. Кружил минут пятнадцать, ждал условных костров и ракет, но внизу будто все вымерло. Тогда он полетел в соседний район в бригаду, где уже не раз бывал. Там тоже нуждались в боеприпасах. Без большого труда вышел на знакомую площадку. Партизаны, услышав рокот его самолета, сразу разожгли костры. Груз пошел вниз...

Вернувшись, Борисенко доложил Седляревичу, что площадку Марго не нашел и тюки с боеприпасами сбросил в соседний отряд. Так что открытие аэропорта не состоялось.

Почему же Марго не подготовился к приему самолета? Судя по радиограмме, площадка и костры были приготовлены, а Борисенко ошибиться не мог, так как была лунная ночь и хорошо просматривались с воздуха все характерные ориентиры.

Через некоторое время Сергей Борисенко вылетел уже не один. Следом поднялись летчики Колобков, Савин и Козлов.

Обнаружив условные сигналы, Борисенко произвел [25] посадку на каких-то болотистых кочках. К нему подбежали партизаны. Первым делом Сергей обругал их за то, что они выбрали такую плохую площадку, а потом спросил, почему не

встретили в прошлый раз, когда он долго кружил над ними, ожидая сигналов. Партизаны ответили, что в ту ночь они вели бой с карателями, вынуждены были отступить от площадки, но потом отогнали фашистов и вернули свой «аэродром».

Не успел Борисенко отрулить в сторону, как на эту же площадку опустился самолет Колобкова. После небольшой пробежки машина вдруг встала на нос.

— Да вы что! Мои самолеты собрались гробить? Где у вас командир? — закричал Борисенко на партизан.

Тут подошел к нему бородатый человек и, протянув руку, сказал:

— Я командир.

— Марго?

— Он самый.

— Почему же вы такую площадку приготовили? Смотрите, что делается! — Сергей ткнул кулаком в сторону уткнувшегося в болото самолета, из которого с трудом выбирался Колобков.

Марго был в полной растерянности.

Внезапно на небольшой высоте промчался двухмоторный самолет с выключенными бортовыми огнями. По звуку моторов Борисенко определил, что это была вражеская машина, и закричал, чтобы немедленно тушили костры.

Партизаны быстро забросали огонь. Однако самолет бомбить и обстреливать площадку не стал. Видно, у него было мало горючего и он спешил на свой «моргунок» — так мы звали световые маяки на немецких аэродромах.

— Все-таки объясните, в чем наша вина? — спросил Марго, когда Борисенко немного успокоился. — Мы же специально разложили костры на болоте, чтобы вы их видели и здесь не садились. Ровная площадка-то рядом!

— Ничего вы не понимаете в авиации... Летчик же не филин, он не видит ночью! Мы ориентируемся на костры и впритык к ним садимся. Костры нужно разжигать на посадочной полосе!

— Да, вы правы, — согласился Марго. — Я в авиации не специалист. Теперь вижу, что сделали большую глупость, обозначив кострами болото. [27]

Тем временем начало светать. Надо было вытаскивать покалеченный самолет из воды. У него сломался винт и порвались плоскости. С минуту на минуту должны были подлететь Козлов и Савин.

Пока партизаны тащили из болота машину Колобкова, послышался рокот По-2. Но Борисенко приказал костров не зажигать, поскольку немецкий бомбардировщик мог засечь партизанскую площадку и в любой момент нагрянуть уже с

бомбами. Покружив, Козлов и Савин улетели на запасные площадки.

Люди взмокли, вытаскивая самолет и боеприпасы. Поскольку машина нуждалась в серьезном ремонте, Борисенко взял летчика с собой и пообещал привезти техника.

— В следующий раз приготовим площадку по всем авиационным правилам, — как бы извиняясь, проговорил на прощание Марго. — Только летайте почаще.

У себя на аэродроме мы уже изрядно переволновались за товарищей, когда наконец увидели самолет. Борисенко опоздал на целых три часа и был мокрый с головы до ног — вымок, когда помогал выручать машину Колобкова.

В следующую ночь Сергей отвез винт и запасные части, а я взял на борт техника.

Так и познакомился с легендарным на Калининщине и Псковщине человеком. Судьба этого партизанского командира во многом была сходна с судьбами вожаков, возглавивших народных мстителей. В бригаде Марго я провел немало ночей и дней. За это время успел хорошо узнать Владимира Ивановича и подружиться с ним.

Марго был сельским учителем. Несколько последних лет перед войной заведовал Себежским районным отделом народного образования. Когда началась война и немцы устремились на Ленинград, он, как и многие тогда, попал в волну беженцев. Чем помочь фронту, как воевать — он не знал.

В Калинине Марго встретился с секретарем обкома партии, который дал хороший совет: вернуться в свой район.

— Первая задача, — сказал секретарь, — быстро приспособиться к новой обстановке. Вторая — развернуть политическую работу в деревнях. Третья — приступить к организации партизанских отрядов. Действовать [28] смело, но не рисковать, не бросаться в пекло очертя голову.

С несколькими товарищами из Себежа перешли обратно линию фронта и сразу столкнулись с «новым порядком». В занятых германской армией районах населению предписывалось под угрозой расстрела с 20 часов до 6 утра не покидать домов, не разрешалось собираться по нескольку человек, каждый житель обязан был немедленно сообщать в ближайшую воинскую часть о появлении в селе посторонних лиц.

Себежцы шли от одной деревни к другой. Каждый раз их сопровождали добровольные провожатые. Русских патриотов не пугали приказы оккупантов, грозившие смертью за помощь красноармейцам и партизанам.

Останавливаясь в деревнях, Марго и его товарищи

рассказывали о боях под Москвой и Ленинградом, советовали прятать от немцев хлеб, скот, оружие.

От крестьян стало известно, что гитлеровцы в селах создают свои органы власти, вербуют людей в полицию.

Власть в Себеже осуществлял военный комендант Мюллер. По его приказу район разбили на пять участков во главе с уполномоченными. Создана была и городская управа с предателем Громовым во главе. Начальником полиции назначили Вильгельма Буса, который раньше работал в заготконторе.

Остановились в деревне Боровые в двадцати километрах южнее Себежа. Кругом здесь были леса, да и работать начинал Марго тут, знал всех жителей. В разведку он пошел со своим комиссаром Кулешом.

На легкий стук в окно в дверях появился хозяин дома — колхозник Роман Михайлович Кузнецов. Встреча была радушной.

— А мы к вам надолго.

— Раз такое дело, схожу за братом Якимом и колхозным председателем, — сказал Кузнецов. — Сообща обсудим, что нам делать и как воевать...

Роман Михайлович пригласил верных людей. Отец председателя колхоза Николая Петровича Маскова, по прозвищу дед Петрок, сердечно произнес:

— Хорошо, что пришли, сынки. Худо, ежели в деревне нет Советской власти.

Когда все расселись, Кулеш рассказал о задачах группы.

— Располагаться нужно неподалеку от деревни, — [29] посоветовал Яким Кузнецов. — И о провианте не беспокойтесь. Поможем.

Партизанский лагерь устроили в глубине леса на берегу небольшого озера, соорудив несколько шалашей, землянок.

3 сентября состоялось первое заседание Себежского подпольного райкома партии. Доклада никто не делал, протокола не писали. Заседание было коротким, хотя выступали почти все. Обсуждали, с чего начать. Одни предлагали с диверсий, другие — с разведки. Точку зрения большинства высказал Кулеш:

— Нужно начинать с того, с чего мы уже фактически начали — с установления контактов с верными людьми. Пусть наша цепочка тянется от деревни к деревне. Надо разоблачать фашистскую пропаганду, организовывать саботаж мероприятий оккупационных властей.

Походы подпольщиков не остались не замеченными врагом. Оккупанты искали партизан, и довольно настойчиво.

Наступила холодная осень. Положение стало совсем тяжелым: не хватало оружия, не было взрывчатки, рации. И

фашисты настойчиво вели преследование.

В Пустошском районе группа Марго попала в окружение, ей с большим трудом и потерями удалось оторваться от карателей. Однако в Пеновском районе снова нарвались на гитлеровцев. Уходили поодиночке и в отряд уже не собрались. Марго обморозил ноги. Его на санках отвезли в деревню Демьяницы Великолукского района, где жили родители. Деревушка стояла в стороне, от проезжих дорог. Сюда не заглядывали оккупанты. Это и спасло Марго.

В декабре Владимир Иванович с помощью подпольщиков был включен в создаваемый партизанский отряд Машагинского сельсовета. Здесь его и разыскал Андрей Семенович Кулеш.

Весной 1942 года Марго и Кулеш были вызваны в освобожденный Калинин и направлены на курсы по подготовке партизанских кадров. После обучения они с отрядом автоматчиков под прикрытием ночи перешли линию фронта.

На третьи сутки отряд проник в леса, памятные по трудному сорок первому году. У того же небольшого озера разбили лагерь, выработали план диверсий и разгрома [30] фашистских учреждений, взялись за восстановление связей с населением.

Взлетел на воздух мост через реку Адоль на большаке. Удачно прошли нападения на Ермоловский, Алушковский, Бессоновский и другие волостные полицейские гарнизоны. Почти каждую ночь прерывалось сообщение по железной дороге.

Гитлеровцы бросили на отряд Марго большие силы. Но теперь партизаны уже научились искусно маневрировать и наносить неожиданные удары по оккупантам.

В отряд вливались разрозненные партизанские группы, красноармейцы и командиры, выходившие из окружения. Скоро его численность достигла четырехсот человек. После этого была создана бригада.

По всем правилам военной науки была проведена операция по уничтожению крупного фашистского отряда. Об этом долго вспоминали партизаны Марго.

Одна из разведчиц сообщила, что в село Томсино на машинах приехало около сотни эсэсовцев. Вместе с солдатами гарнизона и полицейскими они заняли круговую оборону, прослышав о предполагаемом нападении партизан на село. Но партизаны не торопились. Прошел день, другой... Эсэсовцы решили вернуться в Себеж. Тогда Марго распорядился одному отряду устроить засаду на Себежской дороге, предварительно взорвав мост на реке Лосьме, а другому — атаковать томсинский гарнизон.

С наступлением темноты отряд засады занял позиции на склоне лесистой горы. Вскоре послышался шум семитонных

«бюссингов». Не успела показаться из-за поворота головная машина, как по фашистам ударили партизанские пулеметы. Гитлеровцы бросились в кюветы, стали отстреливаться. Машины спустились под гору и развернулись. Эсэсовцы не решились продолжать бой.

Подобрав убитых и раненых, они бросились в сторону деревни Хохлово. Здесь их ожидал сюрприз — мост через Лосьму был разрушен. Фашисты оказались в ловушке. Пришлось им восстанавливать переправу под прицельным огнем партизан.

Эхо боя хорошо было слышно в Томсине. Оставшиеся там солдаты и полицейские запаниковали. Это позволило главным силам бригады ворваться в село и без особого труда перебить всех сопротивляющихся.

Впервые народные мстители по-хозяйски, не таясь, [31] разместились в крупном населенном пункте. Захваченное в складах имущество и зерно было роздано местному населению.

К лету 1943 года партизаны активизировали наступательные действия, смелее стали нападать на вражеские гарнизоны. В деревне Заситино, например, размещался гарнизон оккупантов, хорошо оснащенный автоматическим оружием. У немцев были в придачу танк и пушка. Три отряда бригады Марго внезапно атаковали этот гарнизон и захватили все войсковое имущество, в том числе танк и орудие.

Партизаны стали хозяевами в Себежском районе, разогнав оккупационные власти. Многих фашистских ставленников — старост деревень и полицаев — партизаны уничтожили. Другие прихвостни укрылись в Себеже и на железнодорожных станциях под защитой сильных гарнизонов.

Но особенно возросла активность партизан после того, как стали летать к ним наши самолеты, возить боеприпасы, взрывчатку, газеты.

Иногда нам не хватало ночного времени, чтобы вернуться к себе на базу. Тогда мы оставались у партизан на дневку и маскировали самолет ветками. Рассказывали им о событиях на других фронтах, становились как бы информаторами и агитаторами. Часто были свидетелями их боевых действий. Да и не только боевых. Я, например, очень любил читать их стенные газеты. Правда, здесь не называли полных фамилий, но партизаны отлично знали, о ком идет речь.

В стенных газетах сообщалось о героической гибели товарищей, об удачных операциях. Вот одна, например:

«Группа партизан во главе с тов. У., выполняя задачу прервать телефонную связь гитлеровцев, внезапно услышала шум танкового мотора. Поблизости стоял высокий мост. Партизаны

отбежали от телеграфных столбов и стали подпиливать сваи. Скоро показалась колонна карателей. Впереди шли два танка и бронетранспортер, дальше грузовики с солдатами. Первые два танка въехали на мост. Не выдержав их тяжести, он рухнул. Танки скрылись под водой. А партизаны со своего берега открыли огонь по пехоте. Своим поступком они сорвали задуманную фашистами операцию по уничтожению партизанского отряда товарища Г.». [32]

И таких заметок было много. За неимением бумаги, они писались на обратной стороне фашистских воззваний и приказов, захваченных в комендатурах, на немецких военно-топографических картах и даже обоях.

...Как только гитлеровцы узнали, что мы переключились на ночную работу, они на пути нашего следования к партизанам установили зенитные пулеметы и пушки, а также прожектора. Если применить охотничий термин, то прожектора выполняли ту же роль, что и гончие, поднимающие из зарослей зверя. Попав в их ослепительные клещи, самолет превращается в освещенную мишень, которую сбить легче всего.

На моего друга Сережу Борисенко прожектора действовали так же, как на быка красная тряпка, немецкие прожектора попортили ему немало крови.

И Борисенко стал искать эффективный метод борьбы с ними. Подразумевая под прожекторами глаза, а под зенитками кулаки, он повторял:

— Фашисту глаз выбьем, пусть тогда впустую кулаками машет.

В конце концов придумал Сережа хитроумную штуку, поделился с нами и нашими командирами. Порешили дело не откладывать в долгий ящик. Вылетело, скажем, к партизанам пять-шесть самолетов. Минут за десять раньше поднималась в воздух первая пара. Один самолет шел на обычной высоте и привычной для немецких зенитчиков, другой — много выше. Заслышав рокот ненавистных моторов «русс-фанер», гитлеровцы включали прожектора, открывали стрельбу по первому самолету. Тем временем другой с выключенным мотором пикировал на прожектор и точно клал бомбы в цель. Вылетевшие позже уже спокойно продолжали полет до партизанских костров.

Позднее мы стали применять более результативный способ. Вылетали опять же два самолета. Первый заходил на цель, бросал бомбы и тут же зажигал САБ — светящуюся авиационную бомбу. После разрывов прожектора начинали шарить по небу, отыскивая самолет. Фашисты знали, что По-2 сбрасывал всегда по четыре

полусотки. Насчитав четыре взрыва, зенитчики открывали бешеный огонь по самолету и светящейся бомбе. В это время второй самолет, пользуясь освещением бомбы [33] своего товарища, бесшумно заходил на прожектор и, спокойно прицелившись, превращал его в пыль.

Так боролись мы с противовоздушными силами противника.

Летом 1943 года несколько наших экипажей, в том числе и меня, неожиданно перебросили на Курскую дугу. В этой грандиозной битве мы выполняли скромную роль. На своих По-2 возили командиров и срочные приказы.

Чтобы удержать завоеванное господство в воздухе и обеспечить успех наступления Красной Армии на Орловском и Белгородском направлениях, было привлечено пять воздушных армий и значительные силы авиации дальнего действия. Для координации всех воздушных сил Верховным Главнокомандующим были назначены представители Ставки генерал-полковник авиации Григорий Алексеевич Ворожейкин на Орловском направлении и генерал-полковник авиации Сергей Александрович Худяков — на Белгородском. Я был прикреплен к Ворожейкину.

Первая встреча с прославленным советским командиром произошла на одном из фронтовых аэродромов. В точно назначенное время к самолету подъехала легковая машина. Из нее в сопровождении офицеров вышел генерал высокого роста, плотного сложения, с крупными чертами лица. Я представился и доложил о готовности самолета к полету.

— Покажите карту и маршрут! — властно приказал Ворожейкин.

Я протянул ему планшет. Острым взглядом опытного авиатора генерал кивнул на карту.

— Маршрут изменить. Полетим сюда! — Карандашом на двухкилометровке он указал новое место приземления.

Через некоторое время мы сели в районе бывшего монастыря «Коренная пустынь», где, как я узнал позднее, располагался командный пункт Константина Константиновича Рокоссовского.

Недалеко от штабных землянок разместили и Ворожейкина с офицерами оперативного отдела Ставки. Отсюда, если требовалось, мы летали из одного авиасоединения в другое, часто приземлялись около окопов второго и третьего эшелонов, а иногда приходилось садиться [34] чуть ли не у самой линии фронта. Таким уж беспокойным и храбрым был мой суровый командир.

Когда закончилась Курская битва, мне предложили остаться в

распоряжении представителей Ставки, но я так соскучился по родному полку и упрашивал отпустить меня так убедительно, что командование разрешило откомандировать меня обратно.

«Я — свой!»

Как правило, наши полевые аэродромы располагались на околице небольших сел. Солдаты, мотористы и техники сооружали землянки, капониры, мастерские. Иные самолеты загоняли просто в лес и маскировали ветками.

У партизан объявилась новая бригада, и туда нужно было проложить маршрут. Однако первый вылет, как и первый блин, вышел комом. Требовалось от меня всего ничего: сбросить тюк со свежими газетами, а также вымпел с шифровкой о будущей связи и сигнальных огнях, поскольку рация у партизан не работала.

Судя по карте, лететь мне предстояло почти все время над лесом, где не должно быть немецких гарнизонов, а тем более зенитных средств.

И вдруг примерно на середине пути немцы открыли по мне несусветную пальбу. Склонив машину, я заметил у небольшого овражка пять танков, а вокруг них бегающих автоматчиков, которые палили в небо из всех имеющихся у них средств.

Был полдень, и я повернул к югу, нацеливаясь прямо на раскаленный шар солнца. Ослепленные солнечными лучами, гитлеровцы уже не могли хорошо целиться. Однако они стреляли так густо, что трассирующие пули дождем проносились вокруг моего самолета. К пулеметам и автоматам присоединилась скорострельная пушка. Один снаряд пробил насквозь верхнюю плоскость возле бензобака. Другой сорвал тяги первого цилиндра, и они, точно плети, захлестали по капоту. Но я, делая зигзаги, все же упрямо лез к солнцу, чувствуя, как по самолету стегают пули, рвут обшивку, дерут клееную древесину нервюр и лонжеронов.

Еще одна трасса перебила ленты-расчалки. К кашляющему мотору присоединился свист. Ну, думаю, пришел мне конец. [35]

Солнце слепило глаза, в горле першило от горелого масла. Больше всего я боялся, что машина рухнет, я потеряю сознание и немцы захватят меня в плен.

Потом я заметил, что огонь вроде бы стал стихать. Немного отвернул от солнца, посмотрел назад. Овраг и танки скрылись за деревьями. Пронесло!

Теперь пришла новая мысль: а что же делать дальше? Лететь к партизанам? Но удастся ли мне дотянуть до них и сесть? Да и если сделаю посадку, то все равно не смогу своими силами починить израненный самолет и доставить его на свой аэродром. Да и почему вдруг объявились здесь танки? Скорее всего они придавались в помощь карателям, и о них надо было во что бы то

ни стало сообщить в штаб.

Словом, после некоторых колебаний я решил повернуть назад. Дома доложу о танках, командование пошлет новый самолет и успеет оповестить бригаду о возможных действиях карателей.

По широкой дуге я сделал разворот, оглядел плоскости. Они представляли собой жалкое зрелище, лохмотья перкаля трепались на ветру, из дыр торчали щепки. Ощупал себя — не ранен ли? Нет, вроде руки-ноги целы. Только вот двигатель дымит и трещит, раскачивая моторную раму. Да и скорость вместо обычных ста двадцати едва показывает семьдесят пять километров в час. Бедняга на четырех цилиндрах просто-напросто лететь быстрей не может.

Удивило и то, что две пули искромсали стойку центроплана чуть выше моей головы и перебили межэлеронную ленту правой полукоробки.

Но как бы там ни было, а мне все-таки удалось дотащиться до своего аэродрома. Едва шасси коснулись земли, мотор вырубился сам по себе.

Ко мне на «эмке» подъехали Седляревич, начальник штаба и комэск Ковалев. Я вылез из кабины и почувствовал, что ноги совсем не держат меня.

— Ранен? — встревожился Седляревич.

— Никак нет, товарищ майор, — ответил я хрипло. — Только задание не выполнил. По дороге был обстрелян. Видел пять танков противника.

— Где? — начальник штаба поднял свой планшет. Я показал место у оврага.

— Очевидно, для танков здесь делали мост, ну и вас потрепали, — предположил Владимир Алексеевич.

— Ясно, хотят подойти к партизанам незамеченными? [36] — добавил Ковалев. — Надо предупредить их поскорее.

Седляревич посмотрел на комэска:

— Кого предлагаете послать?

Ковалев посмотрел на меня, видимо, понял, что я здорово вымотался, и проговорил:

— Разрешите мне, товарищ майор.

— Хорошо, — согласился Седляревич. — Только обойдите это место стороной, а то ощиплют, как Курочкина...

Ковалев вылетел через несколько минут, а мой самолет техники подкатили поближе к мастерской и начали делать ему капитальный ремонт.

Много, даже слишком много писали о выносливости и надежности наших По-2. Создавалось даже впечатление, что они

вообще и в воде не тонут, и в огне не горят. Но справедливости ради надо сказать, что как солдат-окопников, так и нас, рядовых летчиков самых простейших машин, смерть вообще-то находила в первую очередь. И горели наши самолетики как светлячки, и тонули скорей, и ребята гибли чаще, потому что летали без парашютов и спастись уже не могли, если машина от прямого попадания буквально рассыпалась в воздухе на куски.

Очень скоро нужда научила нас, что безопасней летать ночью. Для этого аэродром оборудовали некоторыми огнями, ввели светомаскировку. Огни зажигались, как только начинал взлетать самолет, и тут же закрывались специальными колпаками или гасли совсем.

Мы летали по расчету времени, курса и высоты. Посадка производилась почти без освещения. Мигнешь, скажем, посадочной фарой, дай, мол, свет, я — свой. Тогда зажгутся на земле три направляющих фонарика. По этим огонькам, прорезавшим на несколько минут ночной мрак, и нужно было делать заход на посадку и приземляться.

Первое время, конечно, не обходилось без курьезов. В основной массе летчики к ночным полетам были приучены слабо, часто блуждали, сбивались с курса, садились не туда, куда следовало.

Не избежал этой участи и я, хотя раньше, как говорил, немало уже полетал ночью и обучал курсантов этому делу. Затрудняла ориентировку однообразная местность без заметных ориентиров. Как-то раз, выбросив тюки на партизанские костры и убедившись, что [37] груз принят, я повернул домой. Полет близился к концу. До аэродрома по времени оставалось минут десять лета. Теперь надо смотреть вперед во все глаза и не прозевать три направляющих огонька на своем аэродроме.

Но прошло десять минут. Земля оставалась непроницаемо черной. Что случилось? Неужели заблудился?

Не обнаружив никаких огней, дал условную ракету. Ответа не последовало. Начал барражировать взад-вперед, повторяя условный сигнал «Я — свой!». Но хоть бы искорка мелькнула на земле!..

Пришлось идти на запасной полевой аэродром. Он располагался километрах в тридцати от основного. Пока летел туда, землю стало затягивать облачностью. Вдруг вижу — внизу мелькнули три ровных огонька. Я быстренько убрал газ, стал снижаться. Но скоро погас один огонь, другой... Тьфу! Это по дороге шли грузовики и фарами освещали дорогу.

Я знал, что сейчас должны садиться еще несколько наших машин, и вскоре увидел их. Они тоже кружили с включенными

бортовыми огнями, непрерывно сигналили, настойчиво требуя ответа с земли.

А видимость ухудшалась больше и больше. Иногда земля скрывалась совсем, лететь приходилось вслепую. Где же наш ночной старт?

Чуть в стороне взлетели две красные ракеты. Почему красные? По условию, основным сигналом в эту ночь была зеленая ракета. На всякий случай я подвернул к тому месту. Сквозь облачную пелену различил огоньки, похожие на светящееся Т. Снизившись до бреющего, прошел над этим посадочным знаком и понял — это был устроен ложный аэродром для фашистских летчиков.

Так и не найдя огней запасной площадки, я опять полетел к своему основному аэродрому. Подумал, если уж погибать, так у своих. На западной стороне летного поля там протекала речушка. Ее-то я и увидел на свое счастье, когда на мгновение зажег бортовые огни и отблеск их отразился в воде. Вдоль этой речушки шла довольно широкая дорога. Я понял, что раз нам посадку не разрешали, значит, аэродром бомбили. Оставалась надежда на эту дорогу. Хоть и рискованно, но на нее можно сесть.

Делаю несложный расчет, захожу на посадочный курс, сколько могу гашу скорость, выбирая ручку на [38] себя. Как ни было темно, но дорога была все же светлей совсем черных кустарников и травы на обочине. Мучительно жду, когда машина коснется земли. У летчиков, как известно, самая опасная встреча — это с землей-матушкой. Неужто она не пощадит?

Планирование тянется бесконечно долго. Вдруг промажу, пройду поворот и тогда с ходу врежусь в землю?! Сердце прыгает как у овечки. Кому охота так нелепо, за здорово живешь, принимать смерть? Чувствую, сжал зубы так, что занемели скулы. И тут колеса толкнулись о землю, самолет малость взбрыкнул «козлом», но быстро опустился на три точки, плавно покатился вперед. Я выключил зажигание.

И вот здесь-то услышал характерный надрывный гул немецких ночных истребителей. Они рыскали высоко в небе, искали наши посадочные площадки. Когда работал мой мотор, я не слышал этого гула. Его слышали с земли и поэтому не зажигали для нас фонарей. «Мессершмитты» летали и над запасной площадкой. Стало быть, там тоже молчали. Да и что, собственно, аэродромной службе оставалось делать?

Прилетев на свой аэродром, я узнал о том, что мои товарищи начали готовиться к выполнению необычного и особо важного задания, нарушившего нашу привычную, размеренную жизнь.

Груз, которому не было цены

В историю боевых действий нашего полка это задание входило под кодовым названием операция «Дети».

Отгремела Курская битва, наступил коренной перелом в войне. Но на временно оккупированной территории Советского Союза оставались миллионы семей — без крова, без средств к существованию. Скот и имущество разграблены. Предчувствуя неизбежный конец, остро нуждаясь в рабочей силе, гитлеровцы начали массовый угон людей в Германию. Одновременно силясь разгромить партизанское движение, они прибегли к неслыханным зверствам против мирного населения. Крошечный факт из тысяч — в одном только селе знакомого нам Себежского района фашисты заживо сожгли [39] 250 человек, 520 — угнали в рабство, много людей утопили в глубоком озере Себеж.

Особенно сильно этот акт вандализма ударил по детям. На них гитлеровцы устраивали настоящую охоту. Дети разбегались по лесам и пепелищам. Иные набредали на партизан, большинство же гибло от голода и холода.

Калининский штаб партизанского движения предпринял попытку в глухих лесах и болотах на стыках гитлеровских армий из групп «Север» и «Центр» отыскать проходы через линию фронта, чтобы вывести жителей и детей. Но это не удалось — всюду разведчики натыкались на сплошную оборону.

Тогда штаб радировал всем секретарям подпольных райкомов и комиссарам партизанских бригад: дети — будущее России, война идет за их жизнь и свободу, ни один ребенок не должен погибнуть, надо сделать все, что в наших силах, и все, что сверх сил, чтобы воспрепятствовать угону их в рабство. Особо подчеркивалось: считать спасение детей главнейшей боевой задачей.

В Центральном штабе партизанского движения были выработаны конкретные предложения по эвакуации детей с оккупированных территорий в советский тыл. Они-то и легли в основу воздушной операции, которую одобрил Государственный Комитет Обороны. Для этой цели, несмотря на острую нужду в самолетах, выделялось несколько полков Гражданского воздушного флота.

Один из них — наш 13-й отдельный — полностью переключался на эту работу.

Как я уже говорил, ночные полеты в тыл врага, да еще с посадками на сомнительных во многих отношениях партизанских площадках, вообще представляли собой исключительную трудность. Не каждый пилот поначалу мог их выполнить. Такой полет требует от летчика совершенного мастерства. Поэтому из

полка выбрали двадцать экипажей, прошедших дополнительную тренировку слепого самолетовождения и ночных полетов в боевых условиях. Одно дело просто возить партизанам цинки с патронами, крупу, сухари и махорку, брать из отрядов раненых или захваченные в гитлеровских комендатурах ценные документы, а другое — вывозить детей. Мы сажали свои самолеты на лесные прогалины, когда глушили мотор, часто слышали лай немецких овчарок и автоматную стрельбу: очень не любили гитлеровцы, когда у них под носом приземлялись русские [40] самолеты, а после этого партизаны дрались еще упорнее и злее.

Мы привыкли рисковать... Теперь же надо было исключить всякий риск.

Воздушную операцию «Дети» должны были осуществлять три звена по семь-восемь самолетов, которыми командовали Сергей Борисенко, Иван Суницкий и я.

Сначала требовалось провести разведку. Меня в полку считали везучим, поэтому и послали первым. Я полетел на санитарной машине с закрытой и вместительной задней кабиной.

Низкая облачность прижимала мой самолет к земле. Кажется, машина достает до кромок туч верхней плоскостью. Вокруг сплошная тьма. Лишь на приборной доске помигивают зеленые стрелки фосфоресцирующих приборов — держись, мол, старина, все будет в порядке.

Стрелка компаса словно приклеилась к цифре 270. Лечу строго на запад. Покачивается, наталкиваясь на воздушные ухабы и кочки, мой По-2 — добрая фанерно-перкалевая машина. Винт разрезает тугой воздух, сырой ветер обдувает лицо, и очки то и дело покрываются каплями влаги. Левая рука лежит на секторе газа, правая держит ручку управления. Ноги — на педалях, пристегнуты кожаными ремешками. Все как полагается. Непривычно только задание — на обратном пути вывезти детей...

Седляревич направил меня в район расположения бригады Гаврилова. Близ деревни Лиственки партизаны подготовили посадочную площадку.

У линии боевого соприкосновения гитлеровцы постреляли в темное небо, потом поутихли. Земля снова погрузилась в темноту. Трещит мотор. В небе помигивают звезды. Но сколько я ни вглядывался, свесив голову за бортик кабины, не видел внизу ни единого огонька. Все в эту короткую летнюю ночь зарылось в землю, укрылось за густыми елями, стенками шалашей. Кое-где матово посвечивали озерки. Тогда самолет начинало болтать. Он попадал во власть восходящих потоков, и приходилось вовремя выравнивать крены, удерживать точную высоту.

До Лиственки оставалось минут пятнадцать лета. Она

затерялась среди глухих лесов и болот. В ней не появлялось ни одного гитлеровца, хотя деревня находилась на территории, занятой врагом. Опасаясь проскочить деревеньку в темноте, я прибавил обороты мотору [41] и полез вверх. Но скоро почувствовал на лице сырость — попал в облака. Снизился.

Еще в летной школе, когда только усваивал азы воздушного ремесла, я понял, насколько важно научиться чувствовать машину в полете, сливаться с ней как бы в едином дыхании. Это долго не удавалось мне. Машина жила сама по себе, взбрыкивала, плохо слушалась рулей. Но постепенно я понял, что она, как живая, чутко реагирует на действия летчика, если он грамотно, осторожно, я бы сказал, ласково обращается с ней. И только после того, как я налетал много часов, пришло чувство полного единения. Работая инструктором, совершая ежедневно бесконечные полеты в зону и по кругу, я настолько отшлифовал личную технику пилотирования, что она осталась, пожалуй, на всю жизнь.

На подлете партизаны должны дать белую ракету, вслед за ней по курсу приземления — зеленую. А вдоль посадочной полосы зажечь костры. Но бывало, немцы тоже пускали ракеты и зажигали костры... Так что смотри да смотри. Главное, выдержать точный курс и время полета. Определить местонахождение и именно свою, а не ложную, посадочную точку весьма непросто. Мало ли, с какой силой, с какого направления может задуть ветер. К примеру, когда вылетал, он дул с юга, а на середине полета направление ветра изменилось. Снесет в сторону, если не учтешь этого, потому что земли не видишь, не по чему ориентироваться.

Наконец впереди по курсу прочертила дугу белая ракета. Свои! Едва заметным движением отдал ручку от себя. Через секунду вспыхнула еще одна, зеленая, ракета, показывая направление в сторону посадочных костров.

Нацелился на посадку. Костры были едва заметны. Включил посадочную фару. Сильный свет потерялся в измороси. Полностью убрал газ, подбирая ручку на себя. Машина гасила скорость и начала как бы парашютировать на своих широких крыльях. Десять метров... Пять... Наконец свет посадочной фары побежал по зеленому разнотравью луга. Машина припечаталась к земле, побежала, покачивая крыльями.

У одного из костров я увидел группу людей. На всякий случай пододвинул ближе автомат, сижу, не выключая мотора. К самолету, чуть горбясь, направился высокий человек в наброшенной на плечи телогрейке.

— Гаврилов? — крикнул я. [42]

— Алексей Михайлович! — ответил человек.

Это был условный отзыв, хотя командира бригады так и звали: Гаврилов Алексей Михайлович.

Я выключил мотор, вылез из кабины и сразу попал в объятия партизан, вынырнувших из темноты. Каждый хотел потрогать, пожать руку, обнять. Я для партизан был как бы посланцем Большой земли.

— Некогда, ребята! — взмолился я наконец. — Принимайте груз поскорей!

Я торопился принять на борт детей и улететь, пока не рассвело. Не дай бог встретиться с «мессершмиттами», которые с утра начинали свободную охоту.

Пока партизаны вытаскивали из самолета ящики с боеприпасами и оружием, я подошел к Гаврилову.

— Ну, вот и встретились, — сказал я, подавая руку партизанскому командиру. — Теперь, наверное, часто буду летать к вам.

— Передайте командованию наше сердечное спасибо за помощь, — проговорил Гаврилов.

— Непременно.

Гаврилов был высокий, подтянутый человек. Оказывается, до войны он окончил военное училище, был командиром взвода, попал в окружение, позднее организовал партизанский отряд. Говорил Алексей Михайлович мало и тихо, как будто нарочно приглушал свой голос. Но судя по тому, как быстро выполнялись его приказания, Гаврилов пользовался непререкаемым авторитетом.

Вместе с Гавриловым стоял комиссар бригады Васильев. Он вынул из полевой сумки и показал фашистскую листовку. Под орлом со свастикой было напечатано воззвание к населению. Гитлеровцы приказывали выслеживать и ловить летчиков со сбитых самолетов. За каждую голову они сулили вознаграждение в пятьсот тысяч марок.

— А за вашу, Алексей Михайлович, сколько обещают? — спросил я Гаврилова.

— Миллион, — засмеялся Васильев. — Как-никак, Алексей Михайлович партизанский вожак и насолил немцам здорово.

— Шутки шутками, а мы с комиссаром приняли дополнительные меры к охране всех ваших экипажей, — серьезно сказал командир партизанской бригады.

Помолчав, Гаврилов обратился к комиссару: — А теперь, Николай Васильевич, веди товарища летчика к детям... [43]

Дети стояли у костра — оборванные, исхудавшие, рано повзрослевшие, дети тяжкой военной поры. Ребятишки грелись у

огня, встретили меня настороженными взглядами.

Я взял на руки мальчика, поглядел в лицо с тонкой и желтой кожей, сморщенное у рта и глаз, и у меня невольно навернулись слезы. Мальчик уперся ручонками в мою грудь, дергался, едва не дрался, стараясь вырваться. Я отпустил его. Сколько же зла видел и вынес этот маленький человечек! Вернется ли к нему когда-нибудь прежняя веселость, доверие к людям и доброта?!

— Ребята, ребятки... — заговорил комиссар Васильев. — Это наш летчик, дядя Курочкин.

Дети, казалось, ждали лишь момента, чтоб броситься врассыпную. Они инстинктивно не доверяли незнакомым взрослым. Страх застыл в их глазах.

— Дядя будет летать к нам. Помогать скорее прогнать проклятых фашистов. Вместе с ним вы полетите на Большую землю. Там вам будет лучше, чем здесь, в лесу, в землянках. Вас будут хорошо кормить и одевать, вы станете учиться. Растите и постарайтесь потом быть полезными своей Родине.

— Кто из вас полетит со мной первым? — спросил я.

Дети тесней прижались друг к другу и молчали. Тогда я присел около самого маленького.

— Тебя как зовут, мальчик?

Вместо ответа малыш обвил мою шею ручонками и крепко прижался, словно боясь потерять. У меня снова, как в тумане, поплыли костры и лица партизан.

— Как же мне звать-то тебя? А?

— Вася, — едва слышно прошептал малыш.

— Вася, Василек... У меня брат Вася. Ему уж двенадцать лет, а тебе сколько?

Малыш растопырил все пальцы на одной руке.

— Пять лет... Получается, ты теперь не только мой друг, но и младший брат. — Разговаривая с Васей, я неторопливо пошел к самолету.

Пора, пора было улетать.

Что-то говоря Вильку о своем брате, я подошел к машине уже в окружении ребят. Оттянул крышку задней кабины.

— Ты летал на самолете, Василек?

— Не....

— И вы, ребята, не летали? [44]

Видя доверчивость Васи, дети дружно помотали головами.

— Ничего страшного... Вы давайте забирайтесь. По одному... По одному... В тесноте, да не в обиде.

Как же я был благодарен смелому, решительному Вильку! Не разговорись я с ним — трудновато пришлось бы с погрузкой. Да и полет без доверия — мука.

— Вот так! Вот так! — подбадривал я ребят. — Сейчас взлетим и через час на Большой земле у своих будем.

Четверо мальчиков и трое девочек забрались в кабину. Василька я посадил на колени к самой старшей девочке, лет десяти.

— А ты куда, дядя? — всполошился Василек, увидев, что я собираюсь закрывать козырек пассажирской кабины.

— Да здесь я, за перегородкой. — И постучал по фанере. — А вы держитесь вот за эти ручки и друг за друга... Ну, будем считать, что к полету готовы.

Я задвинул колпак, защелкнул замки крепления на боку фюзеляжа. Быстро простился с партизанами и полез в свою кабину.

Один из бойцов повернул винт. Я включил зажигание, и наклонился к ручке магнето.

— Контакт!

— Есть контакт.

Партизан рванул винт и отскочил в сторону. Чихнув и выбросив облако белого дыма, заработал мотор. Я порулил на линию взлета. Держась за консольную часть нижней плоскости, бежал добровольный помощник, помогая мне разворачивать самолет. Я прикинул загрузку: восемь пассажиров в среднем по тридцать пять килограммов каждый, что и говорить, загрузка превышала расчетную почти вдвое.

Мотор работал на средних оборотах мощно и устойчиво. По бокам полосы ярко пылали костры. Воздух был плотен. Это позволяло рассчитывать на благополучный взлет. Ведь только на середине разбега я пойму, смогу ли подняться при такой перегрузке с маленькой площадки или нет.

Помахав на прощание рукой, опускаю ее на сектор газа и плавно двигаю вперед. Мотор развивает максимальные обороты. Но отяжелевшая машина трогается не сразу. Наконец сдвинулась с места, начала разбег. Метров через тридцать самолет слушается рулей. Хвостовая [45] часть оторвалась от земли, линия капота приблизилась к линии горизонта. Подъемная сила крыльев уже способна была держать машину в воздухе! Я оторвал самолет от земли.

Стрелка высотомера поползла по шкале. Сто метров. Еще пятьдесят... Хватит. Я облегченно вздохнул, откинулся на спинку сиденья, чтобы размять занемевшую от напряжения спину. Осторожно склонив машину в вираж, довернул до курса девяносто градусов — путь домой.

Да будь у меня на борту триста килограммов взрывчатки вместе с детонаторами, когда любой неловкий толчок грозит

взрывом, я волновался бы меньше. А тут восемь жизней. Восемь ребячьих сердчишек, беспредельно поверивших мне, моему умению, моему боевому счастью, удаче моей, наконец. Ведь первый полет во многом определял всю будущую операцию по спасению сотен детей. Закончись этот полет — тьфу! тьфу! тьфу! — неудачно, командование может и не рискнуть на новые.

А впереди была линия фронта, которую мне еще предстояло пересечь.

Тихо за фанерной стенкой.

Не испугаются ли ребятишки обстрела или, чего доброго, преследования какого-либо аса, что погонится за легкой добычей? Тут и взрослым бывает не по себе.

За бортом, над лесами и озерами, поплыл легкий предрассветный туман. Хорошо! С земли меня труднее услышать, тем более увидеть и прицельно вести огонь.

Но над передовой немцы подняли такую стрельбу, что вокруг стало светло. Забили автоматические пушки, ракеты пробивали туман. Разноцветные трассы заметались по сторонам. Гитлеровцы стреляли по звуку. У них на этом участке не было прожекторов, они не видели меня. Я увеличил обороты, разогнал машину до ста шестидесяти километров в час, так, что зазвенели расчалки. На борту дети! Как можно скорей через опасную зону передовой!

Впереди ослепительным блеском сверкнула молния. Этого еще не хватало! Гроза! И обойти ее нельзя. Не хватит бензина. Я потянулся к земле, захотел поднырнуть под грозовые облака. Самолет стало трепать. Ливень и сильный ветер проникал во все щели. Залит водой не только козырек, но и пилотская кабина. Управлять машиной очень трудно, все время приходится держать [46] повышенные обороты мотора и скорость. Земля сквозь пелену дождя просматривается еле-еле...

Но вот мелькнула прогалина в лесном массиве. Это так называемый подскок. Иногда мы поднимались с него, когда летали в глубокий тыл врага. Значит, скоро появится аэродром. Как бы его не проскочить...

Кончился лес. Снижаюсь до десяти метров. Из фонарей «летучая мышь» выложен посадочный знак. Убираю газ, гашу скорость, тяну ручку на себя... Опускаюсь на три точки. Толчок. Дома!

На востоке потихоньку разгорается заря. Заруливаю на стоянку, выключаю мотор. Слышно, как шипят и потрескивают цилиндры и выхлопные патрубки.

Уронив руки на колени, сижу некоторое время, не в силах пошевелиться.

К самолету подбегают двое: старший авиатехник Дебелергов

и моторист Шатунов. Освещают фонариком кабину. Надо подниматься. Вылезаю на плоскость. Открываю дверцу... Утомившись, ребятишки спят...

— Гриша! Кто примет ребят?

— Докторша о них уже позаботилась, — отвечает Дебелергов. — Вера Исидоровна приготовила для ребят палатку с постелями. Там они посидят. Потом их накормят — и дальше в тыл.

Несмотря на ранний час, к самолету сбежались летчики и техники других экипажей, те, кто полетит за детьми завтра. Мы осторожно, чтобы не разбудить, вытаскиваем ребят из пассажирской кабины, передаем их из рук в руки.

Многие из товарищей впервые увидели детей оттуда, с той стороны. В сумрачном свете наступающего утра особенно видны стали их бледные, голодные лица, жалкая одежонка.

Подошел командир полка Седляревич. Я доложил ему о выполнении задания.

— Сколько, говоришь, привез детей? — переспросил комполка.

— Восемь.

— Не много ли для По-2?

— Товарищ командир, их столько было на партизанской площадке. Они боялись лететь. Пришлось уговаривать. А когда согласились, стало ясно: всех надо брать.

— Ну а если было бы десять человек? [47]

— Очевидно, взял бы и десять... И с такой перегрузкой лететь на По-2 можно, Владимир Алексеевич.

На разборе полетов Владимир Алексеевич Седляревич счел нужным сказать, что против нас действует отряд из двух истребительных эскадрилий четвертого флота люфтваффе. В отряде имеются тяжелые двухмоторные истребители Ме-110, оборудованные для ночных полетов, и обычные Ме-109, которые с рассветом вылетают на свободную охоту.

Зачитал он также приказ, перехваченный у гитлеровцев:

«Службой воздушного обеспечения замечена активизация легкой русской авиации в тылах нашей полевой армии. Самолеты обеспечивают вооружением партизанские отряды, которые усиливают борьбу, совершают диверсии на железных дорогах, нападают на гарнизоны и крупные населенные пункты. Сложность борьбы с русской авиацией усугубляется тем, что полеты совершаются ночью или днем в условиях плохой видимости и тяжелой облачности.

Наша цель одна — пресечь эти действия, не дать возможности русским летать как дома.

Приказываю:

Усилить подготовку летчиков для работы ночью.

Организовать начало вылетов примерно за час до рассвета с тем, чтобы перехватывать русские самолеты на обратном пути.

Усилить зенитными орудиями гарнизоны, находящиеся в зонах действия красной авиации, чтобы по всему маршруту создать ожесточенный и непрерывный огонь.

Легкий самолет, именуемый у нас «русс-фанер», приравнять к боевым истребителям, состоящим на вооружении Красной Армии. За каждую уничтоженную машину соответственно выплачивать летчикам денежное вознаграждение, представлять к орденам, содействовать в продвижении по службе.

Командир первой эскадры четвертого флота военно-воздушных сил генерал авиации Хюбе».

Что же, война есть война. Противник у нас, что говорить, серьезный. Значит, и нам надо принимать соответствующие меры.

Особое внимание командир полка уделил нашей предполетной подготовке. [48]

— Полетная карта — предмет исключительной важности, — сказал он. — Без нее, вы это хорошо знаете, немыслим полет на расстояние, тем более ночной полет во вражеский тыл. Поэтому тщательно изучайте карту перед каждым вылетом. Это не только первая обязанность, это главное занятие летчика.

Он был прав. В полете всегда приходится заниматься штурманским делом, переносить взгляд с карты на местность, сличать ее со множеством ориентиров, скользящих под самолетом, чтобы не заблудиться, точно выдерживать курс. Лесные и водные площадки, реки и озера, нити железнодорожных, шоссейных, проселочных дорог и места их пересечения должны мы знать назубок. Знание карты, умение быстро сличать ее с местностью помогает успешней выполнять задание.

— Так же вдумчиво надо изучать и карту метеообстановки, — подчеркнул Седляревич. — Мы же часто пренебрегаем ею.

Да, с этой картой дело посложнее. Изотермы, изобары, разные крючки, расположения холодных и теплых воздушных фронтов — чего только не изображено на ней. Попробуй разберись во всем этом! Но разбираться надо. Метеорологи всю ночь не спят, разрисовывают эту карту тушью и разноцветными карандашами. И хотя их кропотливый труд не всегда верно предсказывает погоду — такая уж путаная эта наука — метеорология, — летчик обязан знать прогноз, чтобы в полете он не мог столкнуться с неожиданностью.

Остановился Владимир Алексеевич и на психологическом состоянии летчика. Когда мы, к примеру, бомбили вражеские

позиции, то у экипажей настроение было в прямом смысле боевое. Мы летели к цели не только через огненные преграды, но прежде всего шли в бой с врагом. Мы знали, что на пути к цели враг обязательно встретит нас зенитками, за нами станут охотиться фашистские истребители. И если смерть, то смерть в бою. Как погибает солдат в атаке.

Теперь же мы повезем детей, и у нас должно быть иное состояние. Главное, мы должны сберечь их любой ценой. Каждый полет надо постараться выполнить с полной безопасностью, не допуская риска, проявляя наибольшую осторожность на протяжении всего полета.

Предусмотрел наш командир и такой момент.

— Забирая детей из партизанских отрядов, — говорил он, — мы будем все дальше и дальше углубляться [49] во вражеский тыл. Первыми это почувствуют командиры звеньев — Сергей Борисенко, Иван Суницкий, Петр Курочкин, поскольку они вылетают на разведку новых и новых трасс, и лишь за ними потом полетят другие экипажи. Покрывая большие расстояния, мы неизбежно станем сокращать количество полетов. Что же делать? Вроде выхода нет... Надо тут поломать голову боевым товарищам пилотов — техникам, механикам, мотористам, смелее внедрять изобретения и рационализаторские предложения. Видимо, придется кое-что с По-2 снять, чтобы облегчить машину для большего запаса бензина, увеличения дальности полета. Может быть, заменить кресло, вытащить санитарные носилки, удлинить тягу газа, добиться тем самым увеличения мощности мотора, особенно необходимой для взлета перегруженной машины, как это осуществил наш товарищ...

При этом Седляревич посмотрел на меня. Словом, командир призвал всех к творческой работе. Только при таких условиях мы сможем быстрее вывезти детей из оккупированных районов, выполнить важное задание командования и советского народа.

В моем авиазвене пилотами были молодые ребята. Сразу же после этого совещания я начал с ними соответствующие тренировки. Особое внимание уделил различным приемам на случай, если придется встретиться в воздухе с вражескими истребителями.

По-2 — машина легкая, тонна — весь полетный вес. И скорость, как у нынешней «Волги», — чуть больше ста километров в час. Разойдется ветер — и начнет ее, бедняжку, бросать как пушинку. То и дело смотришь на карту, часы, компас, считаешь минуты и секунды. Словом, пока летишь, не соскучишься.

Рации на наших самолетах нет. Улетишь, и никто не знает, где ты, что с тобой. Никто не в состоянии исправить твою ошибку.

Тут уже работай головой и, если что, сам выпутывайся из беды.

От винта!

В кустах слышно позвякивание ключей, тихий говор, вроде: «Дай на семнадцать», «Еще на две нитки подтяни», «Торцевым надо, простым не возьмешь». Там, в кустах, замаскированы наши самолеты, и около них все время возятся техники. Не позавидуешь им: ночью они [50] готовят машины к дневным полетам, а днем обеспечивают ночные рейсы. Вечно недосыпая, при острейшей нехватке запчастей и инструментов, тем не менее они заставляют работать старые, раздрызганные двигатели, многие из которых давно уже выработали свой моторесурс.

Техники постоянно что-то изобретали, переставляли с одного мотора на другой какие-то детали, в полевой токарной мастерской вытачивали новые — и двигатель, к удивлению, мог работать еще несколько десятков часов, потом еще и еще.

Мы, летчики, по молодости не слишком задумывались над их работой. А они, оказывается, думали о нас больше, чем о самих себе. Они не летали к партизанам, не возили боеприпасы, взрывчатку, продукты, не брали обратно детей и раненых, но каждый из них, отправив нас на боевое задание, ждал возвращения, как можно ждать самого желанного человека. Мысль о том, что летчик может погибнуть или совершить вынужденную посадку из-за плохо подготовленной материальной части, держала техников в постоянной тревоге. Я видел ребят, которые плакали, когда по времени самолет должен был вернуться, а его нет и нет. Техник не думал, что пилота могли расстрелять в воздухе «мессершмитты» или сбить зенитки, первый вопрос он задавал себе: неужели отказал мотор и виноват в гибели летчика я?

Инженером нашей эскадрильи был Григорий Ефимович Сербин. Нам он казался уже пожилым. Ему было лет тридцать пять. Не помню, чтобы он говорил о чем-либо другом, кроме моторов, запчастей, ресурсов двигателей. Вечно озабоченный, поджарый, как гончая, он бегал по аэродрому, подгонял механиков и техников, иногда сам лез в мотор, проверял самолеты, которые должны были вылетать.

Мы не знали, когда Сербин спал, когда умывался и брился. На аэродроме он был всегда — и днем и ночью. Когда обычно под утро мы возвращались из ночного рейса, первой среди встречающих маячила длинная фигура Григория Ефимовича.

Роль Сербина в обеспечении наших полетов была настолько велика, что я не могу не рассказать о нем поподробнее.

Сербин родился в Крыму в семье пастуха-батрака, которого гоняла нужда по Сибири и Дону. В 1928 году отец вступил в

коннозаводскую коммуну имени РВС. [51]

Григорий окончил курсы трактористов и работал на машинах, о которых теперь и не вспоминают, — «интер», «фордзон», «джандир». Потом его призвали в армию. Сначала служил в конном взводе разведчиков, позднее учился в военной школе младших авиаспециалистов.

После демобилизации работал в Краснодарском отряде сельскохозяйственной авиации. Когда началась война, его отряд стал работать на нужды фронта. Сербин воевал на Кубани, в Крыму, участвовал в легендарной Керченской операции.

Потом авиаэскадрилью, в которой служил Сербин, перебазировали в Сочи, и попала она в состав Кавказского фронта. Гитлеровцы были уже рядом с Туапсе. Шли бои на Главном Кавказском хребте. Самолеты летали в те места, где другой вид транспорта было невозможно применить. Они перебрасывали туда оружие и продовольствие, а обратно вывозили раненых бойцов и командиров. Отдельные экипажи летали к партизанам в Крым, в районы Симферополя, Керчи, Феодосии. Всю сложность и трудность таких полетов может оценить только летчик, сам летавший в глубокий тыл врага. Без связи, без ориентиров безоружный самолет летит морем, и только морем. И в любой момент он мог стать легкой добычей вражеских истребителей, которые барражировали в воздухе от зари до зари. Но и малейшая неисправность в моторе, отказ рулей управления грозили верной смертью. На море на вынужденную не сядешь...

Наверное, здесь Сербин приучился готовить мотор к полету так, чтобы он работал как часы.

После наступления на южном участке фронта эскадрилья перелетела в Елец. Здесь Сербин попал в состав нашего авиаполка.

Благодаря таким авиационным специалистам, как Григорий Ефимович, мы не знали тревог за свои самолеты — они всегда были готовы к полету.

«Если бы вы, летчики, знали, — напишет впоследствии инженер Сербин, — как мы вас ждали с задания... Это нельзя рассказать, это можно только душой прочувствовать. Каждый из полетов, особенно в тыл врага, к партизанам, был равен подвигу...»

Почти такого же двухметрового роста, любовью к самолетам похожий на Сербина, был курянин Павел Павлович Шокун — старший авиатехник звена. Во многие полеты я брал его с собой. Хотя в штурманском деле он разбирался слабо, но у него была превосходная зрительная [52] память. Стоит пролететь раз, и он запомнит все ориентиры, все речки и ручейки, канавы и кочки

этой местности, будто здесь родился. Часто Пал Палыч, как мы звали его, служил вместо тормоза. На По-2, как известно, тормоза шасси не было, а посадочная площадка обычно чудовищно мала. И надо, например, доставить в штаб срочный пакет. Тогда мы садились на обыкновенные более или менее прямые дороги-проселки. Делали так: парашютируя, я нацеливал самолет на посадку. Пал Палыч вылезал из задней кабины и садился верхом на фюзеляж. Как только шасси касались земли, техник скатывался вниз, к стабилизатору, и резко осаживал хвост. Таким образом, на посадке сразу увеличивалось лобовое сопротивление, самолет тормозил, мы останавливались в самой близости к штабу. Площадку же для взлета подбирали уже в другом месте.

Однажды, как в песне поется, «на честном слове м на одном крыле» из полета вернулся самолет Коли Загребнюка. Казалось, фашисты не оставили на нем ни одного живого места. Мотор коптил, чихал, с грохотом выл. Крылья были все в лохмотьях, из лонжеронов и нервюр торчали щепки. «Мессера» били наверняка, и только чудо спасло летчика. Горестно качая головами, Сербин и Шокун осматривали машину.

— Придется списывать, — проговорил, наконец, Григорий Ефимович и вдруг начал оправдываться перед Пал Палычем: — А где ее отремонтируешь? Моторама перебита, один цилиндр тоже, фюзеляж — чихни — сам развалится...

— Да я что? Я ничего, — забубнил Шокун. — Оно, конечно... Только если...

— Что «если»? — насторожился Сербин.

— Раму-то сварим, цилиндр на складе найдем, а но мелочи кой-что у меня найдется.

Сербину и самому не хотелось списывать разбитый самолет, но возможности ремонтировать его во фронтовых условиях он не видел.

Техники, мотористы, инженеры и так были загружены до предела — где найдешь лишнее время?

Из полевой сумки инженер эскадрильи вытащил бланк дефектной ведомости:

— Давай лучше писать. Диктуй.

Пал Палыч начал с легкого:

— Лонжерон правый нижний... Его тут можно хомутиком [53] стянуть. Две нервюры... А это вообще раз плюнуть. Столяр запросто сварганит.

— Ты, Палыч, не крути, — рассердился Сербин. — Говори только повреждения — то и то, и молчи о том, как исправить.

— Ну, перкаль на верхней плоскости два метра, фюзеляж у пилотской кабины — фанера клееная, — набычившись, начал

диктовать Шокун. — Растяжка левой плоскости. Элероны... Тяга руля высоты... Так это же проволока!

Переругиваясь, Сербин и Шокун все же составили ведомость, записали сорок шесть серьезных повреждений. Старший инженер полка по ремонту Кузнецов находился на базовом аэродроме тяжелых кораблей. Когда Сербин показал ведомость командиру полка, Седляревич без разговора вытащил авторучку и хотел уже ставить подпись под приговором «списать». Но в этот момент взбунтовалось сердце старого механика. Сербин даже обиделся на промолчавшего командира полка. Он думал, тот будет просить, убеждать, что каждая машина на счету, что летать скоро вообще будет не на чем.

— Списать-то легче легкого, Владимир Алексеевич, а может, помараковать еще? — И выжидательно уставился на Седляревича.

— Да что тебя убеждать, Григорий Ефимович? Сам знаешь...

— Считайте, убедили. Сделают ребята, сделают.

Обрадованный Сербин схватил дефектную ведомость и помчался к техникам.

Действительно, глаза страшатся, а руки делают. Через несколько дней самолет Коли Загребнюка, блистая новыми заплатами, был полностью отремонтирован и мог бы летать долго, если бы не злая судьба, сократившая ему жизнь.

Он возвращался из партизанского отряда. На борту было двое тяжело раненных бойцов. До линии фронта оставалось минут пять лета. Вдруг небо озарило светом двух мощных прожекторов. И как раз нигде ни облачка, чтобы укрыться! Заговорили орудия и пулеметы. Десятки снарядов, тысячи пуль потянулись к самолету. В воздухе, показалось, нет и метра, где бы не рвался снаряд! Он бросил машину в пике, чтобы быстрее снизиться, прижаться к земле и на бреющем проскочить опасную зону, хотя и боялся трясти своих раненых, которые [54] и так с трудом переносили болтанку самолета и глубокие виражи. Он уже попадал в такие переделки, думал и на этот раз выскочить целым.

Снаряд ударил в бензобак. Взрыв окатил бензином всю машину. Она вспыхнула как смоляной факел. Еще несколько секунд держался огонь, долго ли гореть перкалю и клееному дереву!

Так погиб Коля Загребнюк и с ним два партизана.

Сербин и Шокун не могли взять вину на себя. Их самолет работал хорошо и мог бы еще долго летать, но он пал смертью храбрых, как боец в атаке, который бросился навстречу вражескому огню, и злая пуля нашла его сердце.

Немало самолетов вернул в строй и инженер Константин Александрович Белокопытов. Это был человек весьма одаренный,

смелый, склонный к технической выдумке. Он и в авиацию пришел, когда только создавалось Общество друзей воздушного флота (ОДВФ). Он конструировал авиационные аппараты, создал легкий самолет, на котором совершил свой первый полет, построил несколько типов планеров. В 1928 году Белокопытов организовал планерную школу, позднее преобразованную в школу гражданской авиации. Его аэросани Б-2 на шесть мест развивали скорость до 120 километров в час. Решением краевого совета Осоавиахима и комиссии ВВС Приволжского военного округа, где работал инженер и конструктор, они были допущены к эксплуатации. На них обучались пилоты, проводились также агитационные пробеги. Успехов добился Белокопытов и в конструировании глиссеров. Для военно-учебных целей он построил мощный глиссер с мотором в триста лошадиных сил.

В середине тридцатых годов Белокопытов перешел на работу в Московский научно-исследовательский институт Гражданского воздушного флота. На заводе № 1 имени Осоавиахима при его участии строятся усовершенствованные глиссеры для районов, где они были незаменимым видом транспорта. Константин Александрович участвовал в проектировании и строительстве первого в мире быстроходного двухкорпусного глиссера-экспресса типа «Катамаран» на сто мест. На этом судне было установлено четыре авиамотора общей мощностью в три тысячи лошадиных сил. Несколько лет «Катамаран» работал на Черном море.

В войну Белокопытов попал в наш полк и много сделал [55] в совершенствовании летных качеств самолета. Самолетно-моторный парк состоял из машин однотипной конструкции. В какой-то мере это облегчало работу по эксплуатации материальной части. Хотя санитарные самолеты СП и С-2 являлись модификацией По-2, но имели отличие по внешнему виду и внутреннему устройству. Они были тяжелее своего собрата, поэтому на них устанавливались моторы большей мощности. Безупречное состояние двигателя всегда помогало нам, летчикам. В авиации говорят, что двигатель — сердце самолета. Оно находилось в надежных руках техсостава. Для летчиков мотор был вторым сердцем. Техники, инженеры делали все от них зависящее, чтобы обеспечить боеспособность самолета, создать условия для выполнения максимального количества вылетов, гарантировать победу в поединке с зенитчиками и фашистскими истребителями.

С отвагой и стойкостью, в любую погоду, часто под огнем противника наши технари готовили машины к полетам, быстро вводили в строй поврежденные самолеты.

Однажды, возвращаясь с боевого задания, самолет По-2 с

двумя ранеными попал в туман и врезался в лес. Он повис на деревьях. Правда, летчик и раненые остались живы, но самолет получил большие повреждения. Были поломаны плоскости, разорвана нижняя часть фюзеляжа, перебито хвостовое оперение. Казалось бы, дорога этому самолету одна — на свалку. Но Белокопытов разработал свой план. Под его руководством техники изготовили большие лестницы, поставили лебедки и осторожно сняли полуразбитый самолет с высоких деревьев. Через несколько дней машина была восстановлена и продолжала летать на боевые задания.

Вообще техники, механики, мотористы, ремонтники, шоферы под командованием Белокопытова творили, что называется, чудеса. Они изготовляли в полевых условиях сложные детали, латали плоскости, клеили камеры шасси, смело осуществляли разные эксперименты, которые давали возможность вдвое увеличивать дальность полета и не меньше чем втрое повышать грузоподъемность машин. Подобно врачам-исцелителям, они проделывали сложнейшие операции и возвращали самолеты к боевой деятельности. У них почти не было случаев, чтобы подбитые машины списывались.

На плечи технического состава ложились и другие [56] заботы. Наши технари катками выравнивали взлетные полосы, засыпали воронки после бомбежек, строили землянки, маскировали самолеты, вели круглосуточную охрану, поскольку у нас не было ни штатного батальона аэродромного обслуживания, ни ремонтных мастерских, ни маскировщиков, ни вообще лишних бойцов.

Рожденный в воздухе

Синоптик на разборе полетов уныло сообщил:

— В районе Агурьянова грозовой фронт, облачность сто метров. Видимость... да что говорить? Нету видимости.

— Значит, надежд на улучшение погоды нет? — сердито переспросил командир полка, как будто этот белесый курчавенький лейтенант был виноват в том, что низкие тучи с дождями и ветром обложили весь огромный район наших действий.

— Так фронт же! — воскликнул синоптик, объясняя этим словом всю погодную обстановку.

— А лететь, товарищи, надо. — Седляревич поднялся с чурбака и обвел взглядом летчиков. — В Агурьянове ждут дети, туда же приказано перебросить представителя штаба партизанского движения.

— А много детей? — спросил кто-то.

— Четырнадцать.

— Тогда пусть Курочкин летит. У него мотор с форсажем, вытянет.

Все поглядели в мою сторону. Лететь, по правде говоря, не хотелось. От постоянного недосыпания у меня стала побаливать голова. Сегодня же поламывали кости — погода обостряла ревматизм, приобретенный в сырых землянках, в сквозняках полетов. Но и отказываться было неудобно. Обычно мы расценивали землю как посадочную площадку, с которой можно взлетать. Каждый из нас стремился больше быть в воздухе, чем на земле.

— Что молчишь, Курочкин? — спросил Седляревич.

— К полету готов! — ответил я.

Владимир Алексеевич внимательно посмотрел мне в глаза, но ничего не сказал и перешел на другое:

— Наша машина как бы нарочно создана для трудных [57] метеорологических условий. Облачность сто метров для нее — лучше не надо. Другое дело — гроза. Но и ее можно обойти. Давайте, пока этот грозовой фронт висит над нами, поработаем.

Все дружно загомонили: летать так летать! Когда пилоты стали расходиться, Седляревич задержал меня.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он. Я пожал плечами.

— Вылет, как обычно, вечером. А пока отдыхайте. Возьмите у врача люминал, выспитесь хорошенько.

— Есть выспаться, — подтянулся я.

Снотворное подействовало. Ребята накрыли меня меховыми куртками, поспал я хорошо, и, когда проснулся, хворь будто рукой сняло.

Стал готовиться к полету. Развернул карту, начертил кривую маршрута с учетом конспирации трассы полета и КПМ — конечного пункта маршрута. Красным карандашом округлил зенитные установки врага. Предполагаемая посадочная площадка

была рядом с лесным массивом и озером, в стороне от железной и шоссейной дорог. Это уже радовало. Фашисты не скоро смогут добраться до нее, если и увидят, куда я нацелился на посадку.

Пришел невысокий бородатый мужчина в стареньком кожушке, порыжевших от старости сапогах. Поискав место, поставил в угол автомат, прошел к столу:

— Вы Курочкин?

— Да.

— Значит, с вами лечу. — Мужчина присел рядом, достал кисет и стал медленно закручивать цигарку. Он походил на обыкновенного крестьянина. Ни за что и не подумаешь, что этот человек мог представлять штаб партизанского движения и был, видно, не в малом звании. Молча он посмотрел на мои вычисления. Я столбиком выписывал курсы и время на тот или иной отрезок. Поскольку видимости синоптик не обещал, полет придется выполнять вслепую по приборам, мало полагаясь на ориентиры.

— Вы когда-нибудь бывали в Агурьянове? — спросил я своего пассажира.

— Бывал. А что?

— Найдем ли мы село в такую погоду?

— Видите ли, я никогда не видел его с воздуха, но, думаю, узнать — узнаю. [58]

— И то ладно. — Я сложил карту и расчеты в планшет.

Полуторка подвезла к самолету три ящика с гречкой-концентратом и два цинка патронов. Григорий Дебелергов по привычке коротко доложил о готовности самолета. Загрузившись, я пригласил представителя партизанского штаба в пассажирскую кабину.

Быстро сгущались сумерки. Моросило. Холодный ветер шумел в кустах, предвещая близкую осень. Придерживая одной рукой шапку, другой вцепившись в консоль плоскости, Дебелергов помог вырулить на старт.

С командного пункта взлетела зеленая ракета.

При наборе высоты дождь залил стекло козырька кабины, посыпал на очки, на лицо. В кабине стало сыро, неуютно. Я летел почти с закрытыми глазами, но чувствовал самолет как самого себя, точно улавливая малейшее изменение в полете. Самолет в тучах стало беспощадно болтать, словно я попал в какую-то круговерть. Приходилось все время парировать толчки, работать ручкой управления, педалями, чтобы держать летящую машину в определенном положении и на точном курсе. Вскоре у меня от напряжения заныла спина. Подниматься вверх было бесполезно, тучи, наверное, забрались до самой луны, а снижаться — опасно.

Высотомер показывал каких-то пятьдесят метров. Попадись горка с соснами, я мгновенно состригу у них верхушки.

Облака были заряжены электричеством высокого напряжения. Я с тревогой ожидал разряда, но, к счастью, гроза еще не набрала силы.

Тридцать минут я шел одним курсом, потом еще тридцать — другим. Над линией фронта проделал «змейку», впрочем ненужную. Гитлеровцы, видимо, полагали, что только сумасшедший мог лететь в такую погоду. Правда, они зажгли несколько прожекторов, однако сразу же их свет запутался в низких непроглядных тучах, и их пришлось погасить.

Еще через час я вышел на прямую КПМ — конечного пункта маршрута. Партизаны на посадочной полосе должны были зажечь три костра по прямой. Но как мне их рассмотреть? Поднял на лоб очки, свесил голову над бортиком, всматриваюсь, как в черный омут, и ничего не вижу. Неужели заблудился? Мысленно стал восстанавливать курсы и время полета. Нет, все правильно. А вдруг неправильно, где-то ты недобрал или перебрал несколько минут? Считаю снова. Делаю поправки [59] на ветер и снос. Ошибки не нахожу. А партизанских костров нет! Кладу машину в вираж. По времени мы кружим где-то над Агурьяновом. Пробую спуститься ниже. Всматриваюсь до рези в глазах. Ни черта не видно! Поблескивают какие-то озерки, речка. Стучу в перегородку. Кричу:

— Внизу есть лючок, откройте его, смотрите вниз!

Пассажир, видно, склонился над лючком. Но что увидит он, если я, привычный человек, и то ничего не могу рассмотреть на земле.

— Агурьяниха это — речка! — слышу крик пассажира.

Действительно, не раз промелькнул тонкий ориентир речушки: ее извилистая узкая лента еле-еле мерцает тусклым серебром.

Нахожу на карте место. Само село, оказывается, мы оставили позади, а площадка в десяти километрах северней села. Направляю самолет туда, но костров по-прежнему нет.

Неужели лететь назад, так и не выполнив задания? Бывало, мы возвращались ни с чем. И никто не винил нас. Все понимали, что обстановка была такова, когда задание выполнить не представлялось возможным — будь то погода, сильный заградительный огонь, площадка захвачена врагом или встреча с «мессерами». Но в душе всегда оставался неприятный осадок: даром прожитый день!

Продолжаю носиться над землей, искать огни. Село, конечно, внизу. Сейчас немцы в комендатуре названивают по всем

ближайшим гарнизонам, поднимают тревогу, может, уже едут к предполагаемой посадочной площадке.

— Вы точно видите Агурьяниху? — кричу пассажиру в переговорную трубку.

— Не сомневаюсь — она! — отвечает пассажир. Вдруг внизу посветлело. Костер! Но почему один?

Ухожу вверх и строю «коробочку» вокруг костра на земле. Вскоре зажигается еще один. Вижу, люди на земле несут горящие сучья к третьему костру. Наконец-то! Теперь — на посадку. Убираю газ, начинаю парашютировать, то есть сажусь с большим углом атаки крыльев, чтобы уменьшить скорость, а следовательно, пробег на посадке. Не зная необходимых размеров площадки, партизаны обычно выбирали маленькие поляны, [61] где можно было легче замаскировать самолет или лучше его охранять.

Попрыгав на кочках, самолет остановился. Я открыл пассажирскую кабину.

К нам подбежали люди. Командир партизанского отряда, увидев моего пассажира, вытянулся по стойке «смирно», собрался было рапортовать, но представитель штаба партизанского движения решительным жестом остановил его.

— Что же вы запоздали с кострами? — спросил он.

— Да спички отсырели. Хоть плачь!

Пассажир подошел ко мне и пожал руку:

— Спасибо, товарищ Курочкин! Теперь я представляю, как вам приходится летать. Но без вас нашим отрядам было бы совсем плохо.

Партизаны в это время выгрузили патроны и продовольствие, стали сажать детей. К нам подошли мужчина и женщина.

— Товарищ летчик, возьмите еще одну женщину, — сказала партизанка.

— А сколько детей?

— Четырнадцать человек.

— Так я же не поднимусь!

— Понимаете, — женщина наклонилась ко мне и доверительно шепнула, — она беременная.

— Ее обязательно надо доставить на Большую землю, здесь она погибнет, — подал голос партизан, муж этой женщины.

— Тогда рядом с женщиной придется разместить малышей. Желательно девочек.

Партизан и партизанка начали быстро рассаживать детей. Беременную женщину я попросил пододвинуться ближе к переборке. Опустил крышку кабины, но она не прикрывалась полностью.

— Дайте какую-нибудь веревку, — попросил я партизана.

Веревки не оказалось, пришлось с одной из подвод взять вожжи и ими привязать крышку кабины. Под прозрачным колпаком было тесно, несколько девочек стояли в обнимку друг с другом. Хорошо еще, что дети были кем-то подготовлены к полету. Только вот женщина стонала и все время хваталась за живот.

Я вскочил в кабину, партизан помог запустить двигатель.

Но как же взлечу? Решил сделать пробный разбег [62] до середины площадки, до третьего костра. Если почувствую, что самолет оторваться от земли не может, придется кого-то высаживать.

Полный вперед. Ручку от себя. Левую педаль чуть вперед, чтобы предотвратить разворачивание самолета от вращения винта. Машина трогается с места, тяжело катясь по земле, слишком медленно набирая скорость.

В этот момент заговорил внутренний голос: «Подожди, старина, это еще цветочки, ягодки будут потом...»

Судя по напряженным лицам партизан, по озабоченности командира отряда, поведению представителя штаба, обстановка была сложной. Дети явно были лишними для них. Высаживать часть ребят мне не хотелось. У третьего костра сбросил газ, хотя поднять хвост самолета мне еще не удалось...

Будь что будет! Махнул рукой партизану, чтобы он помог мне развернуться и зарулить опять на взлетную полосу.

«Выдержит ли мотор? — подумал я и вспомнил Гришу Дебелергова, моего техника. — Должен выдержать... А теперь трогай!»

Подпрыгивая и стряхивая с себя капли дождя, самолет рванулся вперед. Пронеслись костры, впереди сплошная чернота. Что там — кустарник, лес, овраг? Я уже ничего поделать не мог и мчался навстречу судьбе. Чувствую, шасси оторвались от кочек. Самолет потянулся вверх, но ручкой еще долю секунды удерживаю его у земли, чтобы набрать скорость. Потом чуть приотпускаю ручку управления и начинаю подниматься.

«Пронесло! Но это еще не все, старина», — опять толкнулась тревожная мысль.

Перегруженный, мокрый самолет тащится едва-едва. Даже казалось, что он завис в воздухе и не движется, хотя мотор ревет на полных оборотах. Маневренности у него нет. Машина лениво, с большой задержкой слушается рулей. На ней опасно было скользить, входить в глубокий вираж, резко терять высоту. А если «мессершмитт» встретится в пути?

Как и в прошлые полеты, я стал делать попытки набрать

высоту. Но на этот раз самолет упрямо не хотел забираться выше двухсот метров. Он как бы встречался с какой-то преградой, лез на ледяную горку и скользил обратно. Ладно, двести так двести. Местность не особенно холмистая. Может, проскочу.

«Но это еще не все, это цветочки...» [63]

Тут я заметил, что мотор перестал справляться с нагрузкой и самолет стал медленно снижаться. Прибавил обороты, снял перчатку, начал шарить по борту кабины. Обледенение! Напряг зрение. В лиловых отблесках огня, выбрасываемого из патрубков мотора, увидел заиндевевший козырек кабины, плоскости, расчалки.

Значит, холодный северный ветер нагнал еще одно испытание! Никакой обогревательной системы, которая есть сейчас на любом летательном аппарате, у По-2 не было. Все больше и больше обрастая льдом, машина спускалась к земле. А мотор уже работал на полной мощности, работал тяжело, и я почти физически ощущал, что на таком дыхании долго он не протянет. Обледенелые крылья вибрировали, а фюзеляж в моем воображении стал походить на крышку гроба...

Высота полета постепенно падала, стрелка прибора показывала сто пятьдесят метров. Удаление от облачности уменьшало интенсивность обледенения. Надо снижаться еще ниже...

И опять бреющий — наиболее сложный режим полета, но менее опасный... Хорошо, что у нас не растут эвкалипты, а одни ели и сосны — деревья поменьше.... Точно выдерживаю курс, пилотирую самолет так, чтобы не наскочить на встречающиеся земные преграды, не задеть колесами верхушек деревьев. Одновременно самому приходится ориентироваться по быстро ускользающим под крылом самолета дорогам и ручейкам, извилинам и оврагам, населенным пунктам, озерам и характерным конфигурациям лесов. И все это на протяжении двухчасового полета! При таком режиме карту в руки не возьмешь, так как самолет у земли болтает и каждую секунду надо парировать его броски рулями управления.

Бреющий полет тяжел — это знает каждый летчик. Но когда на борту находятся дети или раненые, он становится еще тяжелее. Когда наземные ориентиры стремительно проносятся под шасси, высотки проходят по сторонам выше плоскостей и самолет трясет, будто неведомая сила ухватила его за шиворот, и ты с трудом различаешь какие-то силуэты, тогда полет походит на пытку. Устают глаза, и с каждой минутой все труднее определяется высота. Внимание напряжено до предела. На каждый рывок ветра надо моментально реагировать рулями.

Качнет на крыло, швырнет вниз воздушный [64] поток, а высоты нет, не успеешь вовремя спохватиться — и врежешься в лес.

Я знал, на трассе моего полета имелась одна немецкая зенитная батарея. Обойти или попробовать проскочить ее? Обходить далеко, да и запаса бензина уже нет. Пойду прямо! Гитлеровцы в предрассветные часы любят поспать. Кому охота выскакивать из теплых землянок в дождь, слякоть к холодным орудиям, искать по рокоту двигателя одиночный самолет, который идет наверняка в облаках, и палить в белый свет как в копеечку?

Так, уговаривая себя, я подлетел к батарее. Но дежурный, видно, страдал бессонницей и поднял зенитчиков по тревоге. Метрах в пятистах впереди вспыхнул прожектор, и луч света уперся в самолет. Мириады разноцветных огней заметались в глазах. «Все!» — обреченно пронеслось в мозгу.

Как ни хотелось избежать резких движений и перегрузок, я начал усиленно двигать педалями, чтобы вырваться из прожекторного луча. Залаяли «эрликоны», или, как мы их называли, «бобики». Кабина наполнилась дымом разрывов. Осколки ударили по лонжеронам, перебили трос левого элерона. Машина перестала слушаться ручки управления. Теперь можно было управлять только рулем высоты и педалями, соединенными тягой с рулем поворотов.

Машина стала заваливаться в сторону. С большим усилием я вырвал ее из падения.

«И это еще не все!..»

«Бобики» лаяли, будто почуяв медведя. Снаряды проносились мимо и с треском взрывались сзади. Я чувствовал себя, будто сел на раскаленную сковородку.

Самолет из последних сил выбился к тучам и нырнул в молочную жижу, яростно освещенную прожектором. «Теперь вы меня не достанете», — подумал я.

Подбитую, еле державшуюся в воздухе машину, прилагая нечеловеческие усилия, я провел над линией фронта. Миновала угроза упасть на вражескую территорию.

«Это цветочки...» — опять шевельнулась распроклятая мысль.

Да что же может произойти еще? И так ведь волочусь по небу как загнанная лошадь!

До базового аэродрома оставалось минут пятнадцать, когда я услышал в пассажирской кабине крик [65] женщины. Ей было плохо. Испуганные дети тоже ревели на все голоса. Но чем я мог помочь им всем? Мои усилия уходили на то, чтобы держать недобитую машину в воздухе, она уже начинала сдавать. Мотор произвольно то набирался сил, то начинал терять обороты.

Стрелка тахометра тряслась как в лихорадке.

«И это не все...»

По курсу на мгновение вспыхнул прожектор. Наш! Он приглашал на посадку. Не делая положенного круга для захода на посадку, я как летел, так и плюхнулся на землю. Через приглушенный рокот мотора теперь, на пробеге, явственно услышал крик женщины:

— Помогите! Ой, умираю!

Ей вторил звонкий детский плач.

Так поспешно, что едва не завалился на крыло, сворачиваю с посадочной полосы, спрыгиваю на землю, торопливо пытаюсь развязать вожжи, которыми была притянута крышка пассажирской кабины. Наконец удалось сорвать ремни. Подоспевший Гриша Дебелергов стал выхватывать детей. Тут подъехала санитарная машина с врачом Татьяной Николаевной Башкировой. Дети перестали кричать, но громко стонала женщина.

— Отведите детей! Отойдите все! — приказал врач.

— Что случилось? — спросил меня Григорий.

— Я вез беременную женщину. Может, она рожает?

— Уже родила, — улыбнувшись, сказала Татьяна Николаевна. — Мальчик!

— Как же в самолете мог родиться человек, в нем и развернуться негде? — удивился Григорий.

— А вот родился же!

Григорий Дебелергов почесал затылок и развел руками:

— Все видел, всякое случалось, но такого в полку, ей-богу, не было...

Оказывается, ребенок родился на посадке, в тот момент, когда я услышал крик «помогите!».

Это был шестнадцатый пассажир в санитарной кабине моего По-2. Никогда и никто больше такого количества пассажиров на таком самолете не поднимал. Позже я узнал, что родители решили назвать мальчика Петром. Лестно думать, но, кажется, в мою честь.

Когда я пошел докладывать о полете командиру полка, Владимир Алексеевич Седляревич показал мне радиограмму от партизан. Они видели мой трудный взлет, [66] думали, что самолет в конце разбега упал, поскольку он скрылся за перелеском и рокот его сразу прервался.

— Это когда я вошел в облака...

— Что им ответить? — спросил Седляревич.

— Долетел, мол, благополучно. Поздравляем с сыном.

Провокация

Гитлеровцы, через предателей и полицаев очень скоро узнав об эвакуации детей в советский тыл, стали распространять слухи о гибели русских самолетов с детьми при перелетах через линию фронта.

Провокация пошла гулять по селам и деревням.

Штабу партизанского движения пришлось принимать еще одно специальное решение об эвакуации детей, в котором рекомендовалось провести беседы с жителями, разоблачить лживую фашистскую провокацию. Тогда же был поднят вопрос об одежде для ребят. Дело в том, что в полетах, особенно на больших высотах, дети у нас мерзли, а добротной одеждой партизаны обеспечить их не могли.

Вопрос этот был решен быстро. В один из дней у нас на аэродроме вдруг появились ЗИСы с тюками детской одежды. Вместе с обычным грузом отныне нам вменялось в обязанность возить партизанам и эти тюки.

Вскоре мы узнали, что о детской одежде позаботилась Валентина Степановна Гризодубова. Тяжелые транспортные самолеты ее полка тоже вывозили детей. Используя свои права и обязанности депутата Верховного Совета СССР, она доложила управляющему делами Совнаркома об отсутствии у партизанских детей одежды. Об этом стало известно в Центральном Комитете партии. Совет Народных Комиссаров СССР издал особое распоряжение: при перевозке самолетами партизанских детей обеспечивать их теплой одеждой.

Московские предприятия легкой промышленности приступили к пошиву вещей для детей-сирот. Потом детская одежда была доставлена на аэродромы и распределена по самолетам, летающим к партизанам. Маленьким пассажирам не угрожал больше холод в воздухе. Перед полетом дети получали новые ботинки, пальтишки, теплые вещи.

Скоро люди убедились, что фашисты лгут. На партизанские [67] площадки прилетали те же летчики, которые выполняли первые полеты по эвакуации детей, и никто их не сбивал. Их знали партизаны по фамилиям и именам; мы также начали привозить письма детей, вывезенных в советский тыл. Письма быстро стали достоянием не только родных, но и других детей, проживающих в районах партизанского края...

Как-то раз мы в паре с Иваном Суницким готовились лететь во вражеский тыл, а пока отдыхали в сарае рядом со стоянкой самолетов.

— Давай поспим, — сказал Иван, ложась со мной на телегу.

— Жарко... Зудит все тело... — У меня началась экзема и

доставляла много неприятностей. — Скажи, в эту ночь на площадке будут дети?

— Будут, обязательно будут, и очень даже много, — успокоил Иван, закрывая глаза.

— Ты сумеешь всех посадить в свой лимузин?

Иван повернулся и пропел, толкнув в плечо:

— Ты же летчик, Петька, а это значит...

Его спокойствие и уверенность подействовали на меня. Мы задремали.

Во сне мне все время мерещился инверсионный след быстро летящего самолета с дымовой завесой...

— Ну и полет же я видел, — сказал я, просыпаясь.

— Во сне, что ли?

— Ага, солнце, знаешь, и облака...

— Днем, над облаками, будем летать после войны, а пока полетим ночью.

Боковым зрением видел я курносый профиль Ивана. Лежал он, закинув руки за голову, покусывая губами соломинку, думал о чем-то своем. Впрочем, о чем мы думали тогда? Когда долго водишься с людьми, нетрудно угадать их думы. «Слетать бы поскорей да вернуться», — примерно так думал Иван. А тревогу, конечно, прятал подальше. Хоть и воевал он давно, мог бы привыкнуть ко всему, но холодок по коже все же пробегал перед каждым вылетом.

Суницкому, как и Сереже Борисенко, довелось повоевать на Северном Кавказе. Весь ноябрь и декабрь 1942 года он снабжал боеприпасами бойцов, отрезанных с одной стороны противником, а с другой — Главным Кавказским хребтом. Посадочных площадок для [68] тяжелых транспортных машин в горах не было, поэтому к окруженным могли летать только По-2.

Однажды четыре «мессершмитта» зажали самолет Суницкого и отбили у него хвостовое оперение. Машина вспыхнула. Но Иван сумел быстро спланировать и посадить самолет среди гор, покрытых густым лесом. Немецкие летчики долго пикировали, расстреливая догорающую машину. Они улетели лишь тогда, когда израсходовали весь боезапас.

К счастью, Суницкий и его штурман Червяков отделались легкими ожогами и ушибами. Через пять дней они добрались до своего аэродрома, где их считали уже погибшими.

Поскольку днем наши несли большие потери, летать в горы стали рано утром, когда немцы еще спали, а возвращались на базу поздно вечером, в это время гитлеровские летчики уже заканчивали полеты. Когда же была неблагоприятная погода, тогда летали и днем над облачностью.

Часто длины площадок не хватало для перегруженного самолета, однако приходилось рисковать. Самолет, еще не набрав достаточной скорости, срывался в пропасть и в падении добирал ее.

Подстерегала наших и еще одна опасность — рядом располагался противник и открывал огонь из всех видов оружия.

Особенно опасно было летать над местечком Алагир. Это был контрольный пункт маршрута, или, как мы говорим, ворота. Здесь наших подстерегали и «мессершмитты», и зенитки, установленные в горах. Но ребята уже знали повадки фашистских стервятников. Из ущелья, от горы к горе плотно прижимаясь к самому Кавказскому хребту, а то и ныряя в облачность, они упрямо пробивались к цели. Иногда, чтобы быстрее проскочить этот самый Алагир, По-2 набирали высоту в две-три тысячи метров и падали вниз, развивая максимальную скорость. Избежав встречи с истребителями, уйдя от зенитного огня, они уже спокойно продолжали свой полет.

Впрочем, «спокойно» не то слово. Тот, кто летал в горах, знает, в какую болтанку попадали легкие машины. То самолет с огромной силой тянуло вниз, то бросало вверх, где торчали острые скалы, покрытые вечными снегами.

Защитники Кавказа в кровавых боях остановили [69] горных егерей отборной дивизии «Эдельвейс», добравшихся в августе 1942 года аж до Эльбруса, и потом погнали их прочь.

Об этой операции, вошедшей в историю войны под названием Мухолской, часто вспоминали Иван Суницкий и другие наши летчики, которые летали над Алагиром, Мухолом, Дигорой, где шли особенно тяжелые бои.

...К сараю подошли летчики-ночники Борисенко, Носов, Козлов, Горяинов, Лобженидзе, Кулагин, Колобков, Харченко. Все вместе мы пошли в столовую. Сегодня к нам пришел аппетит раньше времени, и девушки — помощники нашего уважаемого повара Веры Дубравиной — подали ужин сразу для всех.

Садилось солнце, небосвод был ясный, но горизонт слегка заволакивало дымкой. Приближались сумерки.

Техники вытаскивали самолеты из укрытий, запускали двигатели, пробовали их работу на разных режимах. Так обычно начиналась наша рабочая ночь.

— Все самолеты звена к полетам готовы, — доложил Суницкому старший техник звена Владимир Волков.

Иван хитро подмигнул мне и с присущей ему добродушной улыбкой сказал:

— Бери, Петя, пример с нашего звена.

— И у нас будет полный порядок, — ответил я. Старший

техник моего звена Григорий Дебелергов встретил меня, Лобженидзе, Савина, Долгова, Баландина недалеко от самолетов. Он бодро приложил ладонь к фуражке.

— Можно без доклада, — разрешил я Дебелергову, который всегда обслуживал мой «флагманский» корабль. Его уже успели отремонтировать. Медленно я обошел самолет, погладил по привычке ладонью перкалевую поверхность.

— Заправил оба бака?

— Оба, под самое горлышко, — ответил Григорий. — Груз — боеприпасы. Одежда для детей...

— Гранаты и снаряды не взорвутся?

— Все закрепили намертво. Взрыватели упакованы отдельно в ящики...

— Ну, пора.

Сажусь в кабину, включаю зажигание... Двигатель, как и десятки раз до этого, завелся, что называется, с пол-оборота. Пожалуй, никто, кроме Гриши, не добивался [70] постоянного полуавтоматического запуска мотора М-11 без проворачивания винта для засасывания смеси в цилиндры. Правда, у меня с запуском двигателя бывали срывы на других площадках, где запуск мотора по Дебелергову не получался.

Покачивая крыльями, зарулил на исполнительный... Получив сигнал, послал самолет вперед по взлетной полосе. Встречный воздух помог раньше расчетного времени оторвать машину от земли. Заканчивались сумерки, наступала ночь.

Высота 2500 метров. Скоро линия фронта. За пять-восемь километров до нее перевожу самолет в горизонтальный полет. Осмотревшись и уточнив координаты, сбавляю обороты до минимальных, чтобы на приглушенном моторе неслышно спланировать за линию фронта.

...Восемьсот метров, пятьсот... Все! Передовая осталась позади. Правый вираж... Стрелка компаса приближается к заданному курсу... Стоп — так держать!

На малой высоте под крыло самолета быстро уходят села и хутора, поля и леса, озера и перелески — все наземные ориентиры.

Полеты к цели, особенно обратные, когда на борту находились дети, выполнялись, как правило, на низкой высоте. Уменьшалась возможность попасть в лучи прожекторов или встретиться с ночными истребителями.

Несколько дней назад эту новую трассу проложил Сергей Борисенко. Вернувшись, он подробно рассказал нам обо всех особенностях ночного маршрута и о партизанской площадке. Так мы делали всегда. Сведения о том или ином полете помогали

успешно решать боевую задачу. Осведомленность о ночной трассе и площадке укрепляла уверенность в благополучном исходе.

Все хорошо шло и в этот раз. Я долетел до цели и приземлился на площадке, на которой увидел партизан и детей. Значит, фашистская провокация окончательно провалилась.

Потом несколько дней мы летали на другие площадки.

И вдруг пришла весть. Немцы сняли с фронта полк и бросили его на уничтожение партизан. Бригада Гаврилова попала в блокаду.

Народным мстителям пришлось отходить в глухие леса и болота. Связь с бригадой оборвалась. Напрасно [71] дежурили день и ночь наши радисты. Партизаны молчали.

Мы, конечно, догадывались, что партизаны нуждаются в помощи, ждут самолеты, которые привезли бы им боеприпасы и забрали раненых. Но почему же они не зовут нас? Испортилась рация? Однако Гаврилов — командир предусмотрительный, в запасе у него был еще один «северок» — малогабаритная рация, выпуск которой наладили ленинградцы в блокаде. «Северок» как бы специально предназначался для партизан. Его отличала надежность в работе с достаточным диапазоном частот, с небольшими батареями питания. В любое время рацию можно было развернуть для связи.

Командование наше беспокоилось тоже. Седляревич по нескольку раз в день заходил на радиостанцию, оглядывал молчаливых радисток и, потоптавшись, исчезал. Его подмывало желание кого-нибудь послать на разведку. Но сам летчик, он понимал бесполезность этого предприятия. Разве найдешь партизан в море лесов, если к тому же неизвестен пароль световых сигналов, неведомо вообще даже направление, куда после боев стала откатываться бригада? Оставалось только ждать.

И наконец в штаб пришла весточка от Гаврилова. Командир бригады сообщил, что после упорных боев партизаны были вытеснены из своего лагеря. Несколько суток они совершали переход в другое место... Отход с боями, маневры с использованием болот, озер и лесных массивов в Опочкинском районе не давали возможности немецким карателям долго преследовать партизан. Однако разведка врага продолжала поиски следов партизанского рейда.

В конце радиограммы Гаврилов указал квадрат нового расположения бригады, а также обнаруженные разведкой прожекторные и зенитные установки, которые могут помешать действиям нашей ночной авиации.

Квадрат — десять на десять километров на опушке леса у небольшой речки. Опознавательные знаки — три костра по линии

посадки, по курсу приземления будет дана дополнительная ракета.

— Сильно не рискуйте, — предупредил меня Седляревич. — При малейшем сомнении возвращайтесь назад. Нам важно лишь уточнить координаты площадки, посадочные знаки и пароль, поэтому рисковать запрещаю. [72]

Я вылетел еще в сумерках, когда немцы, по обыкновению, ужинали. Перемахнул через передний край и стал углубляться в сторону Опочкинских лесов. Потом наступила теплая светлая ночь. Груза я с собой не взял, мотор с повышенной мощностью М-11ф тянул хорошо, управлять машиной было легко, держалась постоянная скорость — 120 километров в час.

Когда я подлетал к конечному пункту маршрута, мне показалось, что самолет немного снесло в сторону, хотя ветра и не было. Приборы врать не могли. Пришлось довернуть и приближаться к партизанскому аэродрому с другой стороны.

Под крылом запылали костры. Когда я убрал обороты и стал снижаться, то в небо взвилась ракета. Она была выстрелена не по курсу приземления, а в сторону. Это что-то не то. Быстро прибавляю газ, ухожу на второй круг, всматриваюсь в землю. Сомнений стало еще больше. Река Великая должна быть в стороне и под углом к площадке, а она поблескивала параллельно. Что за чертовщина?..

У самой земли пытаюсь рассмотреть кого-нибудь на площадке, но никого нет. Как будто партизаны нарочно спрятались. Так бывало и раньше, когда партизаны вели бои с карателями и немцы были где-то поблизости.. Но в этот раз что-то настораживало.

Пришлось в третий раз заходить и имитировать посадку. Ощущение опасности все более росло.

Пока я кружил, закончилось расчетное время нахождения над целью. Бензина хватало только на обратный путь. Я набрал высоту и полетел домой.

Седляревич, начальник оперативного отдела полка и представитель партизан, выслушав мой доклад, пришли к выводу, что Гаврилов мог перепутать координаты, выложить посадочные костры и дать сигналы не так, как указывал в радиограмме. А может быть, он ранен и за него действовал начальник штаба?

Так или иначе, но вылетать на разведку следовало вторично. Поскольку я уже знал, где расположена площадка, опять послали меня.

Этот полет едва не стоил мне жизни. При заходе на посадку я заметил на площадке вблизи костров людей. На них была ветхая одежда, оружие они, казалось, прятали под телогрейками и

шинелями. Что-то неестественное было в их суетливых движениях, перебежках... [73]

У самой земли я прибавил газ и ушел на второй круг. На новой посадке включил фары. На высоте пятнадцати-двадцати метров увидел выстрел ракеты. В эти секунды я заметил странные передвижения множества людей. Сомнение подтвердилось: это были не свои, а переодетые «под партизан» фашисты. Скорость еще не погашена. На форсаже горкой устремляюсь ввысь. Уже на подъеме по самолету ударил пулемет. Не выдержал фашист и, понадеявшись на то, что на малой высоте наверняка собьет машину, стал стрелять. Пули загрохотали по фюзеляжу. Одна ударила в козырек, и мелкие брызги плексигласа стеганули по лицу. Вот ведь гады!

Набрав безопасную высоту, левым разворотом установил обратный курс. Чуть впереди засверкали новые сигнальные костры, а позади, километрах в пяти-шести, все еще горели ложные костры оккупантов, которые пытались посадить мой самолет. Но выяснять было уже поздно... Во время ночных полетов на большие расстояния, почти предельные для самолета По-2, каждая минута была на строгом учете. Это прочно вошло в наше сознание.

Светящаяся минутная стрелка самолетных часов предупреждала, что расчетное время кончилось. На исходе были и резервные минуты. Необходимо опять возвращаться на базу, использовать выгодную высоту полета и наиболее экономичный режим работы мотора, чтобы дотянуть до своего аэродрома.

Над аэродромом во время разворотов и захода на посадку мотор начал давать перебои. Едва коснувшись колесами земли, сразу остановился воздушный винт... Все стало тихо вокруг.

«Спасибо, спасибо тебе, моя «ласточка»...»

Командир полка и комэск Ерохин уже ждали меня в столовой. Я рассказал о результатах разведывательного полета.

— Садитесь и разверните карту, — приказал Седляревич.

Мы стали тщательно просматривать десятикилометровку...

— Да ведь площадки почти рядом! — воскликнул Владимир Алексеевич.

— И ориентиры схожи. Смотрите, и здесь у реки площадка, и здесь...

Действительно, при тщательном изучении района посадки [74] мы обнаружили большое сходство наземных ориентиров, расположенных вокруг посадочных партизанской и подстроенной немцами площадок.

В бригаду Гаврилова

— После вторичного подтверждения места приземления и

формы сигналов к Гаврилову можно лететь наверняка, — сказал Седляревич. — Кто полетит? — И посмотрел при этом в мою сторону.

— Я Два раза туда уже летал, и теперь картина мне ясна. Разрешите выполнить еще один полет? Постараюсь найти Гаврилова во что бы то ни стало.

— Хорошо, полет разрешаю, — командир полка положил руку мне на плечо. — Только будьте предельно внимательны и осторожны.

Я вылетел из столовой стрелой.

— Гриша! — закричал Дебелергову. — Запускай!

.Начался третий полет в эту напряженную ночь. Полет выполнялся на повышенной скорости самолета, так как ночь была на исходе.

...Чтобы незаметно подойти к настоящей партизанской площадке, решил применить планирующий полет с большой высоты. Но при подходе к цели самолет опять обстреляли с ложной площадки, Посадку пришлось производить с прямой, не делая круга. Партизаны вовремя подали сигнал. Но полной уверенности у меня не было. В конце пробега я развернул самолет на 180 градусов и, не выключая мотора, сняв автомат с предохранителя, стал ждать. Из темноты выбежал человек без оружия.

— Пароль! — остановил я его громким криком.

— Вятка!

— Волга, — теперь уже спокойно ответил я.

Я выключил мотор, спрыгнул на землю. Тут из кустов выбежали другие партизаны. Они обнимали меня, хлопали по спине. После тяжелых боев особенно дорог был им человек с Большой земли. От него во многом зависели их боевые дела.

Когда волнение встречи улеглось, я выяснил ситуацию. Оказалось, несколько человек с вечера дежурили на площадке и ждали самолет всю ночь. Но над аэродромом частенько пролетали связные немецкие «хеншели». Поэтому сигнальные костры были затемнены. Партизаны [75] соблюдали осторожность, чтобы вражеская разведка не обнаружила посадочной площадки.

Встретил меня начальник штаба партизанского соединения. Комбриг Гаврилов и комиссар бригады в это время вместе с руководителями отрядов ждали очередной связи со штабом партизанского движения. Мы разработали оперативный план взаимодействий, по которому в следующую ночь самолеты должны доставить в бригаду Гаврилова необходимые грузы. Я спешил в оставшееся ночное время возвратиться на базовый

аэродром.

В следующую ночь к Гаврилову вылетели сразу четыре самолета. Мы доставили партизанам боеприпасы. Но на обратном пути попали в тяжелую облачность, которая пришла с востока. Попробовали снизиться. Однако столкнулись с плотным туманом — это еще хуже. На По-2, совсем не приспособленном к длительным слепым полетам, в такую погоду можно легко потерять не только ориентировку, но и пространственное положение самолета. Стрелки приборов начинают "плясать", возникает сомнение — правильно или неправильно летит самолет. Кажется, машина накренилась влево. Начинаешь двигать рулями управления, своими же действиями усугубляешь положение, так как на самом деле самолет был накренен вправо. Машина входит в крутую спираль и снижается к земле...

В такой обстановке мы потеряли друг друга. На борту моего самолета находились один раненый партизан и представитель штаба партизанского движения. Зенитки умолкли, а прожекторные лучи справа воткнулись в облачность. Слева, чуть выше самолета, на высоте восьмисот метров едва просматривалась верхняя кромка облаков. Но земля была закрыта полностью. Выход один — с набором высоты войти в облачность, чтобы пробить верхние слои, и над облаками по расчетному времени дойти до своего аэродрома.

На высоте полторы тысячи метров уже просматривалось небо, земля же по-прежнему закрывалась пологом облаков. Кончилось расчетное время. Бензина должно хватить еще на 35—40 минут.

Над предполагаемым местом нахождения аэродрома закладываю самолет в пологий вираж и таким образом пытаюсь пробить облачность.

«А вдруг туман у земли еще не рассеялся?» [76]

Эти навязчивые мысли мешают управлять самолетом.

Самолет, вкручиваясь в облачность, постепенно теряет высоту. 500... 400... 200... метров. Уменьшен крен, слежу за показанием высотомера, стараюсь удерживать шарик в центре прибора. Стоп! Высота 100 метров; перевожу самолет в горизонтальный полет и засекаю время и курс удаления от аэродрома (как потом выяснилось, самолет действительно неоднократно кружился над аэродромом). Высота уменьшилась до восьмидесяти метров. Это уже опасно!

Ведь с изменением погоды изменилось и давление; стрелка высотомера может теперь дать отклонение от первоначального показания при взлете с аэродрома. Поэтому спускаться ниже нельзя, тем более что с северной стороны к аэродрому примыкает лесной массив.

Через тридцать секунд обратным курсом возвращаюсь к аэродрому и снижаюсь. Внимательно смотрю на большую стрелку вариометра, которая медленно ползет по кругу, показывая снижение... Жаль, что на циферблате этого прибора нет красной, запретной черты, как у тахометра и манометра. Сквозь плотную пелену тумана земля не просматривается. Высота пятьдесят метров! Я тут же рывком взмываю ввысь.

Потом опять повторяю снижение... Горючего осталось на 15—20 минут. Уверенность в нормальной посадке окончательно исчезает.

При мерцающем кабинном освещении определяю направление в сторону соседнего фронтового аэродрома ночных бомбардировщиков. Спустя десять минут начинаю его поиски. Уменьшаю высоту до 60—50 метров. Показалась земля, но тут же перед носом самолета вырос лес! Резко дергаю ручку управления на себя. Пронесло.

Успокоившись, наблюдаю за секундной стрелкой часов, курсом и высотой полета.

Снова снижаюсь. Замерцали слабые огоньки... Чтобы не врезаться в лес, делаю горку и опять вхожу в туманную облачность. В этот момент мотор стал давать перебои! Значит, бензин на исходе.

«Решай о немедленной посадке, иначе будет поздно, поздно навсегда!» — стучит мысль в голове.

Молниеносный взгляд на карту: характерный ориентир — дорога вдоль аэродрома, уходит от него на юго-запад. Разворачиваю самолет и устанавливаю приблизительный [77] курс полета с юго-востока на северо-запад. В таком положении уменьшаю скорость до восьмидесяти километров в час и почти в трехточечном положении снижаюсь к земле.

50, 40, 30 метров — наконец туманная мгла обрывается, в хвост самолета ударяет луч прожектора и ложится на землю. Направляю самолет вслед лучу и тут же, выдерживая посадочную скорость, ударяюсь о землю... Самолет без скорости пробегает несколько метров и останавливается на границе летного поля.

Внутри у меня все оборвалось, как будто сразу лопнули все струны настроенного инструмента. Взмыленный и обессиленный, еле приподнялся с сиденья: аэродром был позади. Развернув самолет, порулил в сторону большого костра и скользящих по земле двух посадочных прожекторов. Через несколько секунд воздушный винт остановился — кончился бензин.

Командование полка потом весь день собирало растерявшиеся в тумане самолеты. Хорошо еще, что обошлось без потерь...

Но прошел день, и в следующую ночь опять решено было выполнить всем по одному вылету и оказать необходимую помощь партизанам бригады Гаврилова.

Для этого Сергей Борисенко первым высадился на партизанской площадке и руководил полетами. Наши самолеты создали сплошной гул. Одни взлетали, другие садились, как в хорошем аэропорту. В ту памятную ночь Борисенко принял и выпустил шестнадцать самолетов! Такого в нашей практике еще не случалось. Мы, летчики, долго удивлялись, как можно было справиться с таким количеством самолето-вылетов.

Немцы находились за рекой Великой, в двух километрах от партизан. Они вели пулеметный обстрел площадки. Но наши ребята продолжали свое дело, привозя боеприпасы и продовольствие, загружая в самолеты в обратный рейс детей и раненых партизан...

Из ночи в ночь количество вылетов не только не сокращалось, а все время росло. Но неустойчивая погода препятствовала интенсивной боевой работе. Как только заканчивалось светлое время суток, начинала сгущаться облачность. Смотришь на запад и видишь, как темно-серые тучи заволакивают горизонт... Они чудовищными глыбами наплывали одна на другую, беспрерывно меняя свои очертания. Небо становилось неприветливым, а с наступлением ночи приобретало угрожающий вид. [78]

Облака висели так низко, что, казалось, вот-вот накроют своим зловещим мраком всю земную поверхность и нам не придется летать.

Но мы летали. Проплывала по ровному взлетному полю зеленая ракета, и экипажи один за другим уходили на задание.

На высоте 150 метров висела непробиваемая лава, а внизу под крылом чернел сплошной лес. Самолет устремлялся в узкую щель между этими черными громадами, стараясь поскорее вырваться в свободное пространство. Я лелеял надежду, что посветлеет у линии фронта, там противник откроет огонь, от него ослабнет гнетущий мрак. Думал, уж лучше бороться с зенитками и прожекторами, чем находиться в этой непроглядной тьме. Но в такую непогоду батареи фашистов бездействовали.

Чтобы обеспечить безопасность полетов и скрытно подойти к посадочной точке, наши самолеты обычно летали по разным маршрутам. Однако были случаи, когда и это не спасало. Это тогда, когда партизанские аэродромы неожиданно захватывали оккупанты. Как правило, об этом нас успевал информировать штаб партизанского движения, который осуществлял оперативную связь с комбригами и отдельными отрядами. Но случалось, что информация запаздывала.

Как-то под натиском карателей партизаны оставили аэродром. В назначенное время я не обнаружил в заданном квадрате обещанных костров. Долго кружил над лесом, хотел было уже возвращаться домой, и тут далеко в стороне заметил огненный треугольник. Оказалось, партизаны после тяжелого боя нашли силы и подготовили для самолета новую площадку. Я благополучно приземлился на незнакомом аэродроме, забрал детей, но при перелете через линию фронта, когда начало уже светать, меня обнаружили немецкие зенитчики...

Все же мне удалось прорваться тогда через их огонь. После приземления на своем аэродроме ко мне подошел Сергей Борисенко и спросил:

— Ну как, довез малышей?

И тут произошла любопытная сцена. Я показал ему на группу ребят и предложил у них спросить, как они добрались сюда. Борисенко бросил взгляд на худенького мальчугана, с любопытством следившего за посадками самолетов. [79]

— Не страшно тебе было лететь на самолете? — спросил он у парнишки.

— Нет, очень даже интересно! — ответил мальчик. — Летим, летим, а беленькие светлячки бегут и мелькают совсем рядом с самолетом...

— Да... — только и нашелся ответить летчик. Он-то отлично знал, что это были за светлячки.

— А зовут тебя как? — спросил Сергей.

— Коля Петров из деревни Боровики. Нас четверо братьев. Я первым полетел, а они завтра. Просили написать, как долетел.

— Пиши, пиши, завтра ночью отвезу твое письмо.и вместе с братьями вернусь на Большую землю. Только постараюсь, чтобы «светлячков» они не видели, нечего им так высоко летать...

А однажды случилась история, о которой долгое время не могли забыть в полку.

Один из наших самолетов потерпел аварию при посадке на партизанском аэродроме.

В те дни партизаны вели жестокие бои с карательной экспедицией. Фашисты оттеснили бригаду в глубь леса и захватили аэродром. Разбитый самолет пришлось сжечь. На другой день партизанам удалось вернуть потерянные рубежи, в том числе и площадку для приема самолетов.

На помощь вылетел командир эскадрильи Николам Дроздовский с авиатехником Василием Дегтяревым.

Поскольку помощь уже была не нужна, Дроздовский заспешил домой.

— Не возьмете ли с собой раненого партизана или детей? —

спросил у летчика начальник штаба бригады.

— Не можем, — объяснил Дроздовский. — Задняя кабина загружена. Разве что техник возьмет что-нибудь в руки...

Перед самым взлетом партизаны протянули Василию Дегтяреву небольшой сверток. Дроздовский дал газ и пошел на взлет.

Уже в полете Василий определил, что в его руках находится грудной ребенок. Он прислонил сверток к лицу, почувствовал тепло, стал прижимать ребенка к своей груди.

И тут, на беду, за самолетом Дроздовского увязался «мессершмитт». Начался неравный поединок. В один из маневров техника подбросило так, что он едва не вылетел из кабины. Он ударился головой о центроплан.

7? [80]

Шлем вместе с очками сорвало с головы, но техник, не выпуская из рук ребенка, обратно юркнул в кабину. В ту же секунду он понял, что при взлете забыл застегнуть привязные ремни. Не чувствуя боли, Дегтярев схватился правой рукой за сиденье, а левой продолжал держать крохотного пассажира. Уйдя от преследования истребителя, экипажу удалось благополучно пересечь линию фронта и спасти жизнь малышу. Это был первый ребенок, которого спас авиатехник нашего полка Василий Дегтярев.

Опираясь на помощь, которую мы оказывали в ту и последующие ночи, отряды партизан из бригады Гаврилова успешно отразили натиск карательной экспедиции. Немцы откатились к своим гарнизонам.

Авиация противника продолжала упорно разыскивать не только основную посадочную площадку партизанского соединения Гаврилова, но и наш базовый аэродром. Ночные Ме-110 и легкомоторные «хеншели», напоминающие наш Як-12, каждую ночь охотились за нами. В поисках нашей базы рыскали днем и ночью фашистские самолеты, с больших высот фотографировали всю прифронтовую местность, однако наша осторожность и искусная маскировка позволили сохранить тайну базирования ночных экипажей.

Часто фашистские охотники в ожидании легкой добычи кружили над нами, а во время захода на посадку они, подобно хищнику, бросались на беззащитную машину.

Это требовало от нас хитрости, новых маневров при подходе к своему аэродрому.

Неоднократно фашисты засылали своих агентов и в партизанский край. Но партизаны так же умело оберегали свои посадочные площадки.

Однако самую большую опасность для наших самолетов представляли вражеские зенитки. Линия фронта в районе действия По-2 была до предела насыщена средствами противовоздушной обороны. Она была в буквальном смысле огненной линией. Навстречу подлетающему к линии фронта самолету поднималась сплошная заградительная стена, пробить которую, казалось, было невозможно. Зловещая свистопляска свинца и света заставляла нас каждый раз менять тактику, чтобы проскочить через огонь. Но какую бы тактику мы ни применяли, чаще и чаще возвращались самолеты с пробитыми и рваными плоскостями. Иногда повреждения [81] оказывались настолько значительными, что одному технику справиться с ремонтом было не под силу, и тогда ему в помощь подключался весь технический состав эскадрильи.

Каждый успешный полет являлся для нас не только маленьким вкладом в общее дело, но и личной победой над своими слабостями. Случалось, демон-искуситель шептал: «Видишь, там, впереди, погибает в зенитном огне твой товарищ. Через несколько секунд то же самое случится с тобой. Отворачивай! Иди назад!» Но голос совести, долга оказывался сильнее этого шепота.

Как-то на обратном пути, когда на борту у меня было двенадцать детей, я попал в особенно трудный переплет. В этом районе линия фронта совпадала с трассой полета километров на двадцать. И вот со всех сторон засверкали, загремели разрывы снарядов. Машина оказалась в огненном кольце. Высота небольшая, силуэт самолета должен был хорошо просматриваться с земли. Поэтому его быстро схватили прожекторно-зенитные установки. Самолет как бы попал в густой рой разноцветных пчел — красных, зеленых, оранжевых. Маневры по высоте исключались. Как раненый зверь, я бросался из стороны в сторону, пытаясь вырваться из огня. Огонь оттеснил меня к вражеской территории. Отчаянные маневры над гитлеровскими укреплениями с каждой секундой усугубляли мое положение.

Зенитки неистовствовали. На большой скорости снижаюсь к земле. Ночные, плохо видимые ориентиры стремительно мчатся навстречу, становятся более яркими, укрупненными... Быстро останавливаю снижение. Когда нос самолета подошел к горизонту, наклоняю машину в левый крен и восстанавливаю курс.

Орудия стреляли часто. Было слышно грохотание пуль и осколков, бивших по деревянной конструкции самолета. Разорванная в нескольких местах перкалевая обшивка трепетала, издавая звучные хлопки.

И когда все же я приземлился на своем аэродроме и посмотрел на свой самолет со стороны, у меня ослабли ноги. С крыльев свисали клочья полотна, как будто их рвали зубами, из мотора текло масло, снаряд развоpотил стойку центроплана...

К великому счастью, не пострадали дети. Их бережно приняли наши медики, с родительской любовью обласкали, накормили, одели, уложили спать. [82]

Днем автомашины отвезли маленьких советских граждан дальше в тыл. А мы, летчики, уже готовились к полетам за новой партией малышей.

Учись сам и учи других

Цель во тьме видна едва,
Месяц светит еле-еле.
В ноль часов один По-2
Бомбы опустил над целью.
И, уйдя на разворот,
Он услышал в небе поступь:
Это Новый, Новый год
Мчится курсом девяносто.
...Быстро шея По-2 назад,
И, казалось, крылья пели...
Кто из нас бы не был рад
Встретить Новый год над целью?

Эти стихи были опубликованы в нашей фронтовой газете.

По-фронтовому скромно, нешумно отметили мы начало нового, 1944 года. Пожелали друг другу удачных вылетов и долгой жизни.

Но с вылетами не повезло. Год начался с обильных снегопадов и метелей. С оттепелью пришли туманы. Потом ударили морозы, и снова прижалась к земле облачность. Короче, из-за плохой погоды нам долго не удавалось открыть свой боевой счет.

Понятно, без нашей поддержки ослабла и активность партизан. Они сильно нуждались в продовольствии и боеприпасах.

Наконец погода начала улучшаться. В одну из ночей в паре с летчиком Леонидом Горяиновым мы вылетели на отдаленную партизанскую площадку. Это был первый ночной полет строем. Строевые полеты на самолетах По-2 обычно проводились на тренировках, да и то лишь днем. До войны в сомкнутом строю эти самолеты можно было увидеть раз в году на авиационном праздничном параде в Тушине.

До этого я мало знал Горяинова. Был он парень тихий, скромный, исполнительный, в пилотировании довольно-таки

грамотный.

Мы отдавали себе отчет в том, что ночной строевой полет в тыл врага — это демонстрация уверенности в выполнении боевого задания. Полеты строем нужны были, по моему убеждению, для ускорения доставки вооружения [83] партизанам. С другой стороны, в парном полете все время чувствуешь рядом товарища, а чувство локтя в любой обстановке помогает добиться успеха.

Задуманному полету предшествовала дневная тренировка для определения поведения ведомого. Мы перестраивались, поочередно занимая в строю места ведущего и ведомого. Выдержать дистанцию и режим строевого полета — трудное дело, тем более в темную ночь, когда ведомый должен ориентироваться по голубым вспышкам выхлопных патрубков мотора, а при пересечении боевого соприкосновения с врагом — по силуэту биплана, летящего над освещенным ракетами горизонтом.

Зарулили на старт, по условному сигналу одновременно пошли на взлет. Разбег, набор высоты и дальнейший полет на высоте по боевому курсу выполнялись по программе строевого ночного полета.

Самолеты были загружены боеприпасами для партизан. Пересекая линию фронта, мы натолкнулись на мощный заградительный огонь вражеских зениток. Впереди, слева и справа вплотную к самолетам приближались всполохи разрывов зенитных снарядов и мечущиеся столбы прожекторов...

Мне, ведущему, надо было немедленно решать: уходить маневром в ту или иную сторону. Справа примыкал ведомый самолет Горяинова. Значит, маневр вправо может привести к воздушной катастрофе. Принимаю решение: левым разворотом иду на снижение. Ведомый бросается за мной. На приглушенных моторах, развивая повышенную скорость, самолеты змейкой быстро теряют высоту. Но оторваться от назойливых прожекторов не удается. В ярких лучах то и дело все ближе и ближе проносятся трассирующие нити. Кто победит?

А тут еще ползет навстречу липкая мгла. Холодные капли текут по щекам, проникают за воротник, ползут по телу ледяные мурашки.

Точно говорил Михаил Михайлович Громов: «Для того чтобы летать, очень важно знать, как управлять самолетом, но еще важнее знать, как управлять самим собой».

Мы знали, как успешнее уйти от врага. Только на минимальной высоте, на бреющем полете. Тут и прожектор может быстро потерять цель, и трасса будет не такой уж меткой, да и «мессершмитт» не рискнет напасть, так как на большой скорости

может врезаться в [84] землю. Но как не стушеваться, остаться спокойным в такой передряге? Да еще думать о ведомом.

Уйдя от огня, я восстановил заданный курс, быстро нашел ведомого, он оказался молодцом, держался за мной. Так и долетели до партизан.

После приземления мы обнаружили пробоины в своих машинах. Особенно опасной оказалась пробоина в самолете Горяинова — снаряд пробил капот мотора и влетел в верхнюю часть основного бензобака. Из отверстия вытекал бензин. Почему бензобак не взорвался — одному богу известно...

На площадке уже собрались дети. Как же мы их перевезем? Может, часть отправить обратно по деревням и землянкам? А разыщем ли потом?

Партизаны, сочувствуя нам, обещали сохранить поврежденный самолет. Прилетит техник и починит. Однако мы решили попробовать починить его сами. Пробоину в бензобаке забили деревянной заглушкой. Из своего самолета я перелил в машину Горяинова бутылок десять бензина.

— Сажайте всех ребят в мой самолет, — сказал партизанам.

Но ребят оказалось больше, чем я предполагал. Рассчитав, кто сколько из них весит, я мог взять человек десять.

— Больше не могу, — сказал я доктору, руководившему посадкой.

— Но пойми, дорогой человек, куда я дену этих трех?! Их же больше мы не найдем!

— Доктор правду говорит, — хмуро произнес комиссар, находившийся поблизости. — Пропадут мальцы.

Я прошелся по поляне, посчитал шаги, груз... А за площадкой сразу лес начинался. Стеной. Зелёной крепостью.

— Можете дать в мое распоряжение человек десять? — спрашиваю комиссара.

— Да хоть всех забирайте!

— Нет, десятерых, самых крепких, хватит.

Комиссар выкликнул по фамилиям партизан. Те подбежали, быстро построились. Я объяснил им задачу: вцепиться в плоскости, в лыжи и удерживать машину до тех пор, пока я мотору газ прибавляю, а потом разом отпустить, самолет рванется, с места возьмет разбег...

В кабину запихнули еще и этих трех парнишек. [85]

Запустили мотор. Партизаны с боков, хвоста, крыльев облепили самолет. Взвыл мотор. Как ни тужилась братва, но у мотора все же сто сил лошадиных — перетянул. Рванулась машина по полю. Отстали, скрылись в снежной пыли партизаны.

Трещит мотор, но чую, никак машина не набирает скорость.

Зарываются лыжи в сугробики, бьются на заметах. Уже половина пути позади, а настоящего разбега не получается. Ну поднимись же! Оторвись!

Мурашки ползут по спине, пот плывет под очками.

«Зря дал себя уговорить, — ругаюсь, кусая губы. — Машина сама себя не перепрыгнет...»

Проносится мимо последний костер. Все! Дальше лес. Прямо на него мчится машина. Убирать газ поздно.

Звенит мотор гитарной струной.

И вдруг с толчка почувствовал — вроде оторвался, вроде лечу! Жму еще ручку, добираю скорости. А потом над самыми верхушками, так, что даже шарахнулась хвоя от воздушного винта, уползаю вверх. И как человек, который спиной чувствует на себе взгляд другого человека, представляю, что творится сейчас на партизанской площадке. Замерли, побледнели все, затаили дыхание. Секунда проходит, другая... Не послышится ли треск ломаемых деревьев, вой мотора, врезавшегося в землю, грохот взрывающегося бака?.. И когда убедились, что надрывный гул стал затихать, полетели в воздух шапки, «ура!» вырвалось из глоток, слезы радости набежали на глаза.

...Горяинов взлетел позже. Он взял на борт раненого немецкого офицера, захваченного партизанами в одном из боев. Пока он жив, надо было доставить его разведке фронта.

Рискованный полет удался. Мы добрались до своих. Я привез детей, Леонид Горяинов — пленного немца, хотя его мотор все время чихал в воздухе, грозил остановиться.

Инженеры исследовали пробоину и нашли в бензобаке фосфорный снаряд от вражеской зенитки. Они все удивлялись — каким чудом снаряд не взорвал самолет?.. Весть о храбром летчике, который летал со снарядом в бензобаке, разнеслась по всему полку.

С этого полета началась наша дружба с Леонидом Горяиновым на долгие-долгие годы.

На другую ночь мне не повезло. При посадке на новой площадке я сломал лыжу. Починить ее самому не [86] удалось. Надо было ставить новую лыжу. Пришлось давать в полк радиограмму.

Как я и ожидал, лыжу привез мой техник Гриша Дебелергов. Он стал ремонтировать шасси, а я вызвался поехать вместе с комбригом Гавриловым в район, куда месяц назад мы сбросили на парашютах нескольких девушек-разведчиц.

Я понял, что Алексей Михайлович Гаврилов руководил не только партизанской бригадой, но и возглавлял группы разведчиков, выполняющих особые задания в тылу врага. Он

поддерживал также тесную связь с нашей фронтовой разведкой.

Мы уселись в сани. Ординарец Толя Филиппов вручил мне автомат и запасной диск.

Ехали мы довольно долго по едва заметной лесной дороге, засыпанной снегом.

На опушке Толик остановил лошадь, прошел вперед, долго оглядывал местность. Гаврилов его не торопил.

— Кажется, глухо, — проговорил Толя, понукая Лошадь.

Выехали на открытую местность, постепенно скатываясь в низину, за которой синел лес. Низина оказалась болотом. Полозья саней выдавливали бурую болотную грязь. Вдруг лошадь провалилась по самое брюхо. Мы выскочили из саней. Вдали увидели человека. Он шел к нам, перепрыгивая с кочки на кочку. Я затаил дыхание, но Гаврилов даже не встревожился.

Скоро человек предстал перед нами. Особенно запомнилась его длинная, неимоверно пушистая ярко-рыжая борода. Она как бы подчеркивала особую тайну места, куда мы попали. Как я узнал позже, это был проводник разведчиков Семен Арсентьевич Арсентьев.

— Кажется, прибыли вовремя, — произнес Арсентьев.

— Да вот беда — лошадь ступила мимо тропы, — ответил Гаврилов.

— Вы проехали дальше положенного места, — ответил проводник. — Толя сам тут управится, а нам пора идти. Через два часа вернемся обратно...

По узеньким тропкам, прыгая с кочки на кочку, проводник привел нас к возвышенному месту. Боковая поверхность искусно замаскированной горки раздвинулась, и перед нами появился человек в армейской гимнастерке, галифе, валенках и овчинной безрукавке. Я понял, это был начальник разведгруппы. [87]

Зашли в подземелье, огляделись. Печка, стол из бревен, нары, серые суконные одеяла, пирамидка с оружием.

Гаврилов и разведчик тут же вышли. Они говорили между собой о чем-то долго. Наконец вернулись в землянку. Начальник разведгруппы расспрашивал о жизни на Большой земле, о полетах, потом пожал руку, сказал:

— Спасибо за визит. Ждем ваших гостинцев всегда. Оказывается, часть боеприпасов и снаряжения, которые мы доставляли Гаврилову, попадали сюда.

Выйдя из болота, мы застали Толика вместе с лошадью в полной готовности. На прощание дед-проводник сказал:

— Поосторожней езжайте. Тут, знаете, одни леший живут... И ты, Толик, себя береги. В другой раз к ним не попадайся.

— А что, Толик, случалось с лешими встречаться? — спросил

я, когда мы отъехали.

Толик смутился и промолчал. О нем мне рассказал Гаврилов.

Оказывается, Толику шестнадцать лет. Однажды в бою, расстреляв все патроны, он выхватил последнюю гранату и стал ждать, когда подбегут немцы, чтобы взорвать себя вместе с ними. Но граната не сработала. Юный разведчик попал в руки фашистов. Его допрашивали, пытали, раздетого выводили на мороз, ставили к стене и имитировали расстрел — пули свистели вокруг, впиваясь рядом, пилой водили по голому телу, царапая кожу, потом опять били — беспощадно, озверело, но он молчал. Опытные палачи не смогли сломить паренька.

Толю опознал староста. Его повели в родную деревню Шутово. На его глазах расстреляли мать, всю обойму автомата выпустили на печку, где находились младшие брат Ванюша и сестра Зина. Фашистам и этого показалось мало. Они избили мальчика до полусмерти и бросили на ночь в сарай. Но Толя нашел в себе силы выбраться из сарая. Под прикрытием ночной метели он убежал. Плутал в лесу несколько дней, пока не набрел на партизанский секрет...

Когда я вернулся домой, комиссар Михаил Михайлович Павлихин попросил меня выступить на собрании, рассказать авиаторам, как воюют партизаны. Я рассказал им о Толике, о. своем последнем полете, о том, как хотели не ночью, а днем рассмотреть партизаны летчика, [88] как они пожимали руки человеку с дорогой для них Большой земли, как рядом с командирской землянкой бросали трофейное оружие, добытое в бою. Показал им и подарок — парабеллум с длинным стволом за номером 2555. После войны пистолет я сдал, а документ, подписанный начальником штаба партизанского движения Соколовым, храню до сих пор...

Аэрофлотовцы на других фронтах

Наш полк не жил какой-то обособленной жизнью. Он был боевой единицей Гражданского воздушного флота, и наше командование, политработники, агитаторы постоянно и своевременно информировали нас о действиях других полков, расположенных на разных участках огромного фронта. Иногда в другие части ездили наши товарищи обмениваться опытом. Бывало, что и мы принимали гостей у себя.

На севере от нашего расположения вели боевую работу полки ГВФ, оказывающие помощь защитникам Ленинграда.

...Недалеко от Ладожского озера в сосновом бору находился небольшой аэродром «Хвойное». Пока озеро не замерзало, другого пути в Ленинград, кроме воздушного, не было. Отсюда совершались неожиданные для противника дерзкие полеты в

осажденный город. Руководил операцией пилот гражданской авиации Константин Александрович Бухаров — всегда спокойный, неторопливый в решениях, но энергичный и твердый человек.

Однажды в Ленинград предполагалось послать сразу десять самолетов. Командир приказал лететь плотным строем и держать высоту не больше пятнадцати-двадцати метров, чтобы истребители противника не смогли атаковать снизу. Башенные стрелки должны следить за верхней полусферой. Так же полетят наши истребители прикрытия.

Бухаров взлетел первым. За ним стартовали с лесного аэродрома Стефан Радугин, Иван Носов, Николай Масляков, Семен Фроловский, Виктор Яковлев. Вторым эшелоном в строю шли новички, которым предстояло пройти первое боевое крещение.

Когда под крыльями самолетов оказалось озеро, флагманский корабль резко снизился, прижимаясь к воде. [89] Все экипажи последовали его примеру. Осенний ветер покрыл Ладогу темно-серыми волнами с белыми гребешками. Метров на сто выше каравана полукругом летит его защита — тупоносые истребители И-16, а еще выше барражируют маневренные «Чайки».

Едва караван пролетел над центром Ладоги, как немецкие «мессершмитты» начали атаку. Они носились вокруг каравана, пытаясь разрушить строй.

Наши стрелки вели массированный огонь из башенных пулеметов. От каждой пулеметной очереди самолет вздрагивал, наполнялся оглушительным грохотом.

Далеко на горизонте показалась полоска земли,город с высокими шпилями. Но под самолетами пока еще холодная пучина серо-свинцовой воды. Одной шальной пули, одного неверного движения штурвалом или внезапного отказа двигателя достаточно, чтобы навсегда остаться на дне озера.

Фюзеляж самолета Алексея Буевича был пробит несколькими зажигательными пулями. Алюминиевый осколок ударил по руке воздушного стрелка Владимира Геращенко. Он быстро зубами вытащил его и выплюнул. Тонкая струйка крови текла из раны, а Геращенко уже отбивал очередную атаку.

До берега совсем близко. Заговорили наши зенитные орудия, немецкие истребители отстали. По радио передается приказание командира полка заходить на посадку согласно намеченному плану. Все знали, что последним произведет посадку флагманский корабль. Причем посадка будет выполнена по всем правилам летного искусства и со строгим соблюдением инструкции, как это умел делать Бухаров, «дядя Костя», так его

называли между собой летчики.

Комендантский аэродром был хорошо защищен противовоздушной обороной, и немецкие самолеты не решались соваться сюда. Здесь кипела жизнь большого фронтового аэродрома. Все работали четко и быстро. Самолеты разгрузили немедленно и доставленные продукты питания на автомашинах сразу же отправили в город голодающим его защитникам.

Летчиков пригласили в столовую, но никто не шел, все утверждали, что сыты, хотя с самого утра ничего не ели. «Мы поедим там», — сказал «дядя Костя» и выразительно показал пальцем на юго-восток.

Над городом повисла темная пелена. Пора в обратный путь. Самолеты загружены до предела. На Большую [90] землю летчики везут исхудавших от голода ленинградских детей, больных и тяжело раненных. В темноте самолеты пересекают Ладогу, теперь уже не в плотном строю и без сопровождения истребителей. Летят, чтобы завтра опять прийти на помощь городу-герою.

...Много хороших дел выполнила и другая соседствовавшая с нами эскадрилья, которой командовал Герой Советского Союза Григорий Алексеевич Таран. Как и мы, там служили главным образом бывшие гражданские летчики. Они также выполняли полеты в тыл противника, вывозили детей, совершали удивительные по смелости и мастерству посадки на партизанские аэродромы.

Эскадрильи Тарана были оснащены двухмоторными ЛИ-2. Все полеты выполнялись в сложных условиях. Часто транспортные самолеты подвергались нападению фашистских истребителей.

Однажды экипаж в составе командира корабля Ильина, второго пилота Дронова, бортмеханика Лобанова, бортрадиста Крейнина и бортстрелка Яцука днем летел за линию фронта. На него напали два истребителя «Мессершмитт-109». Пытаясь уйти от преследователей, Ильин повел самолет к цели, прижимаясь к земле. Истребители не отставали, и экипаж принял бой. Яцук открыл огонь и сбил один истребитель, однако второй продолжал атаковать наш самолет, прошивая его огнем. Один снаряд разорвался внутри самолета. Осколками ранило Лобанова и Яцука.

Ильин продолжал кружить над целью, сбрасывая нашим: войскам боеприпасы. Истекая кровью, Яцук из последних сил отбивался от истребителя и наконец зажег его. «Мессер», оставляя за собой хвост дыма, скрылся в облачности.

Горел и наш самолет. Продолжать полет стало невозможно, и Ильин, выбрав подходящую площадку, приземлился. Только успели вытащить на снег раненых товарищей, как взорвались

бензобаки. Через несколько дней героический экипаж был доставлен на базу. Лобанов и Яцук после излечения в госпитале вернулись в родную авиаэскадрилью и в том же экипаже Ильина продолжали выполнять боевые задания.

Несла эскадрилья и тяжелые потери. Экипаж Навцени вылетел к партизанам с грузом взрывчатки. Линию фронта пересекли выше облачности. Над целью дали сигнальную ракету, но условные костры не зажглись. [91]

Самолет снизился, начал кружить над целью. Партизаны молчали. С воздуха были видны горящие деревни. Очевидно, здесь действовали каратели.

Экипаж передал на базу, что партизаны костров не выложили. Таран по рации приказал возвращаться. На обратном пути забарахлил правый мотор. В районе Витебска наш самолет был обнаружен немецким истребителем «Мессершмитт-110». Ночь была лунная, и транспортный самолет был как на ладони. Подойдя вплотную, фашист открыл огонь. Загорелась правая плоскость. Некоторое время экипаж продолжал полет на горящем самолете с одним работающим мотором, но положение было безвыходным, и командир корабля Навценя приказал экипажу покинуть самолет. Первым прыгнул бортмеханик Голеняк. У бортрадиста Онешко парашют был отстегнут. Когда же он начал пристегивать его, то расстегнулся ранец, и, боясь, чтобы парашют не раскрылся в самолете, Онешко обхватил его обеими руками. В это время произошел сильный толчок, бортрадист упал и от ушиба потерял сознание. Через мгновение его выбросило в открытую дверь кабины, и он очнулся уже висящим на стропах парашюта. Светила луна, и Онешко видел приближающуюся землю, фашистов, которые стреляли трассирующими пулями. Приземлившись, Онешко укрылся в зарослях кустарника, подступающего к самой реке. Стоя по пояс в холодной воде, он переждал, пока прекратятся поиски. Лишь на следующие сутки бортрадист выбрался из укрытия. Его спрятали жители близлежащего хутора, а затем переправили к партизанам. Спустя два месяца Онешко доставили на Большую землю.

Бортмеханик Голеняк приземлился вблизи расположения карательного отряда. Не успел он приподняться, как его оглушили сильным ударом по голове. Очнулся Голеняк в избе, где фашистский офицер, издеваясь, начал допрашивать его о цели полета. Не добившись ответа, офицер повел Голеняка на место гибели героев-летчиков. Здесь он увидел врезавшийся в землю самолет и останки своих товарищей. Так погибли коммунисты командир корабля Навценя, второй пилот Мартынов, штурман Спирин.

Как-то потребовалось срочно доставить партизанам боеприпасы и теплую одежду, а оттуда на Большую землю вывезти раненых и детей. Один из таких полетов выполнил экипаж Константина Дмитриевича Бирюкова. [92]

Была лунная ночь. На высоте двух тысяч метров на самолет напал «Мессершмитт-110». В самолете загорелся тол. Осколком ранило штурмана Пастернака. Попытки экипажа потушить пожар оказались безуспешными.

Бирюков мастерски посадил горящий самолет в лесу на маленькую поляну. Экипаж через верхний люк выбрался из самолета, который тут же взорвался. Через несколько дней партизаны сообщили по радио радостную весть: все члены экипажа живы и находятся у них.

Командир эскадрильи Таран всегда первым летал в самые опасные места на выручку товарищей. И на этот раз он вывез экипаж Бирюкова на свой базовый аэродром.

А вот что случилось с экипажем Пушечкина. После выполнения задания летчики возвращались на базу. Шли бреющим. Недалеко от линии фронта самолет был обстрелян сильным зенитным огнем. Машина загорелась, рулевое управление оказалось перебитым, и неуправляемый корабль врезался в бугор. Немцы хотели взять экипаж в плен, но герои отстреливались до последнего патрона и не вышли из горящего самолета.

...Фронтовые дороги не раз сталкивали меня с летчиками удивительной судьбы. Таким, например, был Абдусамат Тайметов. Почти три года он добивался направления на фронт и постоянно получал отказ. Тайметов служил, как и я когда-то, в летном училище. Умом понимал он правоту командиров, которые доказывали необходимость работы здесь, ее важность для дела победы, но сердце не соглашалось.

Абдусамат находил утешение в полетах. Летать приходилось много. Учебная эскадрилья готовила пилотов для фронта.

Наконец его заветная цель сбылась. Тайметов получил направление в боевое соединение ГВФ.

Пилоту Богданову — опытному боевому летчику — поручили подготовить и выполнить с Тайметовым первое боевое задание, дать «провозной» полет.

Первый полет по оценке ночников относился к разряду «спокойных». Противозенитные маневры Абдусамат выполнил хорошо. Нашли затерянную среди болот и лесов точку — маленький аэродром. Сели, разгрузились, загрузили то, что нужно срочно отправить на Большую землю, взлетели и ушли домой. По дороге не раз меняли маршрут, уходя от вражеского

обстрела и [93] истребителей, над населенными пунктами сбросили наши листовки, вернулись на базу.

«Вот и все, — сказал Богданов, когда самолет зарулил на стоянку. — Годишься».

Наступили фронтовые дни.

Из легендарного партизанского соединения Сидора Артемьевича Ковпака поступило тревожное сообщение. Один из отрядов ведет кровопролитные бои. Боеприпасы на исходе. Большие потери, много тяжело раненных. Тайметов получает задание — вылететь к партизанам, доставить боеприпасы и вывезти раненых.

Иные думают, что на войне хоть и опасней, но все много проще, чем в училище. Командиры не докучают требованиями скрупулезной подготовки — получил задание и лети. И нет тебе мороки с наземной отработкой полетного задания, докучливого труда в классе, штурманской, на тренажерах. Нет! Успех выполнения боевого задания всегда ковался на земле, и пилоты на войне не жалели сил для тщательной предварительной, предполетной подготовки.

Склонившись над картами, экипажи километр за километром, минута за минутой рассчитывали предстоящий полет. Метеообстановка, каждый поворотный пункт, характерный ориентир, курсы, высота, расчет по времени, схема связи — все учитывалось самым подробнейшим образом.

Вот так было и с экипажем Абдусамата. Готовился он тщательно, долго, взлетели, когда солнце еще стояло довольно высоко над горизонтом, и легли на курс. Путь предстоял далекий, к отрогам Карпат.

И вот стали приближаться к цели. Через двадцать минут должен быть партизанский аэродром. Аэродром молчит, притаился. Его нужно найти. Абдусамат внешне спокоен. Штурман вносит поправку в курс, второй пилот помогает командиру управлять машиной. Бортмеханик последний раз проверил крепление груза и, вернувшись в пилотскую кабину, по приборам и на слух выверяет работу двигателей. Радист цепко держит волну далекой радиостанции центра, готовый по распоряжению командира отстучать морзянкой нужный текст. Стрелок, склонившись над турелью, внимательно- следит за воздухом.

Последнее уточнение курса. По расчетам, прямо впереди должна быть площадка. Тайметов подбирает обороты и переводит самолет на снижение. Он весь напряжен, [94] все подчинено одному — найти площадку в этой кромешной тьме. Никто не подскажет, где здесь друзья и где враги. Одно ясно — друзья ждут

на маленьком «пятачке», а враги кругом. Они тоже ждут. Вдали что-то замерцало. Тайметов понял — костры. Через минуту мерцание вырисовалось тремя маленькими светящимися точками, вытянутыми цепочкой. Есть аэродром! Но что это? Правее и чуть дальше точно такие же три светящиеся точки. Так, ясно! Каратели узнали сигнал посадки и подготовили сюрприз, ждут тебя, Абдусамат, в гости. Подготовили хорошее угощение...

Огоньки все растут, и они совсем одинаковые. И яркость такая же, и расстояние. Кажется, что окружающая местность и та одинакова. Надо разгадать эту загадку, разгадать в считанные минуты. Не зря же сидели над картами!

«Штурман, характерные ориентиры!»

«Есть характерные ориентиры», — и штурман перечисляет то, что Абдусамат уже отчетливо себе представил: параллельно огням слева — лес, справа — овраге ручейком, в створе огней южнее отдельная группа деревьев; севернее полуразрушенный домик лесника. Тайметов продолжает снижение. Огни впереди превратились в хорошо видные костры. Земля преображается, лучше видны ее детали. Глаза внимательно цепляются за каждую точку. Высота триста метров, до аэродрома совсем близко. Вот и деревья! Самолет проходит над кострами. Слева проглядывается лес, справа поблескивает ручей. Под крылом мелькнула крыша разбитого домика.

Тайметов ввел самолет в левый разворот и приказал готовиться к посадке.

В этот миг земля ожила. Ожила отблесками взрывов, кольцом опоясавших площадку и разорвавших ночное небо вокруг самолета. Через несколько секунд разрывы появились за лесом, западнее аэродрома и правее ручья. Сверху уже ясно просматривались два кольца вспышек и между ними пунктиры пулеметных и автоматных очередей.

Абдусамат, развернув самолет и ведя его параллельно линии костров немного в стороне, отчетливо представил, что происходит на земле. Партизанская группа блокирована и заняла круговую оборону аэродрома, защищая его, как последнюю надежду. Боеприпасы на исходе. Десятки тяжело раненных, которые уже ничем [95] не могут помочь товарищам. Единственный выход — прорвать кольцо. Но для этого необходимы снаряды, патроны, гранаты, нужно посадить самолет. Кругом бушует огонь. Достаточно одной небольшой его искорки, чтобы сжечь самолет. Абдусамат окинул взглядом друзей. Четыре пары глаз оторвались на миг от приборов и рычагов, смотрели уверенно, спокойно. Они говорили: «Действуй, командир, будет порядок».

Решение созрело. Последний разворот сделать как можно дальше, чтобы гитлеровцы решили, что самолет ушел восвояси, выйти на прямую с приглушенными двигателями, тихо подойти к аэродрому и сесть. Так и сделаем. Только спокойно — ведь дело простое — приземлиться точно у Т. Тысячи раз это делал и сейчас сделаешь. Вот крайний костер — отличное Т.

«Бортмеханик, шасси!»

«Есть шасси! — два знакомых легких толчка. — Шасси выпущены, командир. Встали на замки, зеленые горят!»

«Выпустить щитки!»

«Есть щитки!»

Обыкновенный деловой разговор, обыкновенные действия.

Слева замелькали ряды деревьев, их верхушки уже выше плоскостей. Вот и она, матушка-земля, и начинается она от костра. Мягкое прикосновение, самолет покатился и, сдерживаемый тормозами, остановился на краю площадки.

Теперь говорила земля. Говорила в полный голос грохотом разрывов и зловещей трелью пулеметных очередей. На земле шел бой.

К самолету подбежали люди. Они очень спешили. Но прежде чем ящики с боеприпасами замелькали по живой цепочке к лесу, каждый из этих людей успел в коротких объятиях и теплых словах выразить всю меру благодарности этой пятерке ребят в летных куртках.

Тайметов, став чуть в стороне, жадно курил.

«Дай прикурить, сынок!» — Абдусамат оглянулся и замер. Рядом стоял Сидор Артемьевич Ковпак, знаменитый партизанский командир.

«Товарищ командующий...» — начал Тайметов, вскинув руку.

«Не надо, не надо. И так вижу, что задание ты выполнил — и земной тебе поклон за это. — Ковпак крепко обнял и поцеловал летчика. — А теперь давай о деле [96] — раненых пора вывозить, да побыстрей. Вам улетать, а нам пробиваться — времени в обрез».

Три с половиной тонны боеприпасов разгрузили, сорок два раненых приняли на борт за семь минут. На исходе восьмой минуты под огнем противника взлетели.

Когда вручали Абдусамату первую боевую награду — медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени, вспомнил он эти восемь огненных минут и этот свой боевой вылет.

...110 раз вылетал в тыл противника и командир экипажа ЛИ-2 Иван Иванович Анисимов, выпускник той же Тамбовской летной школы, которую в свое время заканчивал я. Тяжелые транспортные машины базировались на железнодорожной

станции Выползово, недалеко от Бологого. Самолеты снабжали партизан Ленинградской, Новгородской, Калининской областей и Прибалтийских республик, летали дальше, чем мы. Они сбрасывали народным мстителям продовольствие, оружие, консервированную кровь для раненых, листовки. Иногда им удавалось садиться на лесные площадки, и тогда летчики, как и мы, забирали в обратный рейс партизанских сирот.

Темные безлунные ночи, низкая облачность, осадки создавали для самолетов относительную безопасность. Летать приходилось в районы Пскова, Чудского озера. Линию фронта обычно пересекали на бреющем, причем в таких местах, где было меньше вероятности попасть под огонь зенитных установок или нарваться на ночных истребителей-перехватчиков. Поэтому летчики делали порядочный крюк в сторону от трассы. Длинные зимние ночи давали достаточно времени, чтобы доставлять груз за сотни километров и возвратиться на базу.

Иногда случалось и из ряда вон выходящее. Как-то экипаж Анисимова получил задание доставить груз в район, занятый партизанами. Погода была как по заказу: шел снег, тучи лежали чуть ли не на самой земле.

Взлетели. На бреющем пересекли линию фронта и пошли курсом на Ильмень. Слева — Старая Русса, справа — Новгород. До Чудского озера дошли благополучно. В заданном месте сделали круг. Условных костров не было. Выполнили второй круг — на земле по-прежнему темно. Пошли на запасную цель. Вскоре под крылом вспыхнули костры. Значит, все здесь в порядке. Сбросили груз, получили кодовый сигнал, что он принят, или «квитанцию», как это называлось у нас. [97]

На обратном пути Анисимов должен был пересекать железную дорогу Ленинград — Псков. Когда самолет оказался над ней, бортстрелок, который находился в башне с хорошим обзором, что-то закричал. Командир послал бортмеханика узнать, в чем дело. Оказалось, стрелок обнаружил поезд. Анисимов посмотрел вниз — точно! Он дал команду стрелку — зарядить пулемет зажигательными патронами, а сам стал пристраиваться к поезду. Зашел с правой стороны. Ночь темная, но поезд видно — светятся какие-то огоньки. Этот заход Анисимов выполнил как бы примериваясь. Потом он обогнал поезд, развернулся и сделал второй заход, уже боевой. Снизился до минимальной высоты — метров десять, — прижался поближе к поезду, как мог погасил скорость. Стрелок открыл огонь. Пулеметные трассы ударили по паровозу. На нем загорелось что-то, рассмотреть не удалось — поезд уплыл назад.

После третьего захода вспыхнул один из вагонов, и огонь

разметал темноту. Взрыва экипаж не услышал, но самолет сильно тряхнуло и чуть не положило на крыло. Анисимов выправил машину, посмотрел вниз: поезд пылал! В свете зарева было видно, как вокруг него метались фашисты.

А через три дня от партизан пришло донесение, что советский самолет взорвал немецкий эшелон с военным грузом. Партизаны захватили поезд, взяли богатые трофеи. Гитлеровцы несколько дней не могли восстановить движение на этом участке дороги.

А через несколько дней зенитный снаряд попал в мотор самолета Ивана Ивановича Анисимова. Машину бросило в сторону. И тут же мотор смолк. Назад до партизанской базы тяжело груженную детьми машину не довести. Анисимов решил хотя бы перетянуть через пинию фронта, добраться до своей территории.

Тяжело, с надрывом, гудел правый мотор. Весь экипаж напряженно вглядывался в ночь. Вариометр неумолимо показывал снижение, приближалась земля. На пределе температура и давление масла. А внизу — черный лес. Деревья, деревья — ни одного светлого пятна! И когда уже казалось, что посадка на деревья неизбежна, впереди прямо по курсу что-то неясно засветлело — поляна, озеро или болото. Но выбора уже не было. Зажигание выключено. Не выпуская шасси, Анисимов сажает самолет на вынужденную... В стекла полетели комья снега. Затрещал фюзеляж. Потом наступила [98] тишина. Машина основательно пострадала, но все уцелели.

Четыре дня летчики с детьми добирались до железной дороги. Четыре дня и четыре ночи шли они через густой лес, по пояс проваливаясь то в сугробы мокрого весеннего снега, то в болота и ямы с водой.

На пятые сутки «робинзоны» добрались до деревушки вблизи железной дороги. Здесь всех накормили картошкой. Правда, не было хлеба, да и соли в обрез, но все равно еда показалась самой вкусной на свете.

Спустя несколько дней подбитый самолет отремонтировали, поставили «на ноги» и он снова встал в строй.

...Так дрались мои товарищи по оружию, однокашники и коллеги-аэрофлотовцы, одетые в армейскую форму.

Пока руки держат штурвал

В зимние месяцы мы летали в основном ночью, успевая выспаться за короткий день. Поскольку самолеты были поставлены на лыжи, можно было безбоязненно садиться на замерзшие озера — их немало встречалось по маршруту. Как всегда, партизанам мы возили гранаты, патроны для бронебоек,

автоматов и винтовок, мины разного назначения, медикаменты, газеты, письма. В каждый тюк старались вложить записку и от себя, вроде: «Боевой привет партизанам глубокого тыла от летчиков! Бейте гадов метко и крепко!»

Когда у нас наладилось регулярное воздушное сообщение со многими бригадами, от партизан стали назначаться специальные люди, которые принимали самолеты и руководили посадкой детей. От своего начальника штаба они узнавали сигналы и точно раскладывали их на земле. Например, по таблице кодов сегодня был «конверт». Этот опознавательный знак устраивался так: четыре костра по бокам, пятый — «печать» называется, самый большой — посредине. Или «стрела»: пять-шесть костров в цепочку, а два по бокам — «перья стрелы».

Конечно, сигналы постоянно менялись и держались в строжайшей тайне от противника. Тем не менее гитлеровцы зажигали на земле массу своих костров и, случалось, сбивали нас с толку.

Партизаны понимали, какой ценой доставался нам каждый полет, и старались как могли угодить нам. Любимым [99] партизанским подарком для летчиков был трофейный пистолет. Тонкие психологи были партизаны. Хорошо понимали, что как бы здорово ни воевал летчик, какие бы подвиги ни совершал, все равно он был лишен одной радости — сам никогда трофеев не добудет. Вот и дарили они нам или «вальтер», или парабеллум, а то и бельгийский браунинг.

Ну а вообще-то у каждого, как у всех солдат на войне, по-разному проходила жизнь.

Нелегкая судьба сложилась у самого молодого в звене летчика Рустема Лобженидзе. Много раз он летал к партизанам, много раз попадал в тяжелейшие положения и всегда выходил из них с честью. Но вот уже почти в самом конце войны Рустем вместе с Леонидом Садовниковым полетел сбрасывать листовки в район курляндской группировки врага. Задание вроде бы и не из самых сложных... Но... их сбили над Либавой. И оба попали в плен. Леня Садовников умер в немецкой неволе, Рустему удалось дожить до победы в плену. После войны он еще долго летал на гражданских самолетах и обучал молодых пилотов.

В ночь с 29 на 30 марта 1944 года два вылета совершил Иван Тутаков. Первый рейс к партизанам в район Идрицы прошел у него удачно.

Вторично прилетев на площадку, Тутаков сдал привезенный груз, посадил в самолет двух тяжелораненых партизан и взял курс на Большую землю. Но на этот раз противник подкараулил его самолет. Пробив мотор, зенитный снаряд, не разорвавшись,

вылетел наружу. Поврежденный мотор стал работать с перебоями, терял обороты и сильно чихал. Мотор охватило дымом. В эти секунды каждый метр высоты стал особенно дорог, а при скольжении пришлось бы ее потерять. Склонившись на правую сторону, Иван ждал, вспыхнет или не вспыхнет его самолет.

До линии фронта оставалось лететь минут пятнадцать, но в такой обстановке даже секунда кажется часом.

Расстегнув кобуру пистолета, Тутаков приготовился к бою в случае посадки на территории противника. Он решил драться до последнего патрона, но живым не сдаваться. Но вот в воздухе все чаще стали взрываться ракеты. Это немцы по своему обычаю освещали передний край своей обороны. Теперь Тутаков примерно знал, сколько еще осталось до передовой линии фронта и в [100] каком месте произойдет приземление его самолета.

Мотор стал выбрасывать искры, а до земли оставалось всего триста метров! По самолету начали бить трассирующими пулями. Иван упорно стремился вперед и не сворачивал с прямой. Он хорошо знал, что если будет уклоняться от выстрелов в стороны, то потеряет и эту высоту и не сможет перетянуть через линию фронта.

И вот быть же такому счастью: в этот миг наши «катюши» открыли сильный огонь, под крылом самолета загорелась земля. Обстрел с немецкой стороны прекратился, и на высоте сто метров Тутаков пересек огненный рубеж. Последнее, что успел сделать Иван, — дать в воздух ракету и сразу же произвел посадку куда пришлось — на маленькое озеро. Как выяснилось потом, приземлился он в километре от передовой, а до своего аэродрома оставалось километров пятнадцать.

Тутаков не успел вылезти из самолета, как был окружен автоматчиками. Они закричали: «Руки вверх!», но вскоре поняли, что перед ними наш, советский летчик.

Подъехала санитарная машина, увезла раненых партизан. Перед расставанием один из них сказал Ивану:

— Знаете, товарищ летчик, мы сегодня написали письма и отправили их первым рейсом. В них сообщили своим родным, что сегодня сами вылетим на Большую землю и скоро увидимся с ними. А когда нас подбили, то мы уже и не рады были, что написали такие письма. Ведь похоже, что наша встреча с родными могла и не состояться...

После отдыха, когда рассвело, Тутаков осмотрел самолет. Весь он был в масле и имел множество осколочных пробоин. Просто удивительно, что не задело ни его, летчика, ни партизан.

В полку посчитали Тутакова погибшим. Но авиатехник Григорий Конев уверенно сказал: «Он пешком придет». И

действительно, утром Тутаков пришел пешком в свою эскадрилью.

На другой день к месту вынужденной посадки прибыли авиатехники Александр Смирнов и Григорий Конев. Они привезли с собой другой мотор, установили его взамен разбитого, и Иван Васильевич Тутаков смог сам привести самолет на свою базу.

Когда наши войска продвинулись вперед, пилот летал к тому месту, где его подбили, и узнал, что здесь [101] располагались танковые ремонтные мастерские противника. И только теперь ему стало как-то не по себе.

— Жаль, что я раньше не знал этого злого места. Ведь можно было бы обойти его стороной, — говорил нам Тутаков.

Но таких «злых» мест было много.

...Другой наш летчик, старший лейтенант Колобков, возвращаясь с задания, встретился над линией фронта с ночным истребителем противника. Колобков уклонился от атаки и перешел на бреющий полет, намереваясь незаметно уйти на свою территорию. Противник продолжал преследовать его самолет. Ночь была светлая, положение казалось безнадежным. Но Колобков нашел выход. Он резко развернул самолет на 180 градусов и, маскируясь лесом, пошел в обратном направлении. Истребитель противника не ожидал такого маневра и потерял Колобкова из виду. А он тем временем снова вернулся на партизанскую площадку и, пробыв там весь следующий день, ночью благополучно прибыл на свой аэродром.

Но не всем это удавалось. Особенно много неприятностей доставляла нам Идрица — сильно укрепленный пункт гитлеровцев. Возвращаясь из партизанского края, пилот Василий Калмыков над этим районом был схвачен прожекторами. Его самолет от прямого попадания зенитного снаряда загорелся. Летчика ранило осколком. Биплан вошел в скольжение... Превозмогая боль, Василий выполнил несколько сложных фигур высшего пилотажа, но пламя сбить не сумел. Бензином залило одежду летчика. С обгорелым лицом и руками Калмыков выбросился на парашюте. Как чувствовал, взял его с собой в этот полет. Попутный ветер относил Калмыкова в сторону линии фронта. Спускаясь на парашюте, летчик с тревогой ожидал момента приземления — куда его занесет: на свою или вражескую территорию?.. Неожиданно у самой земли по нему открыли огонь, и он упал на землю... Пулеметная трескотня продолжалась долго. Василий освободился от лямок, отполз в сторону.

Вдруг он услышал невдалеке русскую речь.

«Здесь я!» — крикнул он.

Но никто не подходил.

«Что же вы, братцы?» — летчик едва не терял сознание от боли. [102]

«Подойти не можем, заминировано», — сдавленно проговорил кто-то.

«Все равно умирать», — подумал Калмыков и пополз на голос. Цепляясь за землю, он потихоньку двигался вперед, останавливался, собираясь с силами, и снова делал крохотный рывок. Истекая кровью, летчик все же дополз до траншеи. Тут его подхватили наши пехотинцы и отправили в госпиталь.

«Случайность в кубе», как потом говорили у нас в полку, трижды уберегала судьба Василия от смерти: обычно летал без парашюта, на этот раз взял его, парашют не сгорел и перенес его за линию фронта всего лишь на несколько сот метров, а когда он полз по заминированному полю, то ни одна мина не взорвалась, словно жалея израненного летчика.

Мастерство высшего пилотажа показал и летчик Владимир Кореневский. В сырую мартовскую ночь у озера Лида снаряд повредил элероны плоскостей и консольную часть верхнего правого крыла. Кореневский вложил всю душу и сердце в этот почти безнадежный полет и привел на базу сильно поврежденный самолет, на борту которого были дети.

...Однажды фашисты сбили и мой самолет. Я еле-еле дотянул до партизанской базы и вынужден был остаться у них. Время было тревожное — каратели сжимали кольцо блокады, и партизанам приходилось туго. Весь день шел ожесточенный бой на подступах к аэродрому.

Только к ночи понемногу все затихло...

И тут мы услышали знакомый рокот самолета. Летел По-2. Быстро разожгли несколько костров. Вижу — из темноты вынырнула «семерка». На «семерке» летал мой друг Сергей Борисенко! Мастерски посадив самолет, Сергей выскочил из кабины и направился прямо к кострам. Тут он увидел меня.

— Петя! Курочкин! — закричал Сергей, обхватывая меня сильными руками. — Что случилось?

— Зенитчики перебили левую лыжу...

— Я слетаю еще раз и привезу механика с лыжей. А пока почитай вот это, — Сережа достал из планшета письмо... от мамы.

— Вот и письма уже получаю с Большой земли, — засмеялся я, торопливо вскрывая конверт.

Сергей забрал двух партизан и троих детей, которых нашли в одной из брошенных деревень. Я же решил дождаться [103] механика, чтобы заменить лыжу и вернуться домой на своем

самолете.

На рассвете гитлеровцы возобновили бой. В воздухе появился Ю-87 — «лаптежник». Он начал бомбить партизан. К счастью, немец-летчик не увидел мою машину. Она стояла в густом ельнике и сверху была забросана свежим хворостом.

Еще одни сутки провел я на партизанской стоянке. А в следующую ночь снова вернулся Борисенко, на этот раз с техником. Отремонтировали самолет, и я благополучно вернулся на родную базу.

У озера Полисто

Партизанское соединение Алексея Егоровича Сидоренко вело тяжелые многодневные бои. Оттуда пришел связной и сообщил координаты. Партизаны просили оказать им помощь. Гитлеровцы решили во что бы то ни стало разделаться с партизанами и все время наращивали удары, отрезая дороги и тропы, по которым еще могли бы просочиться бойцы. Захватив деревню, они сжигали дома, расстреливали всех без разбору. Многие жители перед тем, как прийти карателям, убегали к партизанам. В соединении собралось много женщин и детей. Они сковывали силы партизанской бригады, замедляли ее движение. Уменьшался и без того жалкий паек у бойцов. А оставить их на произвол судьбы Сидоренко не мог: всех фашисты непременно расстреляли бы. К несчастью, из строя вышла рация, поэтому пришлось посылать через линию фронта связного.

Мы понимали отчаянное положение партизан, но ничем помочь не могли. Стояла на редкость плохая погода — дождь, туман, густой снег, облачность от самой земли и до практического потолка наших По-2 — тысячи на четыре метров.

Связной сказал, что Сидоренко будет ждать самолеты около озера Полисто. Если партизаны услышат знакомый гул самолетов, то постараются разжечь как можно больше огня, чтобы площадку можно было разглядеть сквозь какой угодно туман.

Поразмыслив, командир ночной эскадрильи Иван Алексеевич Ковалев все же решился назначить разведывательный полет. Он послал к партизанам в разведку Сергея Борисенко.

Вместе с Сергеем должен был лететь штурман эскадрильи [104] Коля Черников — парень шумноватый, но грамотный и организованный. У него было прямо-таки штурманское призвание и талант. А дело это далеко не простое.

Несведущему человеку обыкновенная карта ничего не скажет. Разве что сообщит, что здесь — равнина, здесь — горы, здесь — море. Она воспримется как черное и белое, без полутонов. Но стоит вспомнить уроки географии в школе, курс военной топографии в училище, и карта сможет рассказать об очень

многих вещах. Черные линии меридианов и широт укажут квадрат, где находится тот или иной населенный пункт. Другие условные знаки подскажут, на берегу какой реки, у какой железной дороги он стоит, что его окружает.

Летящий человек прежде всего обратит внимание на масштаб. Мы пользовались «миллионкой», то есть картой, где местность была уменьшена в миллион раз, в одном сантиметре карты укладывалось десять километров земли.

Масштаб позволял точно ориентироваться в расстояниях. Если приложить линейку одним концом к нашему аэродрому и измерить расстояние до озера Полисто, то получалось двадцать четыре сантиметра, двести сорок километров по земле.

Кроме того, карта сообщала о том, что окружающая местность возвышалась над уровнем моря на сто шестьдесят метров. Эти данные требовались для определения безопасной высоты полета. Ведь высотомер, основанный на перепадах барометрического давления, ведет отсчет от нулевой высоты своего аэродрома. Если аэродром лежит в местности, расположенной на высоте сто метров над уровнем моря, то над Полисто самолет, низко летящий в непроглядной ночи, неминуемо столкнется с землей, так как прибор не в состоянии учесть разницу в высотах аэродрома и конечного пункта маршрута.

Разумеется, перед тем как вылететь, летчик и штурман изучают район полета. На прочерченном цветным карандашом маршруте они определяют сначала курс по карте. Затем, пользуясь данными синоптиков, учитывая скорость и направление ветра, а также девиацию, то есть разницу между географическим и магнитным меридианами, высчитывают истинный курс и его наносят на карту. Потом приглядываются к местности, которую должны пересечь, проводят, так сказать, общую и детальную ориентировку — запоминают очертания рек, [105] расположение заметных деревень, изгибы шоссейных и железных дорог, отмечают наиболее характерные ориентиры. Скажем, если они полетят со скоростью сто десять километров в час, то через двадцать восемь минут полета пересекут реку, которая должна протекать с северо-запада на юго-восток. Справа они увидят характерный излом леса, а слева — поле... Эти важные ориентиры подскажут, что полет выполняется правильно. Когда же Черников раскрыл карту, по которой был прочерчен маршрут полета в район озера Полисто, он не увидел вообще никаких ориентиров: на всем протяжении полета лежали сплошные болотистые леса.

— Попробуй найти здесь партизанский лагерь! — встревоженно воскликнул штурман.

— Для того ты и летишь, Коля, — сказал Борисенко. — Если бы я эти ориентиры видел, то вместо тебя положил бы пару лишних ящиков с патронами.

Поджав губы, Черников достал из полевой сумки карандаш, масштабную линейку, транспортир, ветрочет, блокнот. Сначала он в стороне от аэродрома обвел кружок — точку якобы своего взлета. Так полагалось делать для того, чтобы гитлеровцы не могли узнать, где точно расположен наш аэродром в случае, если собьют самолет и карта попадет им в руки. Затем красными кружочками штурман обвел поворотные и конечный пункт маршрута, соединил их прямыми линиями. По масштабной линейке определил расстояние между пунктами вылета, контрольными и поворотными ориентирами, если можно таковыми назвать бесконечные леса. Потом стал рассчитывать график движения по маршруту, чтобы дать летчику верный курс по компасу, расчетную скорость и строгое время полета. Иначе можно заблудиться в слепом полете.

Это сейчас летчики водят самолеты в облаках и ночном небе, в снегопады и туманы, но в наше военное и далекое время искусством слепого вождения владели немногие пилоты. Звание мастера ночного пилотирования встречалось не чаще, чем звание Героя Советского Союза.

Сережа Борисенко был одним из таких летчиков. Но в первый разведывательный полет к партизанам даже он вынужден был взять с собой штурмана, который помог бы в быстро меняющейся ночной обстановке определить правильный курс. [106]

Летчик и штурман облачились в теплые комбинезоны, взяли с собой автоматы и пошли к самолету.

Снег сыпал с неба. Поддувал сырой ветер. Вдруг кто-то из техников увидел в просвете звезды! Неужели скоро развиднеется?

Помигав навигационными огоньками, По-2 пошел на взлет и сразу скрылся из глаз.

Борисенко нужно было преодолеть 240 километров. Столько же — обратно да затратить какое-то время на поиски озера. Ждать надо было его не меньше пяти часов. Но никто не сомкнул за это время глаз. Слишком долго тянулась эта ночь.

С собой Сергей взял патроны и рацию для партизан. Он должен сразу после приземления дать знать о себе.

Однако эфир безмолвствовал.

Лишь перед самым рассветом рация заработала. Кодом Борисенко сообщил, что в пути несколько раз попадал под прожектора и огонь зениток, пришлось уклониться от курса и долго блуждать. Озеро и партизан он нашел, однако горючего на обратный путь не хватило.

— Придется друга выручать вам, Курочкин, — сказал комэск Ковалев.

— Когда прикажете вылетать, Иван Алексеевич? — спросил я, надеясь, что командир пошлет меня немедленно.

— Следующей ночью. А днем тщательно разработайте маршрут, постарайтесь обойти все зенитные установки, о которых сообщил Борисенко.

Я засел за расчеты, а Григорий Дебелергов стал приспосабливать к самолету дополнительную емкость для бензина, который требовалось перекачать в машину Сергея.

Высчитал я курс самым тщательным образом. Надо ли говорить, что летчик должен знать арифметику на «пять с плюсом». Но ведь бывало, из-за небрежности или торопливости при подсчете остатка горючего неправильно помножит он «семь на восемь» и садится на вынужденную где-нибудь на вражеской территории с пустыми баками. Или знает, что без полетной карты лететь нельзя, и должна она быть в планшете, а он засунет ее в голенище сапога, бытовал такой фронтовой шик, а карта в полете вывалится на пол, ее не достать, так как руки заняты управлением. Станет тянуться, потеряет пространственное [107] положение, сорвутся с мест знакомые ориентиры — и заблудишься.

Конечно, ошибку можно исправить, но до тех пор, пока не переступишь известной границы. Тот, кто помнит о ее существовании, не впадет в панику, сумеет удержать себя в руках. Самая страшная ошибка в полете — растерянность. Поэтому, что бы ни случилось, надо знать — пока ты хозяин положения и диктуешь свою волю машине, бояться тебе нечего. А растеряешься — тогда тебе конец.

С училища я запомнил такой «урок». Однажды при полетах зимой пошел я на посадку, убрал газ до минимальных оборотов и планировал. Мотор на морозе остыл. Когда я почувствовал, что до знаков не дотяну, дал газ, чтобы оборотами подработать точное приземление, а мотор чихнул и заглох. Вместо того чтобы спокойно оценить обстановку и попытаться все же дотянуть до аэродрома, я принял суматошное решение идти на вынужденную. Взгляд зацепился за лужок, туда я и плюхнулся. Лужок же оказался болотом... Не разведи паники, спокойно бы сидел я на аэродроме, а вот растерялся, и слава богу, что машину не

поломал, но вымок и продрог основательно...

Закончив работу с картой, пошел докладывать Ковалеву о готовности к полету.

Комэск стал придирчиво рассматривать разработанный мною маршрут. Однако ни одной ошибки он не нашел.

Я взлетел с таким расчетом, чтобы над линией фронта пройти уже в темноте. Набирая высоту, подошел к линии боевого соприкосновения с врагом. По-прежнему она хорошо определялась перестрелкой с обеих сторон и множеством осветительных ракет, которые немцы пускали почти непрерывно, чтобы помешать нашим пехотинцам-разведчикам.

Вдали, чуть левее продольной оси самолета, вспыхивали длинные ярко-голубые лучи вражеских прожекторов. По ним можно было определять крупные опорные пункты противника. Лучи, периодически устремляясь в небо, отыскивали самолеты.

Подлетая к месту посадки, я помигал бортовыми огнями. На земле вдоль посадочной площадки выпустили зеленую ракету... Направление и цвет выпущенной ракеты совпадали с паролем. Теперь можно заходить на посадку. И тут же запылали ярче посадочные костры. [108]

На партизанской стоянке меня ждали Сережа Борисенко и Коля Черников. Добровольные помощники помогли заправить их самолет горючим из бака, приготовленного моим техником.

Мы торопились до рассвета вернуться на свой базовый аэродром. Но партизанам было жаль нас отпускать.

— Завтра прилетим обязательно!

— Прилетайте! Прилетайте! Будем ждать вас всю ночь! — кричали партизаны.

Нам дали наказ привезти побольше табаку, свежих газет.

Простившись, мы с детьми на борту вылетели в обратный путь.

Возвращаться было легче. Правда, ориентировка по-прежнему была сложной, но летели увереннее. Особенно хорошо почувствовали себя, когда линия фронта осталась позади.

Срулив самолет в сторону от посадочной полосы, выключаю мотор и быстро вылезаю из кабины.

Катит «санитарка», бегут механики, подходят летчики...

На следующую ночь с Сергеем Борисенко до отказа нагрузились боеприпасами, газетами, достали конвертов, бумаги и, конечно, несколько пачек табаку... От себя лично Сергей собирался подарить партизанам свою любимую книгу «Заветное слово Фомы Смыслова» и сделал такую надпись: «Народным мстителям от летчика старшего лейтенанта Борисенко С. Беспощадно истребляйте немецких захватчиков!»

В обратном рейсе, обойдя стороной Идрицу, мы, посчитав себя в безопасности, вдруг попали в клещи трех прожекторов. Оказывается, это был незнакомый нам укрепленный немцами район, где железная дорога скрещивалась с четырьмя шоссейными. Глаза слепило. Зенитки открыли бешеный огонь. Прожектора находились прямо под самолетом.

Убрав газ, крепче сжимая рычаги управления, мы начали пикирование с высоты тысяча семьсот метров среди разноцветного фейерверка зенитно-пулеметных огней, щедро посылавшихся снизу вдоль лучей прожекторов. Я оторвался от огней, но самолет Сергея продолжал оставаться освещенным. Тогда он резко ввел машину в левый вираж и выскользнул из огня, продолжая пикировать с новым курсом. Потеряв самолет, прожектора зарыскали по сторонам. Снаряды и пули по-прежнему [109] летели в пространство в надежде настичь цель. На высоте шестисот метров, взяв первоначальный курс, самолет устремился к линии фронта. Но не прошло и полминуты, как снова самолет Сергея был схвачен прожекторами. Ну как после этого не рассердиться на небесный тихоход, который не успевал отлететь подальше от преследовавших прожекторов?!

Сергей впервые обозвал свой самолет черепахой.

Маневрируя, он все же выскользнул из лучей и на бреющем пришел на свою базу...

Вскоре наш командир эскадрильи получил от комбрига письмо:

«Дорогие летчики! Ваша помощь неоценима! Вам благодарны сотни бойцов-партизан, тысячи советских граждан, матерей и детей наших, живущих теперь под надежной охраной партизан.

Вас благодарят, вами восхищаются раненые бойцы-партизаны, перевезенные вами в советский тыл и спокойно выздоравливающие в госпиталях.

Вас не забудут матери, чьи дети доставлены вашими самолетами на советскую территорию, где они нашли ласку и приют».

Поединок с «мессершмиттом»

Май 1944 года в наши края пришел жарким. По маленьким, едва заметным признакам мы догадывались, что в это лето наступление начнется где-то невдалеке от нас, по-видимому, в Белоруссии.

К нам пришла новая материальная часть, моторы, запасные части. Все чаще мы стали возить не оружие, не боеприпасы, а взрывчатку, которая понадобится партизанам для разрушения железнодорожных и шоссейных дорог, для уничтожения мостов, чтобы парализовать вражеский тыл в момент наступления.

Но обратно мы по-прежнему брали на борт тех же детей. Словно чуя неминуемую расплату, гитлеровцы стали более бешеными темпами вывозить в Германию молодежь, подростков, попадавших в участившиеся облавы.

...Я приземлился на лугу. Когда-то здесь была пашня, но с приходом немцев ее забросили, она заросла сначала пыреем, полынью, а потом луговой травой.

От деревни ничего не осталось. Ее сожгли каратели. [110]

Только черные печные трубы угадывались на блеклом фоне ночного неба. Население жило в подвалах и землянках. Женщины, старики, дети таскали на себе плуги, пахали, сколько могли обработать земли. Они сами едва сводили концы с концами, да еще кормили партизан.

Отряд стоял километрах в тридцати в лесу за большим топким озером, заросшим осокой и камышами. В деревню нет-нет да и наезжали каратели, и чтобы не навлекать на мирных жителей беды, партизаны старались появляться здесь как можно реже.

Когда стало известно, что за детьми прилетит самолет, посадочную площадку пришлось выбрать все же на лугу у деревни — других подходящих ровных мест в округе не было. Ребятишки приехали на подводах. Сопровождающий — пожилой бородатый мужчина, бывший колхозный конюх, — заранее выложил костры ромбом, как и было условлено. На вопрос, сколько он привез детей, партизан ответил:

— Да забрал сколько было. Пятнадцать душ!

Я поглядел на столпившихся ребятишек. Им было от семи до двенадцати лет. Если учесть, что в среднем каждый потянет килограммов двадцать пять, то мне надо было поднять триста семьдесят пять килограммов. Конечно, я и мои техники рассчитывали на девять-десять человек, но не на пятнадцать же!

— Они такого навидались, не дай бог каждому, — проговорил партизан, почувствовав мою растерянность.

Он потоптался еще минуту и, наклонившись, прошептал, будто передавая военную тайну:

— Каратели, слышь, обложили и с Пудовки, и с Жадова... так что кровушка прольется немалая, язви их в душу!

— Ну ладно, сажайте, — разрешил я. — Только по росту. Сначала кто постарше, а маленьких им на колени.

Дети быстро забрались в кабину. Закрыл крышку с окошечками из плексигласа, защелкнул замки. «Ну, милый, не подкачай», — хлопаю самолет по фюзеляжу.

Я оторвал самолет буквально на последних метрах луга. Дальше текла речка. Мотор на полных оборотах, а самолет никак

не хочет подниматься выше. Или мне это показалось? Конечно, показалось. Вот уже лес, а я выше сосен. Значит, кое-какую, но высоту набрал.

Решил подниматься еще выше. Если случится что, у меня, будет запас высоты и, следовательно, времени. Можно как-то выкрутиться. В противном же случае я [111] буду обречен. Да не я! Я на то и послан, чтобы воевать. А вот если ребятишек погублю — никогда никто мне этого не простит.

Секундная стрелка, подрагивая, описывает круги по циферблату. Трещит мотор, на крыле изредка сверкают всполохи — отблески от пламени выхлопной трубы.

Чуть-чуть сбавляю обороты. Самолет не проваливается вниз. Это уже хорошо. С полукружья козырька в лицо бьют мелкие капли мороси. Я попал в тучу и скоро, по-видимому, окажусь выше облачности. Облачность буду держать про запас, при малейшей опасности спрячусь в ней, как пехотинец за бруствер.

Наконец вижу звезды. Такое множество звезд бывает только на юге. Они горят так близко, так ярко, что кажется, протяни руку — и снимай одну за другой.

Стрелка высотомера доползла до двух тысяч метров. Хватит. Устанавливаю режим горизонтального полета. Смотрю на часы. Прошло пятьдесят минут, как я в воздухе. Бензин из запасного бака выработан, теперь мотор работает на основном.

Неожиданно облачность кончилась, хотя синоптики предупреждали, что с северо-запада распространяется циклон. Подул сильный встречный ветер, сразу сократив путевую скорость. И тут под верхними плоскостями заскользил свет...

Тревожный луч то вспыхнет, кольнет сердце, то погаснет, как бы давая надежду проскочить опасную зону. Но нет, фашисты услышали рокот самолета. Снова вспыхнул луч, за ним второй. Самолет попал в перекрестное освещение. Через секунду заговорят пушки...

В продуваемой и холодной кабине стало жарко. Учащенно забилось сердце, его удары отозвались в висках. Соображаю, что делать. Маневры на малой, сто десять в час, скорости не помогут... Еще два луча ослепляют меня. Теперь четыре яростных огня пылают на фюзеляже и плоскостях моего самолета. Начинают подрагивать колени. Усилием воли заставляю себя успокоиться. Только самообладание, только думать и действовать.

Бросаю самолет в сторону. Но прожектора идут за мной... Тогда начинаю виражить. Бесполезно! Если бы не дети в пассажирской кабине, я бы еще, наверное, поборолся. Но боюсь напугать их перегрузками. Пока главное — это не дать наземным

расчетам зафиксировать постоянное положение самолета по скорости, высоте и направлению. Я работаю педалями, ручкой управления, [112] но, кажется, все фигуры пилотажа делаю помимо воли. Только скрыться, только вырваться из огненной ловушки!

«Надо соображать», — говорили обычно мы, разбирая тот или иной полет.

Но на соображение времени не дано. Где-то за пределами сознания есть опыт. Он подсказывает, что вырваться из прожекторного ослепления можно, лишь прижавшись к земле. Но к земле мне уходить не хочется. Там ближе смерть от зениток.

Ветер бьет в лоб, я разворачиваюсь и устремляюсь с помощью попутного ветра в противоположную сторону. Разгоняюсь, увеличив скорость, выполняю змейку, чтобы не попасть в перекрестие прицелов... Но прожектора, будто злые псы, цепко держат меня.

Пронзительно свистят расчалки. Стрелка указателя скорости приближается к пределу — 180 километров в час. Дальше — неведомое и неиспытанное. Стрелка начинает делать второй круг... Два прожектора погасли. Остальные же словно приклеились ко мне. Выхожу из пике с разворотом, потом делаю горку, швыряю самолет из одного поворота в другой, снова пикирую... Машина еще слушается меня, хотя я обращаюсь с ней слишком жестко. Самолет стал как бы частью моего тела — продолжением моих рук, ног, глаз и сердца, частью моего «я».

На четырехстах метрах перевожу машину в горизонтальный полет. Отброшенный дальностью, погас еще один прожектор. Но зенитные батареи продолжают стрелять. Огненные трассы пролетают совсем рядом.

Потом будто невидимая рука выключила рубильник — свет погас. Ослаб и огонь зениток. Осмотревшись, снова стал набирать высоту.

Еще один час я вырвал у этой ночи! Думал, может, на сегодня хватит испытаний, проскочу? Но, оказалось, судьба готовила еще одну ловушку.

Сначала сквозь треск мотора услышал новый звук. Взгляд вправо, влево, вверх, насколько позволяют видеть пространство плоскости моего самолета. В стороне вспыхивает фара и быстро, как комета, передвигается по небу. «Мессер»! Его наверняка вызвали зенитчики. Ищет меня. Хорошо еще, что один. Ночью немцы редко летали парами, опасаясь столкнуться в воздухе. Сразу похолодела спина, и снова быстро-быстро заколотилось сердце. «Мессер» — это пострашней прожекторов [113] и зенитного огня. Те далеко, и я высоко от них, а «мессер» в любую

секунду может подойти и расстрелять, как тарелочку охотник-спортсмен. У «мессера» все с собой — и скорость, и мощность мотора, и оружие, и другие преимущества. Ничего этого у меня нет.

Мечутся мысли — может, не заметит, может, он сам по себе? Пронесись и скройся!

Свет погас. Неужели потерял?

Но фара вспыхивает уже с другой стороны. Значит, «мессер» ходит кругами, ищет. Стараюсь не дышать и не двигаться, как будто это может спасти. Мне бы сейчас мышкой в норку, юрк — и нет меня...

Я креплюсь. Не шарахаюсь, держу высоту. Нутром чую, она мне еще пригодится. Фара убегает вверх. Фашист хочет рассмотреть огненные выплески из моего мотора, правильно рассчитав, что они будут хорошо видны на фоне непроглядной земли.

Убираю газ. Но, видно, слишком энергично. Тяжело груженная машина сразу проваливается в пустоту. Нет, так быстро терять высоту нельзя. Едва заметными толчками двигаю сектор газа вперед. Мне надо найти предел, чтобы мотор работал с достаточной мощностью, но и не выбрасывал огня из выхлопной трубы.

Перекладываю машину с крыла на крыло, осматриваюсь, верчу головой на все сто восемьдесят. Мне надо смотреть за «мессером» в оба и первым увидеть его. Гитлеровец снова включил бортовую фару и по касательной пошел вниз. Теперь он постарается найти меня на фоне звездного неба. Вот бы сейчас погасить праздничную яркость звезд! Сколько людей во все времена и с разных широт смотрели на звезды и восторгались ими, и, наверное, не было ни одного человека, кто хотел бы их погасить. Ни одного, кроме меня в эту минуту...

Свет, как кнутом, ударил сзади снизу. Самолет мой побелел, будто его обмакнули в сметану. Нашел, черт его дери! Пот застлал глаза, заструился по лицу. Мгновенно вспомнил все, что знал о «мессершмитте»: две пушки, четыре пулемета. В одну секунду они выпускают около трех килограммов пуль и снарядов, начиненных взрывчаткой, зажигательной смесью и бронебойными сердечниками.

Стервятник не успел открыть огонь. Фашист, оторопев от неожиданности, так и не нажал на гашетки, и машина пронеслась вперед. Его скорость в пять раз превышала мою. Но он уже обрадован, так как нашел [114] меня и теперь будет расстреливать, как приговоренного, прижатого к каменной стене.

Мысленно стараюсь представить действия врага. Сейчас он

бросит самолет через крыло и пойдет в лоб со снижением, зная, что мне остается только уходить вниз. Как бы не так! Я до упора толкаю сектор газа вперед и лезу вверх. Машине будто передалась моя воля. Она тоже хочет уцелеть. Мотор выносит ее метров на пятьдесят вверх.

Гитлеровец включил фару. Точно! Он идет вниз со снижением, прильнув глазом к темно-матовому стеклу прицела. А меня уже там нет! «Мессер» опять уйдет далеко и, даже возвращаясь с боевым разворотом, потеряет какое-то время. Минута, но выиграна. Она моя. И я хоть не намного, но ближе к дому.

Если бы смерть не была ставкой, наш поединок походил бы на игру в прятки. Я прячусь, он ищет. Как здорово было бы, если бы у него кончилось горючее, или лопнуло терпение гонять самолет по ночному небу, или сильно захотелось спать... Впрочем, я зря тешусь иллюзиями. Гитлеровские летчики — крепкие, сытые, красивые мальчики, цвет нации, исполнительные, как бобики, знают, что лишь точно выполненный приказ даст им Железный крест, деньги, отпуск в дорогой фатерлянд. Они, как и мы, начинали с кружков авиамоделизма, потом заканчивали школу «А», вроде нашего аэроклуба, затем «В» — училище первоначальной подготовки и, наконец, школу «С», где осваивали боевую технику. С унтерскими птичками в петлицах приезжали они в боевой полк и там после определенного налета часов, воздушных схваток, количества сбитых самолетов получали первое офицерское звание.

Сейчас, видно, такой вот «мальчик» гоняется за мной.

Интересно, кольнула бы его совесть, если бы он узнал, что у меня на борту дети?.. Впрочем, чем он лучше других таких же мальчиков в эсэсовских или армейских мундирах, которые спокойно расстреливали и вешали и почему-то очень любили фотографироваться около своих жертв?..

Длинная тень пронеслась рядом, оглушив грохотом моторов. Как это плохо — быть безоружным! Когда я летал на Р-5, у меня в самолете сидел стрелок со ШКАСом. Сейчас бы он не промахнулся. Влепил бы в зад этому серобрюхому всю ленту. Но у меня ничего нет, [115] чем можно бы если не сбить, так хотя бы отпугнуть фашиста.

Что же еще предпринять?! Гитлеровец снова обнаружил меня и теперь уже не выпустит. Он повернул истребитель назад и врубил посадочную фару. Колючий свет, как сварка, больно ударил по глазам. Я ослеп. Наклонил голову к приборной доске, но перед глазами плыли только красные круги...

Тявкнули пушки. И в одно мгновение я представил себе массу

трассирующих снарядов, которые развалят мой самолет на куски. Однако гитлеровец, видно, был еще очень неопытен. Он опять не успел как следует прицелиться. «Мессер» проскочил, едва не сбив верхнюю плоскость. Вихревой поток вздыбил мою машину. Почти инстинктивно сбросил я газ и стал снижаться, круче и круче склоняясь к земле. И снова шевельнулась тревожная мысль: выдержит ли По-2 бешеную скорость?

Сквозь пронзительный звон расчалок слышу многоголосый рев детей. От злости до крови прокусываю губу. Да будь же ты проклят, фашистское отродье! Ругаю фашиста на чем свет стоит, откуда и взялись такие проклятья. А потом сам себе: стоп! Ругань не поможет, только ясная голова и воля могут дать шанс спастись.

Где же «мессер»? Ага, слева и вверху. Фашистский летчик опять потерял меня и теперь, нервничая, бросает истребитель из стороны в сторону. Яркий луч «мессера» то загорается, то гаснет...

Смотрю на компас. Необходимо скорей сориентироваться. Хоть ребята-техники и приспособили запасной бензобак, но все равно бензина в обрез. Тем не менее разворачиваю машину в сторону. Ведь гитлеровец знает, куда я лечу. Прикинув мою скоростенку, будет искать меня впереди. Я же постараюсь обойти то место.

А за тонкой переборкой на все голоса плачут дети. За спинкой сиденья есть окошечко с задвижкой. Отодвигаю фанерку, кричу:

— Порядок, братцы! Потерпите маленько!

Крик мой, очевидно, испуганный, жалкий, но ребятишки затихли. Как зверьки, почуяв опасность, так и они поняли, что я неспроста безжалостно швыряю машину. Вряд ли они видели «мессер» и едва ли осознавали, насколько близко были от смерти, когда самолет попал в огненный сноп луча.

Но беда еще не прошла. «Мессер» мечется где-то рядом. Теперь обозленный гитлеровец начнет палить из [116] всех пушек издалека, едва завидев самолет. Что же делать? Уйти к земле? Бывали случаи, когда «мессеры» загоняли меня к самой земле. Я снижался в лощины, в пегие, под цвет машины, болота, скрывался в просеках. Одно неверное движение, секунда растерянности, неточность в расчете грозили катастрофой. На крутых виражах, казалось, задевал деревья, землю.

Нет, сейчас, ночью, далеко за линией фронта и с ребятишками на такой рискованный полет я решиться не мог.

На тускло освещенных приборах нервно дрожат и не могут успокоиться стрелки. Звезды исчезли. Стало быть, снова пришла облачность, и я попал в нее. Доворачиваю на свой курс. Домой,

как можно скорее домой! Бензиномер показывает четверть бака. Если он с допуском, как это иногда делают техники-прибористы, то горючего хватит.

Чуть-чуть добавляю оборотов, чтобы выйти из облачности, где моей машине тяжелей, чем на вольном воздухе. И тут в рокот мотора врывается тот же гул «мессера». Он как будто нарочно караулил меня здесь. Свет накрыл сверху, и сразу на самолет обрушился поток огненных трасс. Я почти до отказа отжал ручку от себя. Самолет клюнул носом, раскручиваясь в штопор.

У меня не хватило времени, чтобы вывести его в горизонтальный полет. Пробил облачность и тут сразу попал в клещи двух прожекторов уже с другой зенитной батареи. Из огня да в полымя! Очевидно, немцы прислушивались к звукам, которые шли с неба, и были начеку. Они включили прожектора, как только я вывалился из облаков.

Интуитивно восстанавливаю пространственное положение в воздухе. Прибавляю газ и спешу скрыться в облаках. От большого нервного напряжения все время ерзаю на сиденье. «Скребу» высотенку и сам вытягиваюсь до упора привязных ремней, будто это ускорит желанное приближение к спасительным облакам.

Почему же не стреляют зенитки? Ах да, они же знают: в воздухе свой — и боятся задеть его огнем. Что же, попытаемся воспользоваться этим обстоятельством. Закрыв глаза, потому что ослеплен, даю мотору форсированный газ, но ручку держу в нейтральном положении, иначе я слишком круто возьму ее на себя, самолет потеряет скорость и опять свалится в штопор. Только инстинкт, [117] натренированные чувства и навыки помогли в эти секунды справиться с самолетом.

Понемногу раскрываю глаза. От прожекторов ушел. Я в облаках. То там, то здесь, как взрывы гранат, вспыхивают пятна. Это снизу втыкаются в облачность прожекторные лучи, бегают, ищут.

Хоть прожектора изрядно напугали меня, но они помогли восстановить ориентировку. Судя по времени, прожектора могли быть только на железнодорожной станции Борки. Следовательно, до линии фронта осталось километров сорок, двадцать две минуты полета. Так мало и так много, потому что на войне и минута бывает последней.

Самое главное — фашистский охотник опять потерял мой самолет. Возможно, у него кончилось горючее и он улетел заправляться. По всему телу струится пот. Приподнимаюсь на сиденье и хватаю ртом стылый влажный воздух.

У передовой еще раз самолет обстреляли из зенитных пулеметов, но сонно, незло, как облаивают сторожевые псы, когда

им не хочется вылезать из будки.

А потом был свой аэродром. Григорий Дебелергов по привычке обежал самолет, осматривая его на глазок. Снаряды «мессершмитта» опалили плоскости в нескольких местах, но почему-то не подожгли машину.

— Ничего, залатаем, — успокоил Григорий и похлопал по гулкому крылу. — На этой «лошадке» еще летать да летать.

— Вылезайте, ребятки, приехали!

Курган памяти

Иногда я беру карту и нахожу до боли знакомые и дорогие для меня места — Опочку, Идрицу, Липняки, Лиственку, Агурьяново, озеро Полисто... А вот и Себеж. Он лежит на северо-западной окраине Российской Федерации в Псковской области. К нему подходят границы трех братских республик — РСФСР, Белоруссии и Латвии. Здесь, в густых Себежских лесах, тоже был партизанский край. Летали мы и сюда, спасая детей.

Верные обычаям предков, потомки подняли на стыке границ трех республик символический курган в память о жестоких сражениях и великом народном подвиге в борьбе с фашизмом. В память дружбы народов-братьев [118] на его вершине посадили дуб. От него по румбам рассадили аллеи: кленовую, липовую, березовую. На склонах поставили обелиски, памятные камни, мемориальные доски.

Земля на этом кургане — святая. Она взята с могил партизан и бойцов Красной Армии, с мест гибели известных и неизвестных героев.

Много лет прошло, а земля здесь и по сей день несет шрамы войны. Прокладывается трасса, и ковш цепляет ржавую каску. Роется котлован под фундамент — и лопата натыкается на пулеметные ленты. Разбирается каменная кладка — и под отбойным молотком крошатся солдатские медальоны — это последние защитники сложили их вместе, замуровали в стену, а сами пошли умирать. Дети собирали ягоды — и наткнулись на партизанскую землянку, нашли автомат с сохранившейся на прикладе надписью: «Последний бой. Умираем. Помните».

В июле 1944 года затихли здесь бои. До полной победы оставался без малого год. Мы знали, что еще много жизней унесет война. Но в воздухе уже витал запах победы.

Для поколения, кому выпала тяжкая доля добывать победу, война была жестоким открытием мира. Совсем молодыми постигали мы добро и зло. Казалось бы, мы должны были ожесточиться, очерстветь. Но мы не ожесточились, не разуверились в природе человеческого добра. В нравственном воспитании перед лицом Отечества мы прошли честно свой путь.

Правда, возникает у меня иногда еретическая мысль: а не слишком ли много внимания уделяем мы воспоминаниям о военном прошлом? Ведь и сражения, и разрушенные города, и ветераны, пережившие столько, сколько, кажется, невозможно пережить, — все это для молодого поколения быльем поросло.

Но тогда почему же юные люди Украины, Брянщины, Крыма, Подмосковья, Белоруссии, да и других мест, где шли особенно жестокие бои, наиболее восприимчивы к Памяти?

Оказывается, познание начинается не только с новых открытий. Юность перенимает память от старших, и все, что она видит и слышит о войне, для нее соединилось в Памяти.

Естественно, что чем дальше отодвигается прошлая война, тем понятней становится тревога нас, старших, [119] что война не может быть забыта, тем настойчивее возникает желание напомнить о ней.

Память не только воспоминания.

Это и путь к себе, к своим чувствам, к своей готовности пойти на смерть за родное Отечество.

Память хранится в самой земле. И отблески ее, воплощенные в металле, бетоне и бронзе, всегда будут жить в сердцах наших людей.

В первое воскресенье июля каждого года у кургана Дружбы собираются тысячи людей. Сюда приезжают ветераны, чтобы вспомнить былое, поклониться погибшим. Приходят пионеры и комсомольцы, все, кто хочет сердцем прикоснуться к подвигу отцов и дедов.

Бывает здесь и легендарный «батько Марго» — Владимир Иванович Марго, и разведчица Валентина Афанасьевна Бурносова, и комиссар отряда Владимир Николаевич Вакарин, и начальник штаба Леонтий Харитонович Слободской, и мы, «партизанские летчики», все, кто остался жив, — Николай Кулагин, Иван Тутаков, Василий Калмыков, Леонид Горяинов, Рустем Лобженидзе, командир полка Владимир Алексеевич Седляревич...

Партизаны, как ни странно, помнят больше о наших полетах, чем мы сами.

«Дорогой Петр Миронович! Пишет вам спасенная вами Вера Тимофеева, сейчас Богданова. Большой вам, низкий поклон и огромное спасибо от меня лично и всех нас — спасенных детей... Когда нас сажали в самолет, вы все смеялись, что не пустите в самолет, а к крылу привяжете, потому что у меня был большой платок клетками, моей мамы. Нас в самолете было 11 человек, кто поменьше, сидели на коленях у больших. Нам было видно в окошечко, как следили вы за небом, потому что все время светили

прожектора и били зенитки. А когда мы были на аэродроме где-то около Невеля, нас обступили люди в военной форме с погонами, которую мы не видели. Мы все решили, что наш самолет сбили немцы, и тогда мы бросили свои узелки в самолет, а сами хотели удрать в лес, спрятаться. Помните, как вы собирали нас? А еще вспоминаю, как нам принесли мешки с печеньем и нас всех угощали. А потом повели в столовую, кормили там. Еще помню, как на аэродроме стояло много замаскированных самолетов, а площадку ровняли трактора с катками. И была на этой площадке избушка, около которой мы сидели и ели печенье...» [120]

Был среди спасенных Коля Петров. Я встречался с ним после войны. Он до сих пор помнит единственный в его жизни ночной полет через линию фронта. Теперь Николай Степанович стал строителем, у него уже взрослые дети, внуки. Тоже на строительстве работает и его младший брат — Борис. Он живет в Великих Луках. Николай Терентьевич Новиков живет в Ворошиловградской области, Николай Николаевич Киселев служит в Советской Армии в Феодосии. Разбросало ребят по белу свету...

Особо волнуют письма военных лет.

Комиссар Николай Васильевич Васильев так писал в обком партии:

«Когда началась отправка детей, люди поняли, что об их детях и детях погибших партизан заботятся правительство и наша партия. Мы уже получили несколько писем от ребят, вылетевших в советский тыл в первые дни. Тамара Михайлова из деревни Лиственка в своем письме пишет: «Нас встретили очень хорошо. Вымыли в бане, смыли с нас немецкую грязь. Накормили хорошо, дали печенья, молока, творогу, а тем, кто поменьше, дали сладких пирожков. Нас водили в кино. Мы спим теперь на койках».

Это письмо мы прочитали родителям. Вы представляете, какая радость охватила их? Слезы благодарности Родине и партии были на глазах не только женщин, но и мужчин-партизан...»

А вот что писали в июне 1944 года жители Борисенковских лесных лагерей:

«С большой радостью мы услышали о том, что вы отправляете ребят в советский тыл. Вы спасли их от немецкого рабства. Только нашими избавителями вас и можно назвать. В советском тылу наши дети вновь получили возможность спокойно учиться. Они счастливы, и мы счастливы за них. Мы обещаем вам еще больше помогать громить фашистские орды. Красная Армия приближается к нам. Близок час, когда и мы вздохнем полной,

свободной грудью. Спасибо вам, товарищи, за вашу отеческую заботу о детях. Передайте наше родительское спасибо партии и правительству».

А вот что писала уже недавно бывший секретарь Красногородского подпольного комитета комсомола Мария Семеновна Федорова:

«Однажды на самолете отправили тяжело раненных фельдшера В. Клинаева и разведчика И. Васильева. [121]

Потом пронесся слух, будто самолет подбили. Мы очень переживали за судьбу своих ребят. И можете представить, сколько было радости, когда узнали, что искалеченный самолет все же перетянул через линию фронта и раненые вместе с летчиком остались живы».

Бывшая разведчица отряда Александра Николаевна Хмелько добавляет, что сейчас Василий Павлович Клинаев заслуженный врач РСФСР, работает в городе Ершове Саратовской области.

Получаю я письма и от своих друзей-летчиков. «Боевые полеты с детьми на борту мне никогда не забыть, — пишет Николай Кулагин. — Хотелось бы только знать о судьбе спасенных нами детей».

Накануне Дня Победы в его квартире зазвенел звонок. Николай Тимофеевич открыл дверь и увидел перед собой незнакомую женщину и мальчика с букетом цветов.

«Здравствуйте, Николай Тимофеевич! Я Вера Акимова. Вы спасли меня в сорок четвертом. А это мой сын. Примите от нас сердечные поздравления».

Пишут мне и знакомые и незнакомые люди, и те, кого забыл уже или помнил совсем маленькими.

«Я одна из тех, кого вы в 1944 году вывозили в советский тыл с оккупированной территории Себежского района, — пишет учительница Валентина Терентьевна Иванова. — Мои братья тоже вспоминают вас. Они были старше. Я о перелете помню, что вы угощали нас шоколадом, и еще помню светящиеся пули за стеклом самолета и то, как мы сбивались в кучу, когда вы уходили от прожекторов, а потом, уже на аэродроме, очень вкусные бутерброды помню из белого хлеба с маслом и сахаром, и как спали мы в палатках на носилках... А мальчишки, братья мои, говорят, что вы у нас были в доме, когда был жив еще наш отец, вроде горючее папа доставал вам. А жили мы в деревне Овсянки, и в нашем доме был штаб партизанского отряда...»

Летчики нашей части только с 20 июня по 13 июля 1944 года доставили партизанам более 67 тонн боеприпасов и продовольствия, вывезли из тыла противника 226 раненых партизан и 1629 детей.

Мне удалось выполнить 192 ночных полета, в том числе 178 с посадками на партизанские площадки, и вывезти несколько сот детей.

Воздушная операция по спасению детей принесла славу нашему полку. 7 ноября 1944 года он был награжден [122] орденом Красного Знамени и переименован в 97-й отдельный Краснознаменный авиаполк. На фронтовом аэродроме, где был выстроен весь личный состав, к знамени полка прикрепили боевой орден. Здесь такой же боевой орден вручили и мне, и моим товарищам.

И сейчас, когда бывает трудно, когда по ночам ноют старые раны и не идет сон, приходит успокоительная мысль, что прожил жизнь не зря. Воевал, как все, насколько хватало сил, сделал что-то для людей, и они не забывают этого.

И легче тогда дышится, спокойней живется, крепче чувствуешь под ногами землю, раз живут и здравствуют далекие и близкие мне люди.

Сперанский Михаил Федорович
Партизанскими тропами

Об авторе: Сперанский Михаил Федорович. 1916 года рождения. Лейтенант Красной Армии. В начале войны попал в окружение. Вм был его командиром, потом комиссаром партизанской бригады. Награжден орденами и медалями. Михаил Федорович скоропо стижно скончался, когда его книга находилась в производстве...

Содержание

Испытание верности
Мы не одиноки
Начало
И снова в бой
Ни минуты покоя
Вести с Большой земли
Блокада
Партизаны в наступлении
За Днепр
Испытание верно сти

Дождь лил пятые сутки. Студеный, совсем не августовский ветер насквозь пронизывал

промокшую одежду. Нас пятеро. Я, политрук, и четыре сержанта. Все мы вышли из
окружения. Ни плащей, ни накидок. И потому замерзли до немоты. Но все же шли и шли,
упрямо пробираясь по густому болотистому лесу.
В те дни, когда светило солнце, мы были у сток, к линии фронта.
А теперь вот поди разберись... Не стало и другого, самого верного ориентира - стрельбы с
передовой. Канонада мало-помалу затихла, не слышно было даже дальнобоек.
Ночь наступила еще более безнадежная, чем дени ни сарайчика, ни стожка, где можно
было бы укрыться и обогреться. Пробираться по лесу во тьме становило сь все трудней.
Особенно до ставало сь шедшему всегда впереди Ивану Сычеву, прозванному Скороходом.
Ро ста он среднего, чуть повыше меня. И такой же неустанный, словно заведенный. А главное, он в
и смело. Вот и сейчас, другой о станавливался бы, о сматривался. А он пробирается напролом
через чащобу, руками раздвигает ветви и заботливо предупреждает нас всякий раз, когда
встречается какая-нибудь неожиданно сть. Но вот он о становился и радо стно во скликнул:
- Огонек!
Так на корабле, затерявшемся в безбрежном океа
Все о становились.
- Показало сь... - пробурчал самый о сторожный Евсеев.
- Нет, светится! - возразил Астафьев.
- Если даже про сто ко стер, идемте узнаем, кто такие. Может, хоть обогр
сказал я, уловив тускло пробивающийся в темноте желтоваты
- Товарищ командир, я разведаю, -

попро сился Лев Астафьев, который, как и Сычев,
старался все узнавать первым.

- Иди, да о сторожней, - отпустил я его.
Командиром этой группы я, по сути, не был. разных воинских частей, попавших в начале войны в окружение, и уговорились вместе
пробираться к своим, к линии фронта. Ну а по скольку я был политруком роты, то есть
старшим по званию, ко мне и стали обращать
Астафьев вернулся очень скоро.
-
Ну и живут люди! Все у них на виду. Ни еще издали услышали мы
его голо с. - По-моему, уже поужинали и собираются спать.
- Да ты толком скажи, что это: хутор, село... - потребовал Баранов, который всегда
докладывал точно и четко.
- Село, конечно! А свет только в самом крайнем доме. По стучимся, покажемся в окно,
увидят, какие мы, небо сь не прогонят.
Но пока мы пробирались по чащобе, заветный огонек в окошке погас. Видимо, хозяева
легли спать. Мы подошли к старой, поко сившейся хате. Но долго пришло сь нам потихоньку
стучать то в дверь, то в окно, пока наконец в сенях не звякнула щеколда и по слышало сь
испуганное:
- Кто такие?
Мы вполголо са, чтобы не услышали со седи, объяснились как могли.
Дверь со скрипом открылась, хозяин чиркнул спичкой и при слабом свете сразу понял,
кто мы такие. Спичка погасла, и в кромешной

приказал:

- Марфа, завесь окна, да поплотней.

И только когда хозяйка выполнила это приказани

- Не буду сильно фитиль выкручивать, керо
син на исходе, где его теперь возьмешь... -
с
горечью заметил хозяин, черными заскорузлыми пальцами убавляя огонь пятилинейной
лампы так, чтобы она светила не ярче лампад

- Ах, зозюлечки вы мои! - пожалела нас дородная улыбчивая хозяйка. - Да ниточки ж
сухой на вас нету! Зараз печку затоплю, обсуш
ты стоишь, неси что там у тебя о стало
сь.

Хозяин вышел и, судя по топоту ног, направился за дом. Видя, что мы настороженно
прислушиваемся к шагам хозяина, Марфа успокоила

- За сараем пришло сь выкопать ямку и всю еду там прятать, да и одежонку что
поновей, -
говорила она, нарезая свежевыпеченный еще теплый
Тащут немцы-
ироды все - и сало, и масло, и яйка. А курочка на глаза попадется, сразу пристрелят. Вот и
приходится то в ямках, то в бурьяне ховать

Юхим вернулся с большим куском сала и кринкой молока. Сам щедро нарезал сало и,
о
ставив нож на столе, предложил дальше резать по
сти.

Огромный черный каравай с хрустящей корочкой быстро уменьшался, да и сало таяло,
как на сковородке. А хозяин все расспрашивал нас про фронт, как будто мы могли знать
больше, чем он сам. И когда убедился, что ничего нового от нас не

услышит, по скреб в
затылке и высказал, наверное, самое заветное:
-
Может, сразу растерялись наши от неожиданно
сти, а уперлись бы да дружно бро сились
на врага, то и не пришло
сь бы вот так, в одиночку, по лесам пробиратьс
- Упирались, батя. Еще как упирались! -
горячо и напористо возразил Астафьев.
Задетый за живое упреком Юхима,
Астафьев рассказывал о первых боях. Он не
оправдывался перед этими добрыми
людьми, а про сто вспоминал и как бы
сам себя
проверял, так ли вел себя в трудные минуты.

Служил он неподалеку от границы
связистом. Его радио станцию разбомбило, а
его
самого взрывной волной отбро
сило в канаву. Когда очнулся, никого своих уже
проходила наша артиллерия на конной
тяге. Пришло сь из радиста превратиться в
артиллериста. Целую неделю пробирались
по болотам, хотели вырваться из
окружения. Но
наткнулись на фашистскую автоколонну.
Дали по вражине из трех сорокапяток.
Уцелел
только генеральский "опель", потому что шел поз
- На середине села, на углу школы,
новая власть громкоговоритель приладила, - не
унимался старик. -
День и ночь хвалятся, как они чай пьют в
скве. А мы же не знаем, где у
них кончается брехня.
- Нет, дорогой, до Мо сквы у них
руки коротки! - убежденно сказал Лева. -
Пять дней
назад мы на одном хуторе слышали голо
с Мо
сквы. Наши силы собираются в кулак, и скоро
фашисты получат свое. Ведь в самом
начале почему они прорвались? Про сторы

у нас
огромные. А враг неожиданно навалился железной громадой на наши приграничные части.
Подмял и углубился. Но дальше-то уже не катит таким маршем. Скоро наши упр
говорите, и дело пойдет по-другому...
- Да я-то что, я не сумлеваюсь. А только у людей руки опускаются. Даже готовый
урожай не хотят убирать. Для кого?
- Для себя! -
не задумываясь, ответил я. -
Надо молотить и прятать зерно, как это сало.
В большой русской печи с веселым треском горели дрова. Хотело сь, конечно,
обсушиться, обогреться. Но я спро сил, кто в селе теперь хозяйничает.
- Да два мироеда, - ответил Юхим. -
Один бывший кулак, а другой вор, о свобожденный
немцами из барановичской тюрьмы, дерутся за м сты в селе.
-
Вот их вам и надо бояться прежде всего. Уз
донесет завтра же, чтобы выслужиться. Так что мы лучше пойдем. Спасибо вам, что
накормили и обогрели.
- Ах, зозюлечки мои, и куда ж вы в такую мокроту! - чуть не со слезами взмолилась
хозяйка. -
Да в такую погоду добрый хозяин собаку из
Хозяйка вдруг о становила Евсеева, который вперевалку, медвежьей походкой шел к
двери.
-
Куда ж вы пойдете в такой рваной гимнастерк
Юхимову рубаху.
Грузный, на голову выше всех нас ро стом, сержант Евсеев о становился перед женщиной

и, виновато улыбаясь своей добродушной улыбкой,
-
Рубашку нельзя мне надевать, я военный, пойду
-
Да что ж то за гимнастерка! Все плечо голо
- На штык фашистский, -
коротко ответил Петр.
Хозяйка только руками всплеснула и потребовала еще задержаться, пока заштопает гимнастерку.
- О-о, нас если начать штопать, то хватит на целые сутки, - во скликнул я, однако
по советовал Петру снять гимнастерку и отдать в ремонт. А Баранова по слал по стоять за
дверью на всякий случай.
Хозяйка скомандовала Евсееву:
- Раздевайтесь!
Тот неловко протянул свои огромные плотничьи
- Дайте мне что-
нибудь прикрыть спину на то время.
- Да что она у вас, такая мерзлячая? -
удивилась хозяйка.
- Не то... -
уклончиво ответил Петр и, сняв гимнастерку, под

было, подал ее хозяйке.
- Бож-же мой! Что это у тебя? -
испуганно вскрикнул хозяин, когда увидел спину
сержанта.
-
Это гитлеровцы правду выколачивали из меня шо
криво ухмыляясь, ответил
Петр.
- Да вы смотрите, люди добрые, живого места нету на этой спине! продолжал
возмущаться Юхим. - Рубец на рубце.
Мы-то знали, какая у Петра спина...
Попал Евсеев в нашу группу так. Несколько дн
своих. Однажды Лева Астафьев, возвратившись из деревни, в которую

ходил, чтобы
расспро сить дорогу, доложил, что немцы в этом районе прочесывают леса, ловят
оказавшихся в окружении бойцов и отправляют в лагеря военнопленных. Вскоре мы
услышали стрельбу в разных местах и направились в глубь леса, чтобы выйти из опасной
зоны. Вдруг на небольшой полянке в кустах увидели человека. Он сидел полусогнувшись,
глубоко задумавшись, на плечах его была рваная, окровавленная гимнастерка, на голове
выцветшая фуражка, на ногах кирзовые сапоги. Я
- Кто такой? - спро сил я строго.
-
Не стреляйте, братцы, я свой. Убежал от немце
Я внимательно по смотрел на него. Мне показало сь, что этот человек пережил что-то
страшное, и стало даже неловко перед ним. М
Он рассказал, что родом из Оренбургской области, до войны работал плотником. С
начала войны служил артиллеристом, был заряжающим. Их конный артдивизион отступал с
боями. А в по
следнем бою артдивизион был разбит, Петра ранило,
били шомполами, потом повели всех пленных в лесок на расстрел. Когда начали
расстреливать, Петр рванулся в сторону и побежа
изворачивался между деревьями, то бро сался в сторону, то падал и снова бежал, и ни одна
пуля в него не попала.
Стали советоваться, как быть. Ленька Баранов, ка
-
Кто его знает, зачем он здесь, может, по слали в разведку.
Астафьев и Сычев, более рассудительные, высказали
Выслушав товарищей, я сказал:
-

Давайте поверим Евсееву, пусть он побудет с н
А вечером Петр тайно от всех показал мне
Юхим, испугался. Сплошные черные поло
сы с красными и синими волдырями
пересекали
всю его спину. Прежде всего я
указал на этот наглядный документ
Баранову, который не
доверял новичку. И Ленька тут же
побежал в село, чтобы до стать лекарство.
Вернулся на
рассвете с подвязанной рукой и мазью. Его об
в селе, сунулся в первый попавшийся дом. Сам
больше всех.
Через несколько дней, когда спина еще
кровоточила, Евсеев добыл себе немецкий
"шмайсер". Тут уж мы окончательно поняли, на
собен этот человек.
...Заштопав гимнастерку, хозяйка до
стала из сундука белую нижнюю сорочку мужа и
ее Петру.
-
На такую спину надо чистое надевать, -
наставительно сказала она, видимо боясь, что
Петр откажется от такого дорогого в то время
поделаешь, раз такое время...
На прощанье хозяева отдали нам по
следнюю буханку хлеба и хороший шмат сала.

Остановившись за сараем и в темноте крепко
-
Вам лучше перебраться через Березину. Там леса
держитесь -
немцев в нем много, да и полиция появилась.
- Спасибо, дорогой товарищ! -
ответил я, стараясь увидеть в темноте его глаз
видя их выражения, верил, что они полны иск
Уходили мы от добрых стариков, словно родной
Неподалеку от села мы увидели стожки сена.
выскреб из стожка по охапке сена, сделал себе
от дождя и холода. Все, по-
моему, сразу же уснули, а мне что-
то не спало сь. Мучили до сада,
недовольство всем, что я сделал и

делаю сейчас. Стыдно было перед этими добрыми
людьми, поделившимися с нами по следним.
В памяти всплыло пережитое в первые дни вой
поэтому наша часть в первый же день войны
погиб под бомбежкой. Несколько дней мы сражались в своем городке. А потом с
кровопролитными боями стали отходить в глубь страны. В сотне километров от границы в
небольшом лесу фашисты окружили нас. Двое суток пытались мы вырваться из кольца, не
получило сь. Группа средних и высших командиров организова
этот батальон из полковников, майоров, капитанов бро сился на прорыв. А за ними и мы,
рядовые бойцы и младший комсо став.
...Задремал я только под утро. Когда про снулся, одежда на мне высохла. Но только вылез
я из стожка, как передернуло от сыро сти и холода. Дождик все еще моро сил. Хотело сь снова
зарыться в душистое сено и отлеживаться. Но мы только теперь поняли, в какой опасной
близо сти к селу так беспечно заночевали. Надо было
Едва мы отошли от нашего ночлега, в кустарнике заметили женщину. Увидев, что мы
идем по открытому лугу, она замахала руками
- Тикайте скорей в лес, фашисты в селе!
Мы о становились, чтобы сообразить, куда же направиться. Как вдруг над нашими
головами засвистели пули, донеслись звуки автомат
Пригнувшись, мы побежали в ольховый кустарник, переходивший в смешанный лес. В
лесу о становились, прислушались, нет ли погони.
Стрелять немцы перестали. Но до нашего слуха доно сились какие-то их

выкрики и гул
автомобиля, то усиливавшийся, то утихавший.
"Что они там делают? - хотело
сь нам знать. -
Не разнюхали ль о нашем ночном визите?"
Но вот раздался выстрел и вслед за
тем душераздирающий женский вопль. Астафьев
нахмурился, крепко сжал винтовку в
руках. А в селе уже заголо сили
несколько женщин,
кричали дети, старики.
- Что они там творят, супо статы? -
злобно процедил сквозь зубы Баранов.
- Я разведаю! - рванулся Лев.
- Пройдем вдоль опушки к речке,
оттуда все увидим, - сказал я, тоже
сгорая от
нетерпения узнать, что творят фашисты.
К речке пробирались быстрыми перебежками. Увиде
горит "наш" дом.
- Ах, зозюлечка! - имея в виду
нашу го степриимную хозяйку, горестно во
скликнул
обычно молчавший Петр Евсеев. -
Что же с тобою и твоим Юхимом теперь буд
Мы смотрели на разгоравшийся дом и
думали о его добрых хозяевах и горькой
их
участи...
- Неужели это им за нас? -
словно сам себя спрашивал Иван Сычев.

Ему не ответили.
- Что ж, так и будем любоваться? -
сердито заговорил Астафьев.
- А что мы можем? -
повел рукой Сычев.
- У нас оружие!
-
А ты знаешь, сколько их, раз приехали на гр
И опять молчание. Но я чувствовал, что у в
сть.
- А что, если этих душегубов
подкараулить на обратном пути? - подаю

мысль. - Если ударить внезапно из пяти стволов, кое-что можно сделать...

- Кто знает, когда они поедут обратно? - пробасил Сычев.

- Когда-нибудь да поедут! - сердито покосился на него Астафьев. Михаил прав, - кивнул он в мою сторону. - За эту добрую советскую семью нельзя не отом

- У мо ста видите березняк? - указал рукой Баранов. - Устроим там засаду.

- Жаль, граната одна, - заметил Евсеев.

- Я не промахнусь, - пообещал Баранов. Грузовик взревел и стал удаля села.

- Вот тебе и засада у мо ста! - с досадой сказал Лев. - Они уедут в другую сторону.

- Да ведь хозяин говорил, что дорога в город здесь только в одну сторону, за речку, - возразил Сычев.

Вдруг на другом конце села тоже задымилось. Видимо, подпалили еще один дом. И там по слышались, крики и плач.

Мы бегом направились к небольшому деревянному мо сту через речку, с обеих сторон обро сшую лозняком. У мо ста среди березок оказались окопы, видимо, отрытые войны и уже немного заро сшие травой.

- Спасибо, ребята! - сказал Астафьев, спускаясь в крайний глубокий окоп. Это он благодарил неведомых красноармейцев, когда-то здесь потрудившихся.

- Думаешь, гады не по смотрят в эту сторону? - спро сил я Льва. - А я вот еще березку сюда перенесу, и ничег ответил Лев, и я почувствовал в его голо се уверенно сть и боевито сть.

Дождь перестал. Пожар в селе

разгорался. Теперь горело уже три дома. Но гула
автомобиля больше не было слышно. Мотор загл
то в середине села. Нам из засады не
было видно домов. Видели мы только три огр
помалу
утихавшие крики. И вдруг опять стрельба и гр
- Вот, вот! - обрадовался Лев. - Это хорошо, что они пьяные: с такими проще будет
разговаривать. Пейте, жрите, гады! Это будет вашим по следним кутежом! - И вдруг он
нетерпеливо обратился ко мне: - Командир, а чего их ждать, стемнеет, и сами к ним
пожалуем!
- Там будет видно. До темноты еще далеко, - ответил я, прислушиваясь к звукам,
доно сившимся из села. Чувствовало сь, что уже полдень. Ветер быстро гнал по небу
тучи, казало сь, расшвыривал их. Наконец выглянуло солнце, оно о светило всю дорогу от
мо ста до села. Настроение сразу подняло сь - теперь хоть мокнуть не будем.
Загудел мотор, и автомобиль выкатился из села. Быстро набирая скоро сть, он
приближался к мо сту. Мы приготовились. Иван Сычев, наш самый меткий стрелок,
хладнокровно целился из винтовки. А Баранов как-то задиристо, по-мальчишески
по сматривал на меня, словно хотел спро сить: вижу ли я его? Когда вражеская машина
скрылась за небольшим кустарничком, который был
гранатой в руке и винтовкой через плечо быст
пригнувшись, перенесся к кусту у самой дороги.

- Ленька! - закричали мы ему.
Но он уже сидел на корточках за низенькой ольшинкой. Теперь его ничто не защитило

бы, если бы немцам вздумало
сь, как это они любили делать, обстрелять кустарн
навстречу машине. Моя задача теперь
усложнилась - нужно было еще зорче
следить за
каждым движением едущих в машине фашистов
сматривать на отчаюгу Баранова.
Грузовик был крытым. Значит, стрелять
перед машиной могут только из кабины.
Даю
приказ Сычеву зорко следить не только за шоф
скорее всего офицер, и уничтожить его надо п
когда тот бро сит гранату.
Вот машина уже в ста метрах. Да,
рядом с шофером сидит офицер. Теперь
я это вижу
хорошо. Вот он шевельнулся, приподнял
пистолет. Сейчас выстрелит. Машина уже
совсем
рядом с Ленькиным укрытием. И вдруг навстречу
за куста стремительно вылетела
граната. В тот же момент фашист
выстрелил. Но Сычев по слал свою пулю
чуть раньше, и
офицер сник за окном кабины. Граната разметала
немцев, бро сившихся к заднему борту
кузова. Три винтовки ударили из окопов.
Машина
о становилась. Один фашист выпал за
борт убитым. Остальные, как огромные серо-
зеленые
крысы, бро сились в кювет. Баранов
привстал и выстрелил. Первый беглец
опрокинулся на
дорогу. Рядом с ним улеглись еще двое. А
Машина загорелась.
-
Сбивайте огонь! Может, в кузове боеприпасы! -
кричу товарищам и первым нагребаю в
фуражку земли с бруствера.
Увлекшись тушением огня, мы не
заметили, что один из гитлеровцев,
видимо, только
притворившись убитым, быстро вскочил и побежал

- Эй, куда ж ты! - как-то попро
сту крикнул ему вслед Астафьев и метким выстрел
же уложил его.
Из кузова мы до
стали два ящика патронов, несколько гранат, собрали
бро сились в лес.
Пробежав по лесу с полкилометра, о
становились под развесистой кроной дуба перевести
дух. И как-
то, не сговариваясь, ребята окружили Леньку Баранов
руки, тискали, хлопали по плечу.
Только я воздержался от бурного
проявления чувств, потому что не знал, как
расценивать его перебежку почти на виду у вр
как геройство или как ухарство, которое в
нашем положении ни к чему.
- Скажи Сычеву спасибо, что вовремя
офицера стукнул, а то бы ты так и о
стался с
гранатой в руках.
- Могло быть и такое! - согласился
Баранов. Но у меня на этих бандюг
столько зло сти,
что и убитый сумел бы кинуть гранату!
- Что-то теперь с нашей зозюлечкой? -
печально спро сил Евсеев.
И в этот момент совсем рядом по
слышался треск сушняка под ногами.
- Стой! Кто идет! -
вскинул винтовку Астафьев.
- То мы, хлопцы из села, -
раздался почти детский голо с. - Мы
свои. Не стреляйте,
дяденьки!
- Если свои, то чего же стрелять, -
задорно ответил Астафьев. -
Сколько вас, своих-то?
-
Да туточки четверо. А там еще идуть, -
из кустарников вышел подро сток в отцовском
пиджаке, подпоясанном сыромятным
ремешком, и в новенькой пилотке с
пуговицей от
красноармейской гимнастерки вместо звездочки. За

мужчина лет сорока. Старший, сняв серенькую рваную кепку, вытер взмокший лоб и сказал

виновато:

- Бежали, думали, не успеем.

- Куда ж вы так торопились? - спрашиваю, внимательно о сматривая каждого.

-

Так то ж, когда мы услышали стрельбу около ста, поняли, что кто-то приютил тех супо статов окаянных. Подумали, допомога будет нужна, в

-

Кому вы хотели помочь, им или нам? - спро сил Баранов.

Мужик зло сверкнул черными глазами из-под нахмуренных бровей:

- Кому ж мы теперь можем помогать по сле того, как те супо статы перестреляли три

семьи и хаты спалили.

- Пере-стреля-ли?

-

А эти, что в крайнем доме, Юхим да Марфа подступил к нему Баранов. - С ними что?

- С них все и начало сь, - угрюмо ответил мужик. - Ночью у них были наши хлопцы, окруженцы, а утром об том уже стало в гор на фашистов. Вор Федот Закута, выпущенный немцами из тюрьмы, да Захар Тяжкий, такой, что не успели вовремя в тюрьму упаковать. Кто-то из них и донес. Машина так и о становилась возле дома Юхима. Там обоих сразу з

Он умолк, будто все рассказал, и вдруг поднял на меня Сегодня и меня разыскивали. Сидор Савчук я, бывший колхозный завхоз. Я знал, что Закута будет сводить со мной счеты за то, что воровство то на чистую воду, так я жену и детей отправил к родне, на Смоленщину, а са стался присмотреть за колхозным добром. Да лучше бы не о ставался...

-

Может, вам и самому податься на Смоленщину? заметил я. - Идемте с нами.

- Нет, тут вся моя бригада, вместе работали, вместе бедовать будем. - И вдруг робко попро сил: -

Вы бы вот дали нам немного оружия.

- Но зачем вам оружие? - спро сил Лев. -

Вы люди невоенные. Не станете же вы вступат бой с фашистами.

- А то уже как придется. -

И, снова утерев пот со лба, мужик с упреко Вы же вот все уходите, а нам тут беззащитными о

ставаться с такими душегубами!

Больно мне стало от этих горьких, но справед

- Садитесь, товарищи, - предложил я своим и селянам. - Дело это надо серьезно обмозговать.

- А чего тут судить да рядить! - отмахнулся Сидор. - За нас уже подумали и порешили. -

И, положив свою засаленную кепчонку на колено, он отвернул подкладку возле козырька, до стал сложенный вчетверо лист бумаги. Вот читайте. Тут все ясно сказано, что надо нам делать. Да не только нам, а и всем тем,

Я с некоторым предубеждением взял бумажку из рук Савчука. Но только развернул ее, невольно, как перед большим начальством, встал.

- Что там, командир? - спро сил самый нетерпеливый в нашей группе Леонид тоже встал.

Это была листовка, видимо, сброшенная с самоле народу. Но, передавая Баранову эту листовку, я

- Приказ всем, кто попал в окружение.

- Приказ? - вскочили Астафьев и Евсеев. - Да читай ты вслух! потребовал Евсеев.

- "...В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеских армий, для разжигания партизанской войны повсюду и везде..."

- Политрук! Ты прав, это приказ нам! - горячо во скликнул Баранов. Нам, чтобы попусту не тратили время и силы на выход из окру

- Да ты читай, читай! - прервал его Астафьев. - Или дай я.

Но тут по слышался гул автомобиля.

- Неужели уже узнали? - прислушавшись к нараставшему реву моторов на дороге, удивился Евсеев.

- Так мы ж, как только бабахнула ваша бомба, побежали сюда, а ворюга Захар - на мотоцикл и в город! - пояснил Савчук. - Сам видел, какой он был белый от страха.

- Вот сука. С ним бы надо, как и с теми гитлеровцами! - зло проговорил Астафьев. - А мы-то ушли в лес и мотоцикл пропустили...

- Вам лучше отсюда уйти подальше, - забеспокоился Савчук. - Так вы, того, если можете, дайте нам что из трофеев...

Я по советовался с товарищами. И решили весь трофей нас была своя, русская, винтовка и боеприпасы -

Отдадим вам все, что добыли сегодня, кроме г сказал я, обращаясь к Савчуку, - но дайте слово, что вы это оружие надежно

- Мы не дети, не для игры берем, - ответил Савчук.

- А мне! - чуть не со слезами бро сился ко мне подро сток. - Товарищ командир, дайте и мне винтовку!

- Ну что ты, - положил ему руку на плечо Сычев, - война - это не детское дело.

- Я уже не маленький! - И подро сток нахмурился, отвернулся обиженный.

- Федя мой племянник, сын председателя колхоза, - пояснил Савчук. Отца его фашисты повесили, как только вошли в наше село. А две сестренки.

- Значит, кончило сь твое детство, - горько сказал Сычев. - Я тебе обещаю отомстить за твоего отца.

Но Федя ничего не хотел слушать, требовал сн
- Товарищ командир, - вскричал он, - пусть они дадут и мне! Ну, не даете так, то поменяйте. - И он вынул из-за пазухи маленький вороненый пистолет, такие называют "дамскими". -
Возьмите это, а мне винтовку, она дальше бьет -
О, да ты, я вижу, не дремал. Где ж ты
- За Березиной, там, где был большой бой, гитлеряку нашел в канаве. Сам убитый, а пистолет в руке держит, гад!
- Сколько тебе лет?
- Четырнадцать.
Пулеметная очередь, раздавшаяся на месте нашей недавней стычки с фашистами, оборвала наш разговор.
- Могут прочесать лес, - предположил рассудительный Евсеев. - Надо уходить, о собенно вам, - кивнул он на деревенских.
- Нет, им теперь отрываться от нас опасно, - заметил Баранов, - мы одной ниточкой повязаны. Если немцы пустят собаку, она возьмет сперва наш след, а потом и тех, кому мы передали оружие.
Пришло сь задуматься.
- Как же нам быть? - спро сил Савчук. - Выходит, я тех собак сам приведу до своего -
Всем уходить за Березину, чтобы оборвать след, ответил Баранов.
- Да у нас тут есть небольшая речушка. По ней мы в свой лес можем уплыть, - сказал Савчук, видимо, боясь удаляться от дома. - Там и лодка у меня стоит. Может, и вы п вместе с нами? Был бы командир, отряд орган

- Нет, мы пойдем на во
сток, за Березину. Надо подальше уйти, чтоб не
новой беды, -
сказал я, и мои товарищи согласились.
- Ну, то вы себе идите через тот
со снячок прямо до берега Березины, указал
путь
Савчук. -
А мы повернем направо, переберемся через Гнилу
стороны.
Мы расставались как давние друзья, как родные.
ли когда-нибудь?..
Мы не одиноки
Утром мы наткнулись в лесу на
шалаш из еловых веток. Осторожно о
смотревшись,
подошли к нему и заглянули. Никого. Шалаш
на охапке сена - недоплетенная
корзинка и заготовленные для нее прутья.
Леонид показал
кожуру от картошки:
-
Свеженькая. Нисколько не присохла. Так что мы
-
Предлагаю расположиться в этом уютном жилье,
сты, сказал я.
- Правильно, командир, - поддержал
меня Баранов. - Я дежурю первым. Хочется
высмотреть хозяев шалаша.
За ночь хозяева не появились, и мы
отправились в сторону деревни, надеясь кого-
то
увидеть на дороге и поговорить.
И тут нам повезло. Только вышли
из леса, увидели, что люди копают
картошку.
Картофельное поле тянуло
сь до самой деревни. Но, видимо, оно было раз
Люди работали семьями на своих участках. Ближ
мужчина, женщина
и девушка. К ним можно было подойти по
пошел вдвоем с Иваном. В заро слях трех-
четырехлетнего березнячка наткнулись на ямку, до

половины заполненную картошкой. Значит, люди вы
- У нас тоже так зимует картошка, -
сказал Иван, чтобы обратить на себя внимание
увлеченной работой семьи и не испугать внезапн
Нас заметили. Все трое разом подняли головы, по смотрели на нас. Ответив на наше
приветствие, женщины продолжали работать, а муж
- Покурю, поговорю с людьми.
Это был болезненно худой мужчина лет тридцати под реденьких светло-русых
бровей на нас смотрели умные, пытливые глаза. Подойдя к нам, он каждому пожал руку.
Пальцы у него были жесткие от работы, черны
- Военные люди, а подходите так робко, о сторожно, - заметил он, - у нас немцев нету.
Чего им в такой глухомани делать? Скот почти весь забрали сразу. Да и хлебушко подмели.
Вот теперь, если бульбы удастся сохранить хоть
он кивнул на яму, - то только и
наше.
- А не рано ли копать картошку?
-
Да, она еще растет. Но что же делать? -
развел руками мужик. -
Люди решили спрятать,
пока и ее не увезли в Германию. А кому
Он сел на кучу земли возле ямы и нам п
-
Крисковец моя фамилия, Сергей Филиппович, -
попро сту назвался он, не понуждая нас к
ответному знакомству. - Был я бригадиром в колхозе. Председателя сельсовета и нашего,
колхозного, немцы расстреляли сразу же, как пришли. А может, и до нас доберутся. Вы по
лесу, видимо, к фронту пробираетесь... -
не спрашивая, а скорее про сто рассуждая, говорил

он. Далеко наши. Совсем далеко. Но, видать, с
становились и даже дают фашистам жару. Об
этом германское радио само проговаривается: то
скве, а потом вдруг о боях
на Смоленщине, или под Харьковом,
или еще где поближе. А люди ж
недурные, понимают,

что далеко от тех городов до Мо сквы.
Женщины позвали Сергея Филипповича
отнести к яме мешок с картошкой. Тот
извинился и ушел. А когда вернулся, сказал:
-
Жонка хочет сходить домой за хлебом. Вы смо
- Что ж делать, - виноватым голо
сом отвечал Иван, - мы были
защитниками народа, а
теперь вот стали его иждивенцами...
-
Защитниками вы еще будете. На колени мы не
что творится? - И сам же ответил: -
Партизаны, как в гражданскую, начали действовать.
железных дорогах крушения устраивают.
Да и по шо ссейкам не все машины
доходят до
фронта.
-
Так оно было, и в войну с Наполеоном, -
заметил я, стараясь пока не говорить ничего
определенного.
- Вот-вот, это наша давняя тактика -
партизанство, - обрадовался Крисковец. - Нам
теперь надо дружно держаться,
гражданским и военным, оказавшимся на
оккупированной
земле... Помогать надо друг другу. А идти, до
Чувствовало
сь, что он хотел сказать больше. Но пока что
как следует...
-
Бульбы вечером наберите, сколько вам надо. Ну
мы вам и в другом поможем. Наша
деревня называется Березово Болото, а
дальше Великая

Старина. Люди у нас добрые. Никто добровольно
сты никто
не соглашается. Мы уж сами уговариваем тут
какого-нибудь шкурника...
С Крисковцом мы расстались, ободренные морально
* * *
В шалаше мы только ночевали, а по утрам
сти. Мы уже
знали, где находится железная дорога,
районный центр Кличев с полицией и
прочими
представителями оккупационной власти. Если
возвращались рано, то отдыхали где-нибудь
подальше от шалаша. Вот и сегодня, вернувшись
ссе, мы устроились на лесной
поляне под одинокой березой и оживленно обсуж
В разгар беседы я вдруг заметил, что в оре
то подозрительное.
- Лев, Иван, быстро обойдите орешник! -
приказал я. - Кто там?
Астафьев и Сычев тут же вскочили
и с оружием на изготовку побежали в
заро сли
орешника. Но через несколько минут вернулись
Вдруг совсем близко, но уже с другой стороны
словно кто-
то предупреждал о своем приближении.
На поляну вышли двое. Один -
высокий в сером макинтоше и такого же цвета
ботинках. Лицо худое, одухотворенное. Другой -
среднего ро
ста, с полным румяным лицом, в
брезентовом плаще и кирзовых сапогах. За плеча
Мы все вскочили, держа оружие в руках. А
- Стой! Кто такие?
- Да теперь-то зачем такие строго сти? -
не обращая внимания на этот окрик,
спокойно
сказал высокий. -
Были бы мы вооружены, из орешника перестрелял
току.
- И все же кто вы, откуда? -
спрашиваю не так строго, как Леонид, но треб
- Из этой вот деревни, колхозники, -

ответил высокий. - Мы корзинки плетем. Шли за
лозой, да и увидели вас.
- Документы есть?
-
Как же без документов. Есть и документы, -
все так же спокойно отвечает высокий и
показывает мне справку, написанную на имя Кар
Взял я этот документ под сомнение. И подпис
дядька предъявляет не паспорт, а метрическую с
- Документу этому не верю, -
возвращая бумажку, заявил я высокому. Скажите
вы такие?
-
А вы кто? Это вы пришли в наш лес, а
ответил высокий.
-
Третью ночь занимают наш шалаш и еще спра
с ехидной улыбкой
заметил второй.
- Ах, вот они, хозяева, -
заулыбался и я. -
Вы сами видите, что мы люди военные, бойцы.
-
Ну и мы бойцы, только с другого фронта. -
Высокий протянул мне руку, представился: -
Редактор районной газеты Крисковец Иван Павлови
- Родственник Сергея Крисковца? -
обрадовался Лев. - Ну тогда свои люди.
-
Откуда же мы знали бы о вас, если бы не
сказал Крисковец. А мой товарищ -
директор МТС Латышев. Ни о нем,
ни о себе не говорю "бывшие". Мы
были, есть и будем,
несмотря на то, что фашистам удало
сь так вероломно сломать наши ворота. Ну, ворота
это
еще не весь двор.
Иван Павлович рассказал нам и о положении
все знает из каких-то неведомых нам
первоисточников. "Он, конечно же, слушает
радио, -

догадался я. - Но что-
то есть у него и еще..."
Снова о
стрым стало желание идти к фронту, скорее слить
слушал нас и внешне будто одобрял
рвение нашей пятерки. А когда страсти
улеглись,
заговорил вдумчиво и спокойно. Заговорил вроде
об озере в их лесу. Из небольшого
ручейка образовало сь большое озеро. Пришло
сь даже
плотиной отгораживаться селянам, чтобы в паводок
- Весной, бывает, боимся, что прорвет
плотину и снесет всю деревню. Сила в
нем
накопилась огромная, -
тихо, словно сам себе, говорил Иван Павлович.
А стремился бы тот
ручеек только в море, кто знает,
добрался бы до него или нет. Скорее
всего затерялся бы в
лесных дебрях.
-
Ну, если это вы, дорогой товарищ редактор, на
поняв эту притчу, сурово заявил Сычев. -
Мы уже кое-
где рвали те плотины. Да и еще рванем...
- Вот и хорошо, что верите в
свои силы. - Крисковец встал. - Завтра
вечером, если в
деревне будет тихо, соберем коммунистов и все
* * *
Это было, по сути, партийное собрание.
Кроме меня и Крисковца, пришли еще трое.
Света в доме не зажигали. Лиц
пришедших не было видно. Однако по
разговору люди
показались мне не деревенскими, как и сам И
-
Товарищи, признаюсь, что в первые дни войны
делать, - заговорил в темноте Иван
Павлович. - Но теперь кое-что для меня
прояснило сь.
Если бы мне, например, было поручено повести

начал с информации. Народ не знает, что дела
сы: стоит
ли Мо сква? Держится ли Красная
Армия? А главное, когда же погонят
фашистов назад?
Незнание положения на фронтах ставит
в тупик перед вопро сом: что делать?
Бойцы и
командиры, отставшие от своих частей,
попавшие в окружение, всеми силами
стремятся
пробраться к фронту. А некоторые,
пока что очень немногие, пытаются бить
врага там, где
оказались. Вы знаете, что радиоприемники
оккупанты приказали сдать. Но не все их
по слушались. И вот мне повезло,
иногда слушаю сводки Совинформбюро.
Приведу вам

несколько сообщений. И не только для информац
действовать в тылу врага. Вот первое сообщение:
"Отважно действуют бойцы партизанского
отряда под командой тов. М. в тылу
фашистских войск на северозападном участке фронт
следнюю неделю отряд совершил
несколько смелых налетов на колонну фашистской
партизаны уничтожили 4 танка, 4
автомобиля, 12 мотоциклов и сожгли 14
автомашин с
боеприпасами. Фашисты потеряли до ста солдат
Вот другое сообщение: "Партизанский
отряд "За Родину" напал на охрану мо
ста через
реку У. Пока фашистские солдаты вели перестре
подплыли к быкам мо
ста и заложили мины.
От взрыва мин мо ст сильно поврежден".
Далее, - продолжал Крисковец. -
В одном районе Брестской области оккупанты ре
начать вывозку леса. На узкоколейке
местные жители обстреляли поезд из
дробовиков.
Паровоз взорвался. Немецкие солдаты,

ехавшие за лесом, были уничтожены. Люди сожгли
свои дома и ушли в лес.
Потом Иван Павлович перечислил еще несколько фактов, свидетельствовавших о
зарождении партизанского движения в тылу гитлеро
-
И в гражданскую, да всегда, когда на нашу
не сидел сложа руки, бил врага и
с тыла и с фронта, - заметил чей-то суровый,
уравновешенный бас. -
Коли мы не пробились к фронту, будем бить
- Все это так, - по слышался голо
с, кажется, Сергея Крисковца. -
Но все это стихийно. А
где же наше сердце -
наш обком, райком?
- Первого июля была директива ЦК КП(б) Белоруссии "О развертывании партизанской
войны в тылу врага", -
ответил Иван Павлович. -
Так что наше сердце, как говорит Сергей, с
нами. И уж будьте спокойны, если мы проявим
Я слушал и жалел, что мои товарищи не пр
были заняты -
охраняли село, как и люди Крисковца.
По сле сообщения о том, что в Белоруссии развертывается партизанское движение, я
откровенно рассказал собравшимся, что мы решили
сле того, как прочли листовку с
обращением к советским людям, о ставшимся на оккупированной территории. Я сказал, что
мы по
следнюю неделю занимались только поисками места
-
Думаю, что лучшего места вам искать не надо,
заявил один из товарищей. - Старо ст в
этих двух деревнях еще нет, а если будут, т
-
Почему же вы сами не организуетесь и не н
спро сил я.

- Действовать мы будем, - ответил Крисковец, - но мы люди гражданские, а хорошо бы иметь в отряде военных, которые обучали бы мы пытаемся о становить. Но все окруженцы рвутся к фронту и не хотят понять, что необходимо создавать второй, не менее опасный для врага фронт в его тылу. А коли вы, товарищ политрук, сами пришли к такому вывод ставайтесь. Ваша группа будет о сновой нашего партизанского отряда. Все, что нужно стройки жилья, мы дадим.

Долго обсуждали мы это дело, к которому при его правоту. Перед тем как разойтись, Крисковец

- Так и будем считать, товарищи, этот день днем о снования нашего партизанского отряда.

Сказано это было уверенно, торжественно.

* * *

Место для строительства землянки мы выбрали в густом запущенном лесу. У Сергея Крисковца взяли, лопату, пилу, топоры и приступили к делу. Уговорились; работать без лишнего шума и треска, чтобы нас не слышали в деревнях. Вырыли котлован. Спилили несколько со сен. Вот тут-то Евсеев и показал свое искусство. Плотник он был отменный.

Топор у него играл в руках. Пока мы искали мох для прокладки да камыш для крыши, он сделал сруб. Помощники Петра тоже трудились т

Землянка получилась внутри довольно про сторная. А снаружи ее почти не было видно. Только крыша, как огромный гриб,

возвышалась над землей, напоминая скорее омшаник
пасечника, чем жилье.
Лесу для землянки было вдоволь. А вот где же Петр Евсеев проявил свою хозяйскую находчи сть.
-
Крисковец сказал, чтобы сами приходили в дерев
-
Да, лучше, чтобы жители не протаптывали к на собенно когда выпадает
снег, - согласился я.
- Так вот, каждый раз, когда кто-то пойдет в деревню, - развивал свою мысль Петр, -
чтобы нес оттуда по кирпичику.
Кирпич, песок и глину собирали целую неделю. Но печку потом Петр сделал всего за
день.
И вот мы затопили свою первую печку в пе событием! Все поочередно выбегали смотреть, как тонкая струйка голубоватого дыма. Землянка стояла из трубы, бойко поднимаясь вверх, тут же рассеивался в зеленых лохматых ветвях, словно
таял в них. Даже лес был с нами заодно, сь, что этот
дымок как-то роднит нас со всеми людьми, которые о стались на земле, захваченной
гитлеровцами, объединяет в одну дружную непокор
Начало
Колхозник Сергей Филиппович Крисковец стал нашим связным. Он знал, где находится
наша землянка. Но это на всякий случай. А стями где-
нибудь в чащобе и каждый раз назначали новое место. Было очень важно, чтобы нашего
связного никто не выследил, не заподозрил в то на очередном нашем
свидании он рассказал, что в районном

центре Кличеве расположилась на отдых немецкая
воинская часть. Теперь через деревню Пересопня каждое утро ходит из Могилева крытый
грузовик. Наверное, продукты возит. Сергей лукаво -
Захватить бы его, и на зиму запасетесь продук
- Дело хорошее, - сказал я, -
надо подумать. Пришел в землянку и говорю: -
Ну что, партизаны, землянку выстроили и успок
а мы любуемся дымком из нашей печурки.
- Не хитри, политрук, - сказал Баранов, -
чего задумал?
И как рассказал я о немецком грузовике, у
коротенький но
с, и на нем веснушки сильней про ступили.
- Давно пора заняться делом! - во
скликнул Астафьев. -
А то все только устраиваемся да
о сматриваемся.
- Мы на большое дело нацелились. Не о
смотревшись, нельзя, - возразил ему Сычев.
- Да, это верно. Однако теперь уже пора. -
О том и речь. Сегодня ночью Сергей проведет
Пересопня, - сказал я.
...Утро было ясное, погожее. Мы сидели в заро слях можжевельника метрах в десяти от

дороги и думали только о том, когда же по
По слышался отдаленный гул мотора. Я приготовил гранаты. Сычев поднял свою
винтовку. Баранов, Астафьев и Евсеев приро сли к кустам. И вдруг разочарование. Шла не т
машина, которую мы ждали. Не грузовик, а ле
шофера сидят два офицера, я бро сил гранату. Это был сигнал к бою. Полетели гранаты
Баранова и Евсеева. Но все они взорвались позади машины. Да и Сычев опоздал. Машина

фыркнула и умчалась. Я успел заметить, что сидевшие в ней офицеры повернули головы,

пытаясь понять, откуда шла стрельба.

Мы поднялись и смотрели друг на друга в

не сумели подбить машину!

Вдруг совсем близко загудели моторы. Наверное, где-то недалеко стояла автоколонна.

Может, была какая-нибудь поломка, ее задержали, и вот она снова двинулась. Гул нарастал,

видно, машины быстро набрали скоро сть и вовсю мчались на выручку легковушке. Как бы

там ни было, но, приблизившись к месту, откуда мы только что стреляли, немцы подняли

такую стрельбу, что лес шумел как в непогоду. Но мы уже были далеко от дороги и

ускоренным шагом уходили прочь.

Километров пять отмахали и только тогда сели

От разгоряченных лиц валил пар, во рту пересохло. Рубашки прилипли к телу.

Спустились к ручью, напились, и стало полегче.

- Верно говорят - дуракам счастье! -

сказал Лев Астафьев.

Возбужденные, усталые, мы вернулись в свою землянку и, повалившись на нары, стали

обсуждать причины неудачи. Неправильно выбрали место для засады: в мелком кустарнике

нас легко можно было обнаружить издалека. Гра

сали с большим опозданием. Надо

бро

сать перед идущей машиной, а мы вслед ей...

- Не беда! -

беспечно отмахнулся Леонид Баранов. -

Так случило сь. У мо ста-то мы вон

как их расчехво стили! Подчистую!

- Победой у мо ста нечего кичиться, -

возразил Петр Евсеев, -

там мы напали на пьяных. А

были бы немцы трезвыми, еще неизвестно, чем сь.

- Петр прав, - поддержал я Евсеева.

Мы были крайне удручены неудачей, хотя потом оказало сь, что засада наша не была

безрезультатной.

На другой день я встретился с Сергеем Криско сил

меня:

- Михаил, это ваша работа с легковиком?

Но я сделал вид, что не понимаю, о чем

-

Так ты не знаешь, что вчера подбили немецкую

И стал мне рассказывать, как неведомые партизаны

Оказало сь, что тот легковик не дотянул даже до деревни. У него были про стрелены

шины на задних колесах, пробито боковое стекло, а самое главное - ранен офицер. Немцы

ругались. Всех в селе называли партизанами. Но некогда - срочно уезжали на фронт.

Весть о партизанах разнеслась по всему району.

В деревне Великая Старина многие мужики были мастерами по изготовлению ободьев

для колес, дуг, бочек. Одним из таких мастеров был и Евлампий Гавлик. Я его уже знал.

Худощавый, среднего ро ста старик лет шестидесяти, он был не по годам подвижен. В

деревне считали, что он знает в лесу каждый пень. И вот как-то Евлан пустил слух, будто

видел партизан. В лесу их, по его словам, "темная хмара", и все со станковыми да ручными

пулеметами.

Однажды встретились мы, я и говорю ему:

- Дедушка Евлан, вы тут распро страняете слухи о партизанах, будто их "темная хм

Зачем это?

Дед лукаво улыбнулся мне и обычной своей с

- Вишь, мил человек, видел я или не видел, то дела не касаемо. А только пущай те

супо статы сатанинские, полицаи да всяческие германские прихлебаи верят, что в лесах

народилась новая Красная Армия, да такая, что стым

людям, спокойней будет. Глядишь, менее беспутствовать будут ироды сатанинские, боязно

будет им руки-то распускать. Прав я, аи не прав? - И, приблизившись к самому моему лицу,

Евлан тихо добавил: -

А касаемо вашей землянки, то ее почти от з

днем в ведрую погоду вы лучше не топите. А то смотрю как-то, а елка дымит в небо, как

труба самоварная. Вы больше по ночам обогревайтесь. Ну а если днем, то помаленьку,

сухими дровишками, чтоб дыму меньше. А вообще знай, дорогой товарищ командир,

случись на деревне какая тревога, враги против вас что удумают, Евлан бро сит свою хату,

пусть горит или в тартарары провалится, все б сит Евлан и первым побежит упредить вас.

Спро сишь, почему? Да потому, что все понимаем так: стались наша единая защита,

наша надежа. Без вас мы и вовсе о сиротеем. Вот так, мил человек, товарищ красный

командир.

* * *

Еще когда мы только по строили землянку, Лев Астафьев проник в заброшенный

деревенский клуб и в куче хлама нашел старе

было, он его забрал. А теперь Евсеев и Сычев принесли ему батареи. "Одолжили" у

гитлеровцев, проезжавших по шо
ссе на легковой машине.

- Ну а сами-то гады где? -
первым делом спро сил я.

-
Кончили воевать, отдыхают в кювете. Не волнуйс
прежние промахи. Засаду устроили в лесу, где
Каждое дерево - крепо сть! Гранату я
бро сил с точным расчетом. Ну да это
все теперь
позади! -
отмахнулся Иван. Пусть Лев скорее налаживает р
И он до
стал из трофейного рюкзака добротные сапоги.
Лев благодарно обнял его. Но сапоги
пока отложил, а кинулся к приемнику и
стал
прилаживать батареи.
Лев Анатольевич Астафьев до войны
был начальником радио станции артиллерийского
полка. И вот теперь на него были
все наши надежды. Мы окружили его и
с нетерпением
ждали, что будет, заработает ли наше
радио? Затаив дыхание, смотрели мы на
радиста,
расположившего
ся на полу нашего жилища. Лев что-
то подвинчивал, подкручивал, даже на
язык пробовал проводки и ни слова
не отвечал на наши нетерпеливые вопро сы.
И вдруг,
словно струна лопнула, - что-то
взвизгнуло, зашипело, затрещало. У нас,
казало сь,
о становило
сь дыхание. Но треск быстро умолк. И это нас
сило в холодный пот. Волнение
у всех было такое, будто мы на диком о
строве, а единственный корабль уплывает, не замети
нас.
Астафьев рукавом выцветшей гимнастерки
вытерт взмокший лоб: он-то волновался
больше всех. И опять присел над

приемником, лизнул один, другой проводок, где-то
подкрутил, где-
то подстукнул, и вдруг... ударили куранты.
Все, кроме самого радиста, встали, подтянулись, словно выстраивались на какой-то
очень торжественный парад.
Бой часов Кремлевской башни кончился, но мы не шевелились, и вот, как бурный

водопад, как фронтовая канонада, обрушилась на наши головы дотоле не слышанная нами
песня:
Вставай, страна огромная!
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!
Лица моих боевых товарищей бледны, сурово сдв
Музыка и слова этой песни удивили нас, взбудоражили, слили воедино с огромной,
поднявшейся на смертный бой Родиной.
Когда песня кончилась, заговорил диктор: "От Советского информбюро! Передаем
вечернее сообщение от 11 августа. В течение 11 августа наши войска продолжали бои с
противником на Смоленском, Белоцерковском и Ума
За 10 августа уничтожено 39 фашистских самолетов. Наши потери - 25 самолетов. По
уточненным данным, во время налета фашистских самолетов на Мо скву в ночь с 10 на 11
августа сбито не 5 фашистских самолетов, как сь ранее, а 6 самолетов..."
Было ясно, что бои идут жестокие, кровопролитные. Но главным было то, что Мо сква
стоит, что Мо сква сражается...
Нашей радо сти не было конца. Мы со слезами на глазах обнимали друг друга, тискали
нашего радиста.

Мо сква наша!

Почти всю ночь не спали, находясь под впечат

А Льва Астафьева мы прозвали с тех пор "К

* * *

Однажды Иван Павлович Крисковец сообщил мне,

Кличевского района хочет установить связь с нашей группой. Мы обрадовались этому сообщению.

Встретились в доме Ивана Павловича. Он стал знакомить нас с местными партизанами,

которые пришли всем отрядом.

Командиром Кличевского партизанского отряда был Игнатий Зиновьевич Изох,

представительный мужчина лет сорока. И манерой держаться, и речью, и ро стом Изох

производил впечатление человека солидного, внушительного. Он спокойно и деловито

рассказал о жизни его партизанской группы, изложил свое мнение о дальнейшем

развертывании партизанского движения в районе. Он считал перво степенным вовлечь в

партизанскую деятельно сть как можно больше людей, активизировать борьбу

На этом же настаивал и комиссар отряда Яков

По сле недолгих разговоров договорились о совместных

Через несколько дней отряд Кличевский расположился недалеко от нас, по другую

сторону деревни Великая Старина. Теперь мы перестали чувствовать себя одинокими. В

случае тревоги можно будет действовать совместно.

Между тем фашисты разворачивали бурную деятельно сть: забирали хлеб и скот у

крестьян.

Объединенными силами двух отрядов мы начали

возвращать его крестьянам.

Однажды ночью мы с отрядом Изоха вошли в

зерном, подготовленным для отправки в Германию,

ночь закапывали зерно в ямы. Старо сте мы решили выдать расписку о том, что хлеб

реквизирован партизанами. Однако многие крестьяне ста Харлампа Тимоха

их предаст. Он пошел на службу к фашистам Группа партизан направилась к его дому. Вызвал улицу. Скрутили его, объявили приговор партизанского суда. Грянул выстрел, и фашистский холуй получил то, что заработал.

* * *

Однажды я пришел в землянку Изоха и застал у него незнакомого партизана с ручным пулеметом. Это был высокий, красивый боец с

- Леонид Горбачевский, - представил мне го стя Изох, - у него шесть бойцов. Про сится в отряд. Его направил сюда Иван Павлович. А у меня видишь, - Игнатий Зиновьевич повел руками по землянке, чуть нес до ставая до стены, - сами с трудом втискиваемся на ночь.

Переговорив с Изохом обо всем, за чем шел,
Когда вышли из землянки, Горбачевский
тихо свистнул, и тотчас из заснеженного
орешника вышло шестеро так же, как и сам
как
он сам сказал -
за счет фашистского обоза, увозившего награбленно
- Ну, у вас про
сто Петродворец в сравнении с Изоховой землянухой
скликнул
Горбачевский, переступив порог нашей землянки.
По одну сторону землянки тянулись
нары. К правой стене было прижато
наскоро
отесанное бревно, служившее скамьей. У
оконца - стол из горбыля на подставке
из двух
поленьев. В печке как раз жарко
пылали дрова, и по всей землянке
обильно шло тепло. На
столе -
разобранный приемник, над которым колдовал наш
Бойцы из группы Горбачевского быстро
нашли общий язык с моими товарищами.
Сидя
рядком и покуривая, они расспрашивали друг др
Еще по дороге в наш отряд
Горбачевский рассказал мне, что война
застала его в
автобатальоне, расположенном недалеко от границы.
он долго лечился в лесу, где за
ним ухаживали деревенские подро стки. А
потом ушел с
такими же, как и сам, окруженцами
к линии фронта. В деревне Березово
Болото прожили
неделю на чердаке, и Крисковец по
советовал присоединиться к партизанам.
Имея пулемет и пополнение, наш отряд стал
сь начать активные
действия против оккупанто|. Наш порыв горячо
Но это оказало
сь делом не таким уж про
стым, как мы поначалу думали. Как правило, в

больших селах фашисты о
ставляли хорошо вооруженные гарнизоны.

Только зимой, накопив оружия и хорошо подгото
рейд по окрестным селам с целью разгрома фа

На рассвете 22 декабря наш отряд, объединивши

Заполье, которое было центром воло сти.
Но тут дело обошло сь без боя.
Бургомистр Иван
Жлукто был своим человеком. Он ждал
нашего прихода и сразу же передал нам
четыре
винтовки, много патронов и ключи от
склада с хлебом. До рассвета жители
села разобрали
весь хлеб и попрятали по своим ямам.

Ранним морозным утром мы пошли
дальше, на Орлино и Лютино. В деревне
Орлино
жители рассказали, что в Лютине есть полиция,
то бандитов и изуверов.

- Там о собо лютуют братья Галацевичи, -
сообщил нам самый старый житель села.

В середине дня двумя группами
подошли мы к этой деревне. Чтобы не
вспугнуть
полицаев, командиры групп решили пойти
на хитро сть. Четверо бойцов во главе с
отчаянным партизаном Кучеруком из группы Изоха
пошли в деревню. А о стальные о
стались на опушке леса.

Наши по
сланцы незаметно вошли в деревню, спро
сили, где живет начальник полиции, и
зашли в хату к Галацевичу. Тот сидел за бу

- Ты начальник полиции? - грозно спро
сил Кучерук.

- Я, я, я! - дрожащим голо
сом ответил полицай, поглядывая на висевшую около
винтовку.

- Не дрожи, вояка! Возьми оружие и
не будь разиней, не о ставляй его у
порога.

Партизаны у тебя под но сом, а ты

самогонку глушишь! - С этими словами Кучерук снял со
стены винтовку, передал ее Галацевичу и приказа
с оружием были тут. Есть очень важное дело.
- А вы кто же будете? - о
смелился спро сить фашистский холуй.
-
У тебя что, глаза повылезли, не видишь? -
и Кучерук показал на полицейскую повязку на
рукаве. -
С Осипович мы. В вашем лесу напали на па
видишь, четверо. Не одолеем. Позвонили шефу, с
телефона нету. Вот и пришло сь
тащиться. Шеф требовал к вечеру до
ставить ему партизан
живых или мертвых. А ты знаешь, что если
сами.
Тон Кучерука подействовал лучше всяких документов. Галацевич быстро собрал свою
шайку в одну хату, а тут как раз весь на
Полицаев же судили сами жители деревни и в
Утром о
сновная часть объединенного отряда перешла по льду
Осиповичский район, где решила разогнать и уни
мне не повезло -
я был ранен случайной пулей одного немецкого
Вернулись мои товарищи из этого рейда уже в
успехам и переживал, что из-
за ранения не мог быть вместе с ними.
Этот рейд нас вдохновил, вселил веру в побед
Но тогда мы еще не могли оценить
главного итога его. Мы поняли это
лишь к весне,
когда везде, где прошел в начале года наш
маленькие.
И снова в бой...
Еще в декабре 1941 года по
направлению Ивана Павловича Крисковца к
нам прибыло
семеро хорошо вооруженных бойцов во главе с
Василием Павловичем Свистуновым. Эта
группа уже отличилась в борьбе с
фашистами -
разбила грузовик с боеприпасами,

совершила несколько налетов на полицейские участки.

Пришли они к нам с предложением совместно разоружить полицаев в Бацевичах. Я принял

предложение Свистунова, выделил ему несколько человек из нашего отряда, и они

отправились на операцию...

Глядя на энергичного, хотя и немного запальчивого Свистунова, с которым охотно

отправились наши ребята, и даже Баранов, в Бацевичи, я подумал, что, если этот старший

лейтенант сумеет провести операцию в Бацевичах так, что наши бойцы признают его

командиром, то я буду рекомендовать избрать ег

Полиция в Бацевичах была уничтожена. Наши партизаны охотно приняли мое

предложение и избрали Свистунова командиром отр

комиссаром. И я наконец-то

занялся своим "родным" делом -

ведь я был политруком!

Наш отряд быстро разрастался. В середине январ

местных жителей, но во главе ее стоял девятн

В Кличевский отряд вошла еще одна группа из местных партизан во главе с Николаем

Но сковым. Изох назначил его командиром роты. Однако воевал с нами Николай недолго, в

одном из боев он погиб смертью героя.

С ро стом отряда появились новые проблемы - в землянках, отрытых о сенью, все не

помещались. Самые закаленные спали в шалашах.

было срочно решать вопро

с о размещении, да и питании такого большого

К этому времени я стал уже понемногу ходить. Возле землянки у нас всегда стояла

наготове лошадь, запряженная в сани. На них вместе с Горбачевским я не

раз выезжал в
разведку. Положив в сани пулемет, мы
объезжали окрестные леса, о сматривали деревни,
которые были очищены нами от
немецких ставленников и холуев. Эти
поездки подсказали
тактику партизанской борьбы в зимних
условиях. Решили весь отряд по садить на
сани и
совершать объезды деревень и сел
района. Там, где есть немецкие
комендатуры или
созданные немцами полицейские участки, -
уничтожать их.
Свистунов и Крисковец одобрили это предложение.
...Разгромив ближайший немецкий гарнизон, мы с
свобожденном селе.
А когда узнали, что идет крупный карательный
которое на автомобилях проехать было невозможно.
пользовались очень редко. Таким образом родная
Передвигаясь от села к селу, наш
отряд, как снежный ком, обрастал людьми.
Мы
становились сильнее. Однако нам не
хватало боеприпасов. По сле нападения на
несколько
гарнизонов у нас о стало
сь по двадцать патронов на каждого бойца и на
нас было теперь четыре.
От одного из лесников мы узнали,
что в сорока километрах на месте
большого боя
наших войск с гитлеровцами закопано
много оружия. Решили попытать счастья:
отыскать
этот драгоценный клад.
...Про снулись рано. Проверили оружие,
разделили патроны и к во сходу солнца
были
готовы в путь. Целый день обоз двигался по
становился в деревне Печкуры.
Фашисты узнали об этом и двинули на нас
Мы издали заметили черневшие на
снегу цепи немецких солдат, с трех сторон

надвигавшихся на нас, и заняли оборону.

Свистунов, командир нашего отряда, с группой п
деревни, которая прилегала к лесу.
Другую половину деревни о стальные
партизаны, ими
командовал я - комиссар. По отряду
был передан строгий приказ вести только
прицельный
огонь. На каждый патрон -
по одному фашисту!

Оккупанты открыли огонь из автоматов.
Видно, надеялись взять на испуг, ибо огонь
этот не был прицельным, а так, в "божий св

Засевшие за домами и сараями
партизаны скупым, но метким огнем
расстреливали
наступавших. Пулеметчики Вася Вороненко,
Николай Дмитриенко заставили гитлеровцев
залечь в глубоком снегу. Молчал
только пулемет Горбачевского, устроившего ся
рядом со
мной за сараем. Я сдерживал Леонида до реш

Немного отлежавшись, фашисты вдруг
усилили огонь из пулеметов, автоматов и
винтовок. И снова полезли по снегу.
Вот-вот они ворвутся в деревню. Особенно
много их
двигало сь по дороге со стороны
Кличева и с огородов к центру деревни.
Леонид теребил
меня, про
сил разрешения дать очередь. Я молчал. И лишь
ст
для атаки, я махнул Леониду:

- Давай!

Короткими меткими очередями Леонид ско
сил бегущих фашистов.

А на другом конце деревни в это время раз
с Свистунова:

- Не пускать гадов!

Меткий огонь партизан и там о
становил атакующих.

Через некоторое время мы с Леонидом Горбачевс

Кличева на полном галопе к нам скачет лошад
за приближавшейся упряжкой. Но вскоре поняли,
лошадь, мы были удивлены: в санях
на сене лежал немецкий ручной пулемет,
патроны и
несколько винтовок. Видимо, кто-то из
партизан прицельным огнем уложил фашистов,
управлявших этой упряжкой, а лошадь
была, наверное, местная, вот и бро силась
домой,
привезла нам трофеи. Как это было своевременно
Леонид Горбачевский и Вася Вороненко, у которы
трофейными патронами, а стрелки
разобрали винтовки. Трофейный пулемет мы
передали
самому меткому стрелку Грише Бойко, он тут
и немцев.
А в это время по огороду, скрываясь за плет
вражеский пулеметчик. Он укрылся за
большой вербой и повел ураганный огонь
по центру
деревни.
_ Вороненко, срежь пулеметчика! -
закричал Свистунов.
Вася Вороненко дал длинную очередь,
и вражеский пулемет замолчал. Наступила
тишина.
Считая, что пулеметчик убит, партизан Сергей М
сился к вербе, чтобы взять
трофейный пулемет. Но, не добежав до
плетня метров десять, Сергей был скошен
длинной
очередью хитрого врага.
Пулемет, установленный за вербой, снова
начал поливать нас свинцовым огнем. Мы
укрылись за домами и сараями, и я
приказал не высовываться, не лезть без
прикрытия под
вражеский огонь. Но партизанам очень уж хотело
сь завладеть этим пулеметом. И как только
он смолк, из-за сарая выбежал ро слый
партизан Иван Липухин. Он по снегу
пополз к
вражескому пулемету. Но тоже был сражен.

Не успели мы опомниться от новой потери, из-за того же сарая выскочил Борис Шумилин. Он полз не напрямик. То укроется за бровкой огородной межи, то прижмется за кочкой. Партизаны затихли, замерли от волнения. по стигнет ли и его горькая участь тех двоих? А Борис все ближе и ближе подползает к плетню. Еще несколько метров, еще немного... Но пулеметчик за вербой снова застрочил, теперь уже в упор. Шумилин притих, распластавш алым.

- И этого! - крикнул кто-то рядом со мной.

Но Борис вдруг выстрелил, и пулеметная очередь врага оборвалась. Шумилин стал отползать назад, о ставляя на снегу кровавый след. Но вот и он Вражеский пулемет больше не стрелял из-за вербы. Но немцы с поля открыли по нашему сараю перекрестный огонь. И все-таки двое друзей Шумилина сумели подползти к нему и утащить в безопасную зону. Раненый истекал кровью, и я поручил заботу о нем нашей санитарке - студентке Вере.

А Сергей Лобанов пополз с веревкой в руке к пулемету, чтобы довести до конца дело своего раненого товарища. Он добрался до старо несмотря на обстрел, притащил его к нам.

Бой длился около шести часов. Фашисты так и не смогли подняться в решительную атаку. Под редким, но метким прицельным огнем они пролежали на снегу целый день. Мы уже готовились к тому, чтобы в ночной темноте окружить противника и полно стью

уничтожить. Однако к вечеру мы узнали, что к
двух сторон. Мы вынуждены были покинуть дере
С наступлением сумерек отряд двинулся по боло

было. Враг разгадал наше намерение и открыл огонь теперь уже и с северной и западной стороны. Видно, прибыло какое-то подкрепление. Сергей Лобанов вызвался о статься с пулеметом для прикрытия отхода. К нему присоединились еще два пулеметчика, Леонид Горбачевский и Николай Дмитриенко. Задержав противника до того момента, когда отряд отошел от деревни на порядочное расстояние, пулеметчики догнали нас. Через несколько дней мы были в Осиповичском районе. Склад боеприпасов, который мы искали, оказался назад. Мы вернулись в свою "родную" деревню Великая Старина, довольствуясь только трофейным оружием и боеприпасами.

До боя в Печкурах мы считали, что дело партизан только из засады, молниено сным налетом громить врага. А теперь убедились, что мы можем вести серьезный и длительный бой. Были бы только патроны в до статке!

* * *

В начале 1942 года на Могилевщине появило сь много небольших партизанских групп. В большинстве случаев они стремились к совместным действиям с крупными отрядами или присоединялись к ним. Стали прибывать новички Однажды мы с командиром сидели за столом раскрылась дверь и вошли несколько человек в военной форме. Впереди стоял суровый коренастый сержант лет двадцати. Он был в кожаной тужурке, в шлеме

летчика, в летных
перчатках. Все это было уже поношенным, но
За ним -
майор в потертой, но полной форме. Подтянутый
лет тридцати.
- Сержант Марков Иван Евдокимович,
командир партизанской группы, представился
первый и, молодцевато отдав честь, сделал шаг
-
Майор Елецкий Степан Григорьевич, заместитель ко
второй и спокойно, с до
стоинством, присущим кадровым военным, отдал честь.
-
Как же это майор стал заместителем сержанта?
ухмыльнувшись, спро сил Свистунов.
- Все в порядке, товарищ командир! -
четко доложил майор. -
Я примкнул к этой группе,
когда она из засады вела бой.
Командир уже был. И неплохой, настоящий
командир. Я
попро сился рядовым.
- Кем были до войны, товарищ майор? -
спро сил я.
- Начальником штаба батальона, -
ответил Елецкий и с доброй, располагающей улы
добавил: -
Надеюсь, со временем и в партизанском отряде
своим родным делом.
-
Это замечательно, что вы верите в такое будущ
сказал Свистунов. - А пока
займетесь разведкой. Познакомитесь с нашими люд
группу. Целый взвод можем выделить
на это дело. А вы, товарищ Марков,
что добавите о
себе?
Четко, бойко, как на докладе, сержант
Марков рассказал, что он здешний, родом
из
деревни Устье Кличевского района, шофер.
Был мобилизован вместе с автомашиной. Когда
машину разбило снарядом, он по сле
долгих скитаний по тылам врага пробрался

в родную деревню. Услышав, что в Кличевском районе появились партизаны, стал искать с ними встречи. Установил связь с военно служащими, скрывавшимися в деревнях. Вместе организовали партизанский отряд...

Мы предложили Маркову должно сть заместителя командира нашего отряда. Марков удивился, что мы ему так доверяем.

- А как вы думаете, у нас совсем никакой разведки не было? - прищурив правый глаз,

сказал Свистунов. - Ведь это вы разгромили полицейский участок, где было втрое больше людей!

- А что нам было делать? - развел руками Марков. - Нужно было оружием и боеприпасами пополнить отряд. Вот и схитрили.

- Значит, договорились, - пристукнул ладонью по столу Свистунов. - А теперь пообедаем вместе, потолкуем по душам...

* * *

С организацией взвода разведки наш отряд почувствовал себя настоящим боевым воинским подразделением. Теперь мы знали, что со седнем.

Появились у нас и хозяйственники, которые занимались вопро сами питания и обеспечения отряда всем необходимым. Правда, в этой группе было всего лишь пять человек, но мы ее гордо называли хозвзводом.

В связи с необходимо стью ухаживать за ранеными, а когда надо, и по или нести на но силках у нас образовалась санитарная группа во г. в помощь выделили пожилого конюха Митрофана

У нас был уговор: ни раненых, ни больных ставлять даже в самых надежных селах.

Уж бедовать так вместе! Разве только со стояние здоровья не позволит возить, трясти человека. Тут главным был моральный фактор - каждый партизан знал, что в беде его не о ставят товарищи.

* * *

Через несколько дней по сле возвращения из Осиповичского района я пошел седям, в партизанский отряд Изоха, узнать, как складывается обстановка в районе и что нового в других отрядах. Командир и комиссар встретили спро сил, что случило сь.

- Присаживайся, Михаил, - предложил мне Яков Иванович Заяц, - сейчас все узнаешь.

И они рассказали, что обстановка в Кличевском сложнилась. В Бобруйск прибыл батальон СС под командованием майора Гофмана. Две роты этого батальона появились в Кличеве.

- Мы сначала не обратили о собого внимания на эти сообщения, - заявил Игнат Изох, - мало ли батальонов проходило через Бобруйск и Кличев по пути на фронт. А потом узнали, что Гофман о сновательно о сел на Кличевщине. У него специальное задание: уничтожить партизан во всей округе и создать из местного

Вернувшись в отряд, я предложил усилить разведку и поручить Елецкому внимательно следить за деятельно стью Гофмана. Выяснило сь, что берлинский эсэсовец делает все, чтобы выслужиться перед начальством. "Язык", приведенный методах Гофмана. "Стреляйте в каждого встречного, детей. Все они партизаны или связанные с пар поучал палач своих головорезов.

И эсэсовцы старались. Они расстреляли старого учителя Якова Семака и его

больную
жену, семью бывшего председателя Бацевичской потребкооперации Ивана Белокурского, замучили до смерти жену учителя Михаила Медведева и размозжили голову ее грудному
ребенку. В одном только Кличеве каратели расстреляли свыше пятидесяти человек, в
о
сновном женщин и детей. И все эти невинные ж
как партизаны, убитые в боях.
Майор Елецкий хорошо наладил работу разведки. И вот однажды он сообщил, что
Гофман со дня на день двинет в село Усохи крупный карательный отряд. Его цель -
уничтожить партизан, забрать в селах скот и продовольствие, работо спо собное население

угнать на работу в Германию, а о стальное истребить.
Мы решили не допустить врага до Усох, выйти навстречу и устроить засаду. Наши
разведчики прошли по дороге, ведущей в город,
подступал к дороге. На операцию было по слано двадцать автоматчиков, четверо метких
стрелков с винтовками и ручным пулеметом. Гранат было мало, поэтому их взяли только
несколько штук.
Партизаны вышли темной ночью. В двух километ
группы. Одну группу Баранов повел по правой
Группа под командой Маркова пошла левой стор
...Утро наступило морозное, но солнечное. Пароконн
по лесной дороге, как по тоннелю. На одном повороте этот тоннель был о собенно узким.
Вековечные ели, припорошенные снегом, стояли хму
скрывается под отяжелевшими от снега, до самой
этими природными шатрами и расположилась первая группа партизан. Они

притаились по
двое, по трое за каждым деревом.
Сани партизаны пропустили. Ясно было, что это разведка. Если по этим саням в лесу
стрелять никто не станет, значит, партизан здесь нет. Видимо, так должны были решить
фашисты, если это на самом деле их разведка
Когда утих топот конских копыт, в заснеженном лесу установилась мертвая тишина.
Пока разведка не вернется, карательный отряд не пойдет. Партизаны могут покурить и
погреться под елками прыжками да легкой заряд
собой через дорогу.
-
Леонид, что будем делать, когда разведка назад
спро сил Марков.
- Ни в коем случае не трогать! -
отвечал Баранов строго. -
Ни в коем случае.
Через некоторое время в стороне Усох, куда уехала немецкая разведка, раздало сь
несколько выстрелов из винтовок. И вскоре взмыленные, изо всей силы погоняемые кнутом
кони пронесли сани с разведчиками мимо безмол
- Молодцы, ребята! - во скликнул с во сторгом Баранов. - Сумели сдержать свои нервы!
Ну, теперь будем ждать главных... Но тоже без
Прошло три часа томительного ожидания, а кара
- Может, отменили поход? -
высказал предположение Баранов.
- Может, и отменили, -
согласился Марков. - Но наше дело ждать.
- Тихо! -
вдруг насторожился Баранов и подал команду пр
Быстро про
скакали двенадцать всадников с автоматами и караби
за ними показались пароконные сани. За ними
"Хуже было бы, если бы они растянулись, -
подумал Баранов, считая сани. -

Любят немцы железный кулак". Он насчитал двенадцать упряжек, прикинул, втянутся ли все они в зону засады. "Лучше пропустить первые, чем задним дать удрать". Но вот и задние сани, на которых, кажется, стоят минометы, втянулись в партизанскую зону. Немцы, закутанные платками, сидят в санях по двое, по трое. Их больше, чем партизан. Только дружный внезапный залп может принести удачу.

И первый залп оказался настолько дружным, что ись, стрелял из десятка автоматов один человек.

Залп этот раздался сразу же, как Баранов бро сил гранату в передние сани и нажал на спусковой крючок своего автомата.

- Огонь! - крикнул он, бро сив гранату. И эта команда слилась с очередью автоматов его товарищей.

Граната, взорвавшаяся на первых санях, уничтожила всех, кто в них сидел, ранила лошадей, и они шарахнулись с дороги, перевернув сани. Одна лошадь упала, загородив собою дорогу. Вторая упряжка, чуть не врезавшись в первую, вильнула было в сторону, чтобы объехать преграду, но автоматная очередь становила и этих лошадей.

Часть немцев бро силась назад, в сторону от дороги. Отстреливаясь от невидимого противника, они стали углубляться в лес. Но засевшие на двух деревьях партизанские снайперы станавливали беглецов. А фашисты, что о ставались на дороге, старались укрыться за санями, метались туда-сюда, лишь изредка по стреливая. Один из офицеров по кювету, заполненно

и уже оторвался от того места, где стояли по следние сани. Но и его догнала меткая
партизанская пуля.
Через несколько дней по сле разгрома этого карательного отряда мы узнали, концентрирует силы в Бацевичах для решительного отпор карателям объединенными силами трех отряд нашего, Изоха и Сырцова.
По предложению командира разведки Елецкого мы заранее о седлали все возможные
пути наступления карателей на Усохи. И не ои свой батальон на три группы.
Узнав от разведчиков о движении противника, наш отряд сделал бро сок по лесу в
северном направлении навстречу первой группе гитлеровцев. Фашисты были встречена
шквальным огнем на лесной поляне, там, где
Вторая группа бандитов Гофмана выступала по дороге Бацевичи - Усохи. И ее также в
самом неожиданном месте партизаны обратили в
Третья группа направилась было в Усохи с юга засаду, немцы бро сились ей на помощь. Однако засевшие на этом направлении партизаны
Сырцова неожиданным ударом разогнали их. Каратели бежали, даже не подбирая убитых и
раненых.
Гитлеровцы отступили с большими потерями.
Однако мы понимали, что Гофман не о становится ни перед чем, будет продолжать
наступление. Собрались на совещание и наметили план новой операции. Нам понравилась
предложенная Елецким тактика встречных засад, и спользоваться ею и на этот
раз - опередить Гофмана, совершить за ночь двадцатикилометровый переход и занять
кличевские дороги. Расчет был такой: Гофман теперь уже точно знает о со средоточении

партизан в Усохах и бро
сит на нас все свои силы. А мы его опять
Мы попро силии жителей на всякий
случай перебраться в лес. А сами в
ночь накануне
годовщины Красной Армии скрытно заняли удобные
на Кличев. Отряд Изоха разместился на
опушке леса вдоль дороги, что вела из
деревни
Заречье на Усохи. Взвод под командованием Влад
пятидесяти метрах от дороги. Наш
отряд расположился в кустарнике возле
деревни
Березовки, по правому берегу реки Ольсы. Отряд
селок Глинное.
Солнце подняло сь, а местно
сть словно вымерла. Прошел час, Другой, третий.
мела поземка. Партизаны стали мерзнуть в засад
лица, по стукивали сапогами, чтобы не
обморозить ноги. Мы со Свистуновым начали
нервничать. Неужели враг не выйдет по намечен
по скакали по дороге в сторону
Кличева, чтобы по смотреть, не двинулись
ли каратели. Но
вскоре вернулись обратно, чтобы не демаскировать
Наконец во втором часу дня по ступило
от разведчиков сообщение, что каратели
выехали. Свистунов подал команду:

- Приготовиться к бою!

Все стали зорко всматриваться в
дорогу, пересекавшую большое заснеженное
поле. Я
стоял на холмике, прикрытом
заснеженными ольшинами, и вскоре увидел
подводы,
двигавшиеся со стороны деревни Заречье.
Подводы растянулись по снежному полю. Я
пробовал со считать, сколько их, но
сбился со счета. Многие гитлеровцы были
закутаны в
одеяла. Это неплохо! Пока эта гадина
выпутается из одеяла, ее можно уложить
одним

выстрелом.

- Не понимаю этого Гофмана! - сказал Свистунов, обращаясь ко мне. Двинул таку без разведки! Или мы прозевали разведку? - и он пытливо по смотрел на Елецкого.

- В последней нашей засаде им разведка только попутала Елецкий. - Гофман, видимо, решил идти напролом. Любят они величать свои карательные отряды то железным кулаком, то железным батал Подводы поравнялись с правым флангом засады. ждали, когда они подойдут ближе к опушке леса, где со средоточились партизаны Изоха. Наконец весь обоз втянулся в зону засады. И повторило сь прежнее - по сле нескольких дружных залпов почти все фашисты были перебиты.

Мы бро сились в атаку, чтобы добить по следних гитлеровцев. Впереди меня бежали Леня Баранов, Петр Евсеев, Гриша Бойко, Иван Марков, Володя Градунов я Елецкий. Фашисты сдаваться не хотели, началась рукопашная схватка. Вдруг я увидел облепленного снегом офицера, который спрятался за убитой лошадью то из наших Но Степан Елецкий опередил фаш командиром батальона Гофманом.

Разгром батальона гитлеровских палачей был нашим подарком двадцать четвертой годовщине Красной Армии.

По документам убитых фашистов, фотографиям, которые они имели при себе, мы поняли, что имели дело с берлинской жандармерией. До прибытия в Белоруссию батальон вел карательные операции в Скандинавских странах где Гофман был снят рядом с виселицами или

* * *

Теперь мы стали, по сути, хозяевами района. Е сли мы не только численно. С каждым

днем повышалась боеспо собно сть и находчиво сть партизан. И если Баранов переживал когда-то, что не знает тактики партизанской борьбы, то "Партизан хитро стью берет, - говаривал он. - Перехитри врага, убей его, а сам о станься целым и невредимым, чтобы убить еще одного".

Хитро сти, изобретательно сти некоторых наших бойцов и командиров не было границ.

Особенно отличался находчиво стью заместитель командира отряда Иван Марков.

Однажды в отряд пришел из-под Бобруйска высокий худощавый боец Владимир Беляков. Он рассказал, что неподалеку от Бобруйска в урочище Еловики о стались еще с довоенного времени склады боеприпасов. Склады ох

Это сообщение взволновало нас. В отряде создал сь критическое положение с боеприпасами.

Ведь мы почти не выходили из боев.

Когда Иван Марков узнал про эти склады, у - Вот это работенка! - потирая руки, сказал Ваня. - Позвольте мне попробовать. -

Что ж, бери группу бойцов, попытайся что-нибудь до стать, - сказал командир.

И вот Иван Марков, Леонид Горбачевский, Волод пять выехали на эту рискованную операцию.

Через два дня четыре подводы патронов были ставлены в партизанский лагерь.

По слали во семь подвод - и снова успех.

А потом о смелели: больше двадцати подвод нагрузили и вывезли также без приключений.

Делало сь это, по словам Ивана Маркова, очень про сто.

Володя Беляков узнал, что охраны около самих складов не было, что шесть

немецких
по стов размещены на дорогах у въезда в город. А партизаны пробирались в урочище не по
дорогам, а лесом. Склады находились так далеко
как партизаны сбивали тяжелые замки и нагружа
Однако пропажа боеприпасов в конце концов была обнаружена, и комендант
Бобруйского гарнизона приказал взорвать склады.
- Ах так! - возмутился Иван Марков. - Теперь комендант будет выдавать мне патроны со
своего склада в крепо сти.
Сказано - сделано. Решили ехать за патронами в Бобруйскую крепо сть. Сфабриковали
накладную на имя коменданта Глусской полиции. Документ получился что надо: с
необходимыми подписями и печатью. Специалистом по этой части был Лев Астафьев - от
природы художник. Небольшая группа смельчаков во главе с Марковым, вооруженная
автоматами, с полицейскими повязками на рукавах
Благополучно проехали на территорию крепо сти. Фальшивой накладной и полицейских
повязок на руках оказало сь до статочно для проезда через все по сты. Но когда за нашими
смельчаками со скрежетом закрылись железные вор
сть
обнесена земляным валом, огорожена колючей проволокой. Кругом немцы. Отсюда не
убежишь.
- Ребята, работка веселая, и теряться нельзя, - тихо проговорил Марков, проходя сбоку
обоза и подбадривая друзей.
Накладная не вызвала сомнений и у начальника склада, неуклюжего верзилы с синим
но
сом. Подписывая документы, он только спро сил:
- А где же сам начальник полиции?
-
Он на боевой операции, партизан гоняет, -

не моргнув, четко ответил Марков. - Около деревни Клятное, знаете, что за погорелым лесом то партизанский отряд. Вот он туда и катанул.

А про себя Марков подумал: "Хорошо, что не отрекомендовался начальником, он его, видать, в лицо знает".

- Неужели о смелился сам выехать? Давно б пора. Сидят, барсуки, а партизаны хозяйничают по району, как у себя дома. А ты кто? - вдруг спро сил фашистский холуй, поднимая красные с похмелья глаза на Маркова.

- Заместитель начальника полиции, - отрапортовал Ваня.

- Гляди! - как-то многозначительно пригрозил тот. - Тебе даю патроны, с тебя и спрошу. Очистите район от красной банды, получишь наг

- Спасибо за доверие, пан комендант, - козырнул Иван, нарочито повышая пьяницу в должно сти. - А за патроны будьте спокойны, используем по

Получив патроны, быстро упаковали их, уложили в повозки и стали выезжать из крепо сти. Все шло хорошо. И только при выезде из города, около мо ста через Березину, получилась заминка. Возвращались по сле пяти часов вечера, уже в комендантский час. Для проезда через мо ст необходим был специальный ночной пропуск. А Единственный "документ" - фальшивая накладная - о стался у начальника склада.

Когда колонна приблизилась к мо сту, Марков с автоматом наготове вышел вперед. На мо сту по ст.

- Хальт!
- Свой! -

сказал Ваня, быстро приближаясь к часовому.

- Пароль! - закричал немец по-русски.

Марков нажал на спусковой крючок. Короткая очередь, и часовой повалился. Кинули

убитого в подводу - и галопом через мо ст, а за мо стом пьяными голо сами затянули песню:

"Развевайся, чубчик кучерявый, развевайся, чубчик,

По шо ссе навстречу ехали немецкие машины с солдатами. Но никому и в голову не

пришло проверить встречных весельчаков.

Проехав километр, свернули с шо ссейной дороги на деревню Зеленку, а там в ле

Марков и его хлопцы были уже в партизанско

Запасшись боеприпасами, мы могли теперь идти на более сложные операции. И вот на

совещании командиров отрядов и группы подпольщиков решили двинуться на Кличев,

уничтожить фашистский гарнизон, со стоявший из двух рот.

На партийном собрании руководителей, отрядов предлагало сь несколько вариантов

операции. И наконец утвердили совместный план

Через несколько дней отряды приблизились к райцентру. По следнюю ночь мы

непрерывно двигались и утром прибыли в деревн

Изох предложил провести дополнительно тщательную разведку. Выяснило сь, что в

деревнях Великая Старина и Березово Болото поя

разыскивает партизан. Мы насторожились. Неужели пожаловали каратели? Немецкое

командование и раньше переодевало своих солдат в гражданскую одежду и под видом

партизан пускало в деревни для грабежей и пр

решили привести отряды в полную боевую готовно сть, усилить работу разведки, но дела

своего не откладывать.

И вот в Константинове появились трое неизвестных, пришедших из Березова Болота.

Разведчики привели их в хату, где расположилис
-
Мы из отряда, которым командует Ливенцев, -
заявили пришельцы.
О таком отряде у нас никто не слышал, и
- Ну что ж, хлопцы, идите
перекусите с дорожки, - го степриимно
сказал Заяц, - а мы
по советуемся.
Командиры отрядов собрались на срочное
совещание. По сле непродолжительного
обсуждения решили пригласить
руководителей неизвестного отряда для
беседы. Назначили
место встречи в лесу.
На всякий случай мы еще больше усилили раз
сты.
На встречу поехал Свистунов. И выяснило
сь, что это партизаны из со седнего
района. В
о сновном красноармейцы, не сумевшие
выйти из окружения. С первых дней
оккупации они
вели подпольную борьбу в Бобруйске,
который фашисты сделали центром военной
власти
нескольких областей Белоруссии. А о
сенью ушли из города и создали
партизанский отряд.
Командиром у них был Виктор Ильич
Ливенцев, кадровый офицер Красной Армии.
Отряд
был хорошо вооружен. Имел 45-
мм пушки, много пулеметов и автоматов.
Партизаны Ливенцева рассказали, как они разыскив
- Вас так оберегает население района! -
удивленно говорил комиссар Дмитрий
Александрович Лепешкин. - Сколько мы
ни пытались доказать крестьянам, что мы
партизаны, нам не верили. Спрашиваем:
"Были у вас партизаны?" Только руками
разводят:
"Партизаны? Не видели!"
Как потом выяснило сь, появление отряда

Ливенцева в Кличевском районе совпало с
выходом карательной экспедиции против наших отр
сторожничали.

Пушки, городская одежда, отсутствие в
отряде местных людей - все это
увеличивало
подозрение у крестьян.
От деревни к деревне по тайным тропам связн
возможной опасно сти. Народ создавал
своеобразный заслон. И этот заслон нельзя
было
разрушить, обойти. Это был нерушимый фронт н
ставшего ся верным своей Родине.
Ливенцеву, его комиссару Лепешкину и начальнику
мы рассказали о своем плане разгрома кличевско
нему с интересом, предложили свою помощь. Мы
винтовки и пулеметы. А у Ливенцева пушки и
...Наступление назначили на шесть часов утра.
Мартовская ночь подходила к концу.
Звезды гасли. Мрак рассеивался. Стали видны
крыши домов. Все четче про ступали
очертания улиц. В небо перестали взлетать
ракеты,
которыми немцы, по словам партизан,
отпугивали страх. Именно страх, а не
партизан. Нам
эти ракеты лишь помогали пробираться по густом
По разработанному плану главный удар
нано сился отрядами Ливенцева и Изоха с
во стока по центру по селка, а отрядом
Свистунова с севера. Отряд Сырцова и
часть сил
нашего отряда должны были не допустить подход
должен был быть выстрел из пушки
артиллеристов Ливенцева, который расположил
свой
отряд рядом с отрядом Изоха вдоль дороги Кл
Поплавы.
В со седней деревне пропели третьи петухи.
- Приготовиться! - скомандовал Свистунов.
Я глянул на часы -
без пяти шесть. По цепи передалась команда п
снова тишина. Мы все напряженней

ждем сигнала. И вдруг морозную предрассветную
тишину разорвал пушечный выстрел. Над по селком про свистел снаряд. Раздался громкий голо
с. Василия Свистунова, которому было поручено руко
- Вперед!
Один за другим раздались выстрелы из винтовок поднялись стаи галок и ворон. То там, то тут возникал пулеметно-ружейный огонь.
Партизаны из-
за домов уничтожали вражеские огневые точки и б
Из домов и сараев выскакивали немцы и поли кого стрелять. Их одного за другим срезали па по сторонам и отстреливаясь, убегали.
- Сволочи! - слышу чей-то злой голо с. -
Вы у нас по спите с удобствами! -
Вслед за этим
брызнуло стекло, и в доме разорвалась граната. тут же свалился, сраженный пулей.
Стрельба перекатывалась по улицам по селка. В сумерках видны были вспышки
пулеметных и автоматных очередей. Слышны угрож "ура!".
Иван Марков, виртуозно стреляя из автомата, наводил страх на врагов, которые
разбегались во все стороны, прятались за домами стрельбой бежали по улице бойцы. Елецкий и
Но гитлеровцы начали понемногу приходить в себя. Некоторые открыли прицельный
огонь из окон домов, с чердаков.
В центре Кличева завязывался сильный бой, мы спешили на соединение с отрядом
Ливенцева. Но теперь нам пришло сь пробираться от дома к дому, стрелять с огля
из-за сарая возле почты выскочил немец и прицелился в Петра Евсеева, который вел свой
взвод в обход почты. Заметив его, Вася Ворбненко короткой очередью из ручного пулемета

уложил гитлеровца. Обернувшись ко мне, Вася задорно улыбнулся и скрылся за домом в направлении к центру.

В это время партизаны Изоха ворвались на площадь и штурмом взяли здание райисполкома, превращенного немцами в казарму. Они захватили в плен до полусотни гитлеровцев и полицаев.

При допро се пленных Ливенцев уточнил, что часть гарнизона убежала на западную окраину, чтобы через старинное кладбище вырватьс беглецов окружили партизаны. Завязавшийся там бой свидетельствовал об отчаянных попытках гитлеровцев уйти от расплаты. Но мы селок в кольцо, и вырваться из него было невозможно.

Попав в безвыходное положение, гитлеровцы укрылись в здании школы. Сильный пулеметный огонь врага заставил Ливенцева отвести партизан за дома. Теперь здесь положение о сложнило сь. Некоторые бойцы попытались пробиться сквозь ш же упали, сраженные пулями.

Стремясь скорей соединиться с отрядом Ливенцева, мы завязали бой. На окраине, где засела большая группа гитлеровцев и полицейских, выбитых из центра, враги укрепились в домах и сараях и вели прицельный огонь. Взя Набережную улицу, чтобы разобраться в обстановке Ивану Маркову и Петру Евсееву. Мы о становились за небольшим сараем и смотрели, как пошли вперед наши партизаны. Еще несколько минут, еще несколько десятков метров, и засевшие за сараем гитлеровцы будут уничтожены. Сгорая от нетерпения, мы со Свистуновым выскочили из-

за сарая, который укрывал нас от прицельного огн
пробежать десяток метров, чтобы укрыться
за со седним домом. Но в это время
с чердака
дома, стоявшего на бугорке, раздался
одиночный выстрел. Разгоряченное боевым пылом
лицо моего командира вдруг побледнело, автомат
на снег около меня. Не понимая, что произош
и увидел, что пуля про стрелила ему
шею, из раны течет кровь. Свистунов, голо
с которого
только что гремел на всю улицу, чуть слышно
-
Не дали, сволочи, довести бой до конца!
Партизаны подогнали подводу и
отправили раненого командира к нашим
санитарам.
Однако вскоре Свистунов вернулся с белой повяз
В ответ на ранение командира
партизаны с новой яро стью бро сились
вперед. Взводы
Петра Евсеева и Ивана Маркова вместе
с пулеметчиками Васей Вороненко, Леонидом
Горбачевским, Колей Дмитриенко разметали о
статки фашистов и взяли пленных.
Вместе с Марковым, Евсеевым, Елецким
и другими партизанами я подошел к
Виктору
Ливенцеву и сказал, что наш отряд свое задан
Ливенцев, в свою очередь, коротко обрисовал обс
окончательного уничтожения гитлеровцев, засевших в
Из кирпичного здания выбить врага
ружейно-пулеметным огнем было непро сто, и
Ливенцев ждал подхода своей артиллерии.
Наконец на площади появило сь орудие,
которое
тащила четверка лошадей. Артиллеристы с ходу
ставили его на прямую наводку, и первый
же снаряд проломил стену, за которой
укрепились враги. Немецкие пулеметы на
какое-то
время смолкли. Этим во спользовались
партизаны и стремительно атаковали кирпичное
здание. Они пробивали себе путь гранатами, рас

Иван Марков и еще человек десять партизан стремительно подбежали к школе и, ворвавшись в здание, вступили в рукопашную сх автоматов, а где и прикладом Марков расчищал путь своим товарищам. И вскоре мы

полно стью овладели центром Кличева.

По сле короткой передышки началась очистка окраины п селка. Остатки разгромленного гарнизона укрывались только в отдельных домах. Их либо уничтожали, либо заставляли сдаваться. Кое-где вновь вспыхивали жестокие, но короткие схватки.

К шести часам вечера смолкли выстрелы. На у гитлеровцев. Около пятидесяти полицейских сдались загнана в полицию. Таких мы отпускали домой сле более тщательной проверки брали в отряды.

Жители Кличева вышли из домов и погребов, где прятались во время боя. Они обступили партизан, про сили рассказать о Мо скве, о положении на фронте.

На следующий день в деревне Константинове на кладбище мы с воинскими почестями хоронили павших боевых товарищей. Партизаны долго стояли у могильного холма, молчаливые и суровые. Глухо шумел окружавший сновый бор...

А на следующий день, на районном партийном собрании руководителей партизанских отрядов, участвовавших в о свобождении Кличева, обсуждался вопро с: что делать дальше в Кличеве? Пришли к решению - раз по следний оплот оккупантов в районе уничтожен, надо во сстанавливать здесь Советскую власть. Народ задыхался от "новых порядков", насаждаемых гитлеровцами.

Но долго ли она про существует на этом о

стровке? Хватит ли наших сил удержать ее?

- Долго ли, коротко -

кто знает! Но надо всем показать, как живуча

как она необходима народу, -

настаивал Заяц, секретарь подпольного райкома пар

И все проголо совали за во

сстановление Советской власти в районе еще до п

Красной Армии.

В связи с тем что большинство членов Кличев

собрание избрало новый со

став райкома. В него вошли Яков Иванович Заяц,

Викторчик, Владимир Павлович Романенко,

Сергей Акимович Мазур и Иван Павлович

Крисковец. Секретарем райкома партии избрали Я.

утвержден Викторчик Петр Матвеевич,

начальником райотделения НКВД - Мазур

Сергей

Акимович.

Для поддержания в районе строгого порядка про

создан специальный отряд.

Партизанские отряды разместили вдоль

границ района с тем, чтобы в любой

момент

можно было отразить нападение гитлеровских карат

На машинке отпечатали обращение

райкома партии к трудящимся района и

по становление партийного собрания о во

сстановлении Советской власти в районе и раздали

партизанам для распро странения.

Ни минуты покоя

По сле о свобождения района от фашистов о

сновные партизанские отряды переселились

на север от Кличева, в Усакинские

леса - самые большие леса Могилевщины.

Здесь была

возможно сть разместить значительные

вооруженные силы и в случае необходимо сти

успешно маневрировать. Надо сказать, что

еще до объявления Советской власти в

Кличевском районе в нашу партизанскую зону пр

собою, по сути, регулярную воинскую часть, дейс

Командовал отрядом бывший командир 208-

й стрелковой дивизии полковник Владимир

Иванович Ничипорович. Комиссаром был

Николай Прокофьевич Покровский, секретарь Руденского райкома партии. Отряд но сил номер 208-й дивизии. В него входило много партийных работников из Руденского и Червенского

Армии, не сумевших вырваться из окружения.

Именно руководители этого отряда помогли нам в первых организационных мероприятиях по во сстановлению Советской власти в нашем районе.

Тогда же полковник Ничипорович предложил всем кличевским партизанским отрядам называться полками и бригадами и в дальнейшем действовать под номерами. Вот и наш отряд стал называться 128-м партизанским отрядом.

* * *

Покончив с гитлеровской властью в своем районе, мы стали думать о новых боевых операциях за пределами района. Серьезными преградами для расширения наших действий были реки - с запада Березина, с во стока Ольса. Зато на север был свободный выход ссе Минск - Могилев и железной дороге Минск Мо сква. На этом направлении было немало мелких вражеских гарнизонов. Их нужно было уничтожить, чтобы очистить себе путь к магистралям.

К этому времени мы крепко подружились с партизанами отряда Ливенцева и действовали обычно совместно. Выход на большие был вполне естественным.

Командование наших отрядов разработало маршрут

При подготовке к этому рейду мы поняли, что ставаться без начальника штаба, который смог бы

грамотно разрабатывать наши боевые операции, и
обратились к Ливенцеву и Лепешкину с про сьбой оказать нам помощь. Мы с командиром
давно облюбовали делового, сугубо военного человека майора Александра Васильевича
Кодача. Был он у Ливенцева командиром взвода, и мы про сили его начальником штаба
отряда. И здесь Ливенцев и Лепешкин по ступили по-
партийному. Они без слов передали нам
своего лучшего комвзвода.
Всегда подтянутый, строгий, аккуратный, Кодач сра
для подражания.
При нем партизаны стыдились ходить растрепанными или содержать в беспорядке
оружие. И что значительно, сам он никому не делал замечаний по поводу внешнего вида.
Говорил с партизанами спокойно, уравновешенно, о
Исходным пунктом нашего дальнейшего движения была деревня Суша. Здесь
располагался первый взвод партизанского полка Ни
местно сти в полукилометре от леса. Через нее проходила дорога на Кличев, а в нескольких
километрах была железная дорога Могилев - Осиповичи. Добротные деревянные дома Суши
утопали в зелени расцветающих садов. Перед дал
решило дать партизанам хорошо отдохнуть в это
Но отдых у нас не получился...
Только мы собрались искупаться в прохладной Сушанке, как прибежал связной и
доложил, что к деревне со стороны города при
- Тьфу, проклятые! - выругался Свистунов. - Не дадут даже о свежиться.
-
Я побуду у вас, пока не выяснится обстановка,
быстро одевшись, сказал Лепешкин и
тут же по
слал своего порученца к Ничипоровичу.

Берег Сушанки сразу опустел. На улице началась обычная при неожиданной тревоге суета. Хозяйственники запрягали лошадей, санитары сили раненых.

Разведка доложила: около батальона немцев поднимается на пригорок, отделяющий Сушу от Усакина. Все гитлеровцы с автоматическим оружием. На пяти подводах станковые пулеметы.

Командный со став трех отрядов на ходу обсуждал обстановку и принимал решение.

Покровский со своим взводом займет окраину деревни, выходящую в направлении Усакина.

Свистунов - колхозные по стройки, которые находились левее расположения отряда Покровского, а Бовкун с нашим взводом и частью отряда Ливенцева пойдут в обход вражеской колонны для тылового удара. Командовавший объединенными партизанскими силами Виктор Ливенцев разместился в заброшенном сарае, на стыке взвода Покровского и нашего отряда.

Гитлеровцы, видимо, узнав от своих лазутчиков, что партизаны беспечно отдыхают, решили нагрянуть на нас внезапно. Но мы быстро привели отряды в боевую готовно сть, договорились, подпустив немцев поближе к селу, сразу же ударить по ним всеми силами.

Однако кто-то не вытерпел, открыл огонь, как только первая группа фашистов перевалила через пригорок. Вражеская колонна дружно развернулась в боевой порядок, залегла и ответила шквальным огнем. Загорелась дальняя окраина деревни, и взвод 208-го отряда

оказался отрезанным от нас. Партизан теперь спа
не давал врагу ни подняться, ни окопаться.
Дружно и метко ударили артиллеристы Ливенцева, удачно расположившиеся на пригорке. По сле первых же разрывов снарядов и мин гитлеровц поисках укрытия. Часть из них бро силась к высотке, поро сшей мелким кустарником. Но в тот же момент в кустарнике взметнуло сь четыре черных столба разрывов. Немцы скатились с высотки и залегли на открытом месте.
Можно было поднимать людей в атаку. Но тут случило сь неожиданное. Из леса, по которому должны были вести своих бойцов Бовкун и Свистунов, на поле боя выскочило большое стадо диких свиней. Подгоняемые стрельбой немцев, свиньи понеслись прямо на наши позиции. Наши бойцы прекратили огонь. И этим во спользовались гитлеровцы. Они сами перешли в атаку. А тут, как назло, од пришло сь бы уходить из села. Но из леса выскочила го партизанского отряда, и немцы оказались в окружении.
Теперь мы снова пошли в атаку. Кольцо вокруг немцев все больше сжимало сь.
Единственный открытый выход у гитлеровцев был седнее село Ольховка. Однако путь им преграждала заболоченная речка. Мы по слали порученца к Покровскому, чтобы тот выслал на Ольховку засаду.
Но Покровский, заметив отступление врага, приказал группе партизан пробраться берегом речки в Ольховку и там на мо сту организовать засаду. Немцы спешно уходили в болотистый лес, бро сая убитых и раненых.
Мы с нетерпением ждали, что в Ольховке гитл сланная Покровским засада. Но уже стемнело, а в Ольховке все

Засада про сидела на месте несколько часов и, не произведя ни одного выстрела, вернулась назад. Оказывается, оккупантов она не
Сначала это было загадкой. А потом мы узнал сь пройти ниже
Ольховки по кустарнику, где через реку была проложена небольшая кладка, по которой проходили, сокращая путь в Сушу, местные жите не закрыли -
не знали о ее существовании.
Впотьмах мы стали собирать трофеи. Нашли обоз и забрали на бричках несколько
станковых и ручных пулеметов. В поисках оружи валялись убитые фашисты.
А утром оказало сь, что партизаны 208-го отряда, зашедшие гитлеровцам в тыл, захватили два орудия и несколько минометов.
.Когда в Бобруйске узнали о разгроме столь сильного карательного батальона, немцы

поняли, что имеют дело не с "бандой", как они вначале называли партизан, а с хорошо
вооруженными боевыми отрядами. Борьбу с партизанами на Могилевщине оккупационные власти решили передать армейским частям, уже
* * *
В глухой лесной деревушке наш отряд о становился на ночь. Проверив по сты, мы с
командиром разошлись -
он к хозяйственникам, по смотреть, чем они смогут кормить отряд, я в санчасть, где теперь были уже и раненые и больные. Стемнело, когда я подошел к
большому, но заметно поко сившемуся дому, возле которого стояли крытые повоз
В сенцах меня встретил дед Митрофан с винто -
Митрофан Иванович, а вы чего не идете в х удивленно спро сил я.
- На по сту стою, -

ответил старик с гордо стью.

- По
сты мы расставили везде, где надо, а вы идите

- Меня позовут, когда будет можно.

- Что значит, будет можно?

Старик Метелица приблизил ко мне лицо и до

-

Я так понимаю, там важное заседание, вот мен
сили часок по стоять, не пущать
никого, чтоб, значит, не мешали. Ну да вам

-

Какое может быть заседание у больных! Может,
старался уточнить я.

- Перевязки там, - кивнул дед
направо, - а в этой половине... мне
так и сказано: со-ве-
щание! И никого, значит, не пущать, окромя ч

Я в недоумении открыл дверь в
левую половину дома. Переступив порог,
невольно
о становился и сразу понял, чему тут
могли помешать по сторонние. В большой
душной
комнате было по-ночному темно. Лишь
в переднем углу под большим столом
тускло горел
сальничек. Желтым коптящим огоньком он
о свещал лица трех партизан, полулежавших на
соломе, застилавшей пол толстым слоем. Это бы
стель. Но тут не
спали. Тут действительно шло какое-
то заседание, а точнее сказать, залегание. В самом
под широкой скамьей, подложив под
ухо радиоприемник, лежал Астафьев и
возбужденно,
размеренно бормотал:

-

Наши войска на этом направлении разбили немец

А лежавшие рядом Владимир Хухряков и Борис

"Ясно, наш "Кренкель" принимает
радиопередачу, а эти записывают", понял я
и затаив
дыхание, тихо, чтоб не мешать, сел у порога
то во тьме, наверное, на кровати

по
сапывал мужчина, видимо, сам хозяин дома. Рядом
то шуршало и
за занавеской на печке. Все в этом доме пр
сь, притихло, будто ждало, когда кончится
бормотание под скамьей. Ждал и я, догадавшись,
с поймали что-то очень важное,
раз в это дело включился и Борис,
который не в силах и шевельнуть долго
не заживающей
ногой. Я старался что-то услышать и
сам. Но Лев диктовал очень тихо, а
радиоприемник
лишь чуть слышно потрескивал. Батареи давно с
лежа на нем, "подключал свое сердце", как шу
Вдруг щелкнул выключатель приемника,
треск оборвался, коптилочка из-под стола
переметнулась на стол, и раздался радо
стный голо с Астафьева:
- Товарищ комиссар, как хорошо, что
вы тут. А то я все равно сразу
побежал бы
разыскивать. Какая сегодня сводка! Вот,
читайте! - И, забрав у Шумилина и
Хухрякова
бумажки, он подал мне. -
Только их надо бы сперва сверить.
-
Один не успевал записывать, так мы на пару,
бодро заговорил из-под стола Борис.
- Нога-
то твоя как? Тебе надо ее держать в покое, а
ворчу на него.
-
Товарищ комиссар, опять наши устроили немцам

под корень!
- Дядя Боря, а дивизия -
это целая тыща? - по
слышался бойкий детский голо сок с печки.
- Это кто спрашивает, ты, Кастусь? -
спро сил Борис. - Дивизия - это десять
тысяч,
Ко стик!

- А несколько - это пять? - оттуда же спро
сил писклявый девчоночий голо с.

-

Несколько, в данном случае не меньше семи.

- Значит, семьдесят врагов наши убили, - по слышался с печки третий голо с.

- Эх ты-ы! Семьдесят тысяч, а не семьдесят! - поправила более солидным голо
сом,

видно, девочка лет двенадцати.

"Да сколько их там, на печи?" - удивился я.

-

Ура! Семьдесят тысяч фашистов наши победили! раздало сь все на той же печке.

-

Марфа Егоровна, можете зажигать лучину и вооб разрешил

Лев.

- Я согласен месяц не дышать, чтобы слышать, как их колошматят наши, раздался

хриплый бас с кровати, и ко мне подсел взлохмаченный мужчина с огромными усами на

круглом улыбчивом лице. - Товарищи только вселились, мы им хотели бульбы сварить. Да

они попро сили часок по сидеть тихо, а сами расположились возле радио. А нам тако ж

интересно. Вот мы и не дышали.

- Кастусь, можете выбираться из засады, - сказал Лев.

- Ура! - раздало
сь на печке, и оттуда один за другим стали

Я насчитал их семеро. И мелькнула мысль: "За каждого из этих малышек наши

уничтожили по дивизии палачей... Неплохо!"

Быстро прочитав сводку, я попро
сил Хухрякова переписать ее для меня.

- А чтобы рана скорей зажила, разрешите нам еще одно дело, товарищ

комиссар, -
обратился ко мне Шумилин. -
При деле я скорее выздоровею.
- Что ж это за дело? -
заинтересовался я.
- Будем выпускать боевой листок, -
заявил Борис, - только помогите с бумагой.
_ Боевой листок? -
заинтересованно повторил я.
_ Да, пока я начну ходить, мы и журнал будем издавать, - все больше воодушевлялся
Шумилин.
- Это серьезный вопро
с, и надо его обмозговать со всех сторон, -
сказал я, - но думаю,
что командование это дело поддержит.
- Машинку бы пишущую нам! -
мечтательно протянул Борис. -
Ну да пока что будем и от
руки писать. Володя пишет как печатает.
Признаться, я обрадовался, что у меня в отряд
кто уходил на задание, напоминал о бумаге, а от хозяйственников в приказном порядке
требовал добывать бумагу для нашей зарождающейс
* * *
Партизанские отряды на Могилевщине ро
сли, накапливали опыт совместной борьбы с
захватчиками. Партизаны все чаще стали проводить
За счет разгрома вражеских гарнизонов партизанская зона все расширялась. Назрела
необходимо сть создания оперативного центра по координации действий партизан
нескольких районов. По решению Центрального штаба партизанского движения и
Могилевского подпольного обкома партии при 208-м партизанском отряде был организован
Кличевский оперативный центр. Возглавили его сна
П. В. Яхонтов, комиссаром был бригадный комиссар А. С. Яковлев, начальником
штаба полковник В. М. Айрапетов. В оперативном подчинении этого центра находило

партизанских отрядов, в том числе и наш 128-й.

На одном из совещаний, проведенном в этом центре, приняли участие представители подпольных райкомов партии и командования партизан Кличевского, Березинского и Кировского районов Могилевской области и было решено совместными усилиями уничтожить вражеские гарнизоны, располагавшиеся се во сточнее Усакинских лесов. Эти сильно укрепленные гарнизоны терроризировали насел План операции был разработан с учетом всех предусматривал нападение объединенных партизанских сил сразу на во семь вражеских гарнизонов.

Наш отряд должен был разгромить главный опорный пункт гитлеровцев в селе Журавичи, где засело более сотни хорошо вооруженных немцев и полицейских. Их огневые точки были окружены окопами и колючей проволокой. Все это наша разведка изучила заранее.

Теплым весенним вечером отряд в полном боевом порядке двинулся по лесу. Под прикрытием темной ночи мы подошли незамеченными к Журавичам. Бой был намечен на четыре часа утра, когда враг еще спал. А м Пока о сновные силы отряда готовились к атаке, группа разведчиков во главе с Градуновым отправилась в село, чтобы в нужный момент бесшумно снять часовых на главной заставе и быстро продвигаться к центру села, куда подо спеет рота Евсеева. Вторая рота под командой Николая Чернова получила задание наступать на северо-

западную часть
села. Третья рота должна была занять центральное здание гарнизона. А взводу Николая
Гребенюка надо было выбраться на дорогу из Журавичей на Белый лог и перекрыть
отступление гитлеровцев из гарнизона.
По сле кличевских событий фашисты всех крестьян считали партизанами, поэтому
выгоняли их из домов, в которых по селялись сами. С помощью своих людей из Журавичей
мы заранее со ставили план села и знали, в каком доме наход
огневые точки.
Еще в лагере подумали мы и над тем, что
перестреляли друг друга - ведь наступление пойдет со всех сторон. Майор Елецкий внес
предложение нашить белые ленты на головные уборы партизан - так издали будет видно
своих. Каждый отодрал себе ло скут от нижней рубашки и нашил на головной
непривычно. Ведь мы но сили алую ленту. Но это спасало от неразберихи.
И вот в предрассветной тьме по отряду прошл
- Приготовиться!
За несколько минут все подразделения отряда бы ском обложили спящее село.
И тогда громко, внушительно крикнул командир:
- Вперед, партизаны!
Все ринулись в наступление, отделение за отделением. Елецкий бежал с группой
разведчиков к заставе, куда был ото слан Градунов с несколькими смельчаками. Я увидел
Градунов выскочил из- за сарая и ударом штыка свалил немецкого часово
путь. Елецкий со своим взводом, а за ним и
как белые гуси, выскакивали фашисты из окон и, отстреливаясь, бежали по селу. Но везде
рвались гранаты, строчили пулеметы и

автоматы, гремело партизанское "ура!". Гитлеровцы
стали прятаться за сараями, открывали стрельбу. Кто-то из партизан зажег крайний сарай,
крытый соломой. Яркое пламя о светило Журавичи. Немцы, не зная, что творится в седних
селах, ракетами запро сили помощь. Но им никто не ответил, потому что в это же время
начался штурм всех других окрестных гарнизонов. Видя свою беспомощно сть, фашисты

стали убегать из села по единственной известной
такой дружный пулеметный огонь, что ни один
Оставшиеся в селе гитлеровцы мало-помалу пришли в себя, поняли, что бежать некуда
засели в блиндажах и окопах и начали отчаянно сопротивляться. Особенно яро стной была
схватка в центре, где в каменном поповском доме засели фашисты с огнеметом и тремя
пулеметами. Все попытки партизан взять это зда
здесь было пристреляно, и подползти к дому
И вдруг я увидел, как из вражеского окопа, откуда только что бил немецкий пулемет,
выскочил Ваня Кукушкин с гранатой в руке. Кошкой метнулся он к куче битого кирпича и
залег. Из дома его заметили, и по кирпичу
- Кукушкин, не поднимайся! - крикнул я ему. Мне важно было удержать его, заставить
лежать до конца боя. Но я не был уверен, что это мне удастся. Ведь еще там, в лагере, я
запретил ему идти с отрядом на эту опасную слушался, пробрался
вот на самый передний край. А ведь ему во стом он отстал
от своих сверстников. Уж куда ему

в такой бой! Боясь, что Ваня все же поднимет голову и
сразу же погибнет, приказываю партизану, залегшему с ручным пулеметом за углом сарая,
перенести огонь на то окно, из которого только что по Ване бил вражеский пулеметчик.
Партизан оказался сноровистым, он быстро уловил
пулемет умолк. Не успел я перенести взгляд с
голову и переметнулся к дому. В тот же миг взмыла вверх его граната и, упав в окно,
взорвалась. В доме умолк еще один пулемет. Н
землю не как положено, а как-то неловко сопротивляясь падению. Он ухватился пра
за левое плечо и, обмякнув, свалился на спину. Из-за сарая опять ударил наш пулемет, и к
раненому Ване подбежали двое наших автоматчиков. Один начал бро сать в окна гранату за
гранатой. А другой, прикрываясь клубами дыма, потащил раненого юношу в блиндаж. Но
Ваня Кукушкин уже не дышал.
Завидную отвагу и удаль проявил в том бою командир взвода Василий Быков. В
западной части гарнизона десятка два гитлеровцев залегли за сараем и стреляли из трех
пулеметов во все стороны. Бойцы Быкова, укрываясь за со седними домами, стали бить по
вражескому гнезду перекрестным огнем. Немцы бро сились по низинке наутек. Видя, что
враги уходят из-под прицельного огня, Быков поднялся во весь ро ст и, несмотря на то, что со
всех сторон жужжали свои и чужие пули, пустился вслед за отступавшими. Бой подходил к
концу, когда с чердака одного из домов разда

сраженный насмерть.

Героически сражался политрук второй роты Петр Липоткин. Преследуя фашистов по улице, Липоткин заметил, что партизанам, выбивавшим гранатами из окопов полицаев и немцев, грозит опасно сть - с тыла к ним ползли два фашиста. Нужно было подать ребятам сигнал, оказать им помощь. Липоткин выбежал и за дома и под обстрелом врага побежал по огороду. Когда один из подползавших к нашим ребятам фашистов поднял руку, чтобы метнуть гранату, Липоткин о становился и метким выстрелом уложил фашиста. Но и сам политрук упал - пулеметной очередью ему перебило правую руку. Истекая кровью, он застонал. Его услышала Нюра Соколова, которая наряду с другими партизанами стреляла из автомата по врагу. Она подползла к раненому и начали делать перевязку. И тут пулеметная очередь ливнем обрушилась на них откуда-то с крыши. Надо было скорее спасать раненого от явной гибели. И Нюра потащила его к траншее, из которой уже выбили немцев.

Оставало сь несколько метров до спасительного укрытия, но тело политрука безжизненно обмякло. Напрягая по следние силы, Нюра затащила убитого за угол сар

ро ст, присоединилась к партизанам, бежавшим на штур следнего вражеского укрепления.

Впереди этой группы бежал Градунов. Лицо его Родину!" - они ворвались во двор каменного дома и забро сали гранатами все входы и выходы. Видя, что окружены, гитлеровцы стали черным ходом убегать в сад, но

и там их настигали партизанские пули...

Бой закончился только вечером. Гитлеровского гарн

Наш отряд в том бою потерял шестерых. Пали товарищи.

Тихо догорала золотистая заря над майским изумрудно-зеленым лесом. В строгом безмолвии стояли высокие со сны вокруг небольшой поляны. По среди поляны группа партизан с обнаженными головами отдавала по следние почести героям. Все смотрели на братскую могилу. На глазах слезы. На почерневш ветров усталых партизанских лицах печаль.

Сурова и грозна партизанская печаль. Но не к более лютая ненависть к врагу, которая порожда сть, и находчиво сть, и отвагу.

Ночевали мы в селе Дулеба в небольшом пустом доме. Рано утром меня разбудил мой
порученец и сообщил, что пришла Нюра Соколов то срочному вопро су. Я наскоро
оделся и, не зажигая коптилки, при которой с сил Нюру, с чем
она пришла, не умер ли кто из раненых. Н попро сила зажечь светильничек.
-
Тут надо вам срочно прочитать одну бумажку, прошептала она, - а только Саша пусть
за дверями по стоит и никого пока не впускает.
Несколько озадаченный, я приказал порученцу заже
В комнате замигал настолько слабый желтый огонек, что, когда Саша закрыл за собою
дверь, он чуть не погас. А Соколова сразу же до стала из-за пазухи крохотную лощеную
бумажку и дрожащей рукой подала мне.
-
Читайте, товарищ комиссар, и растолкуйте мне, ч
Я пробежал глазами несколько строчек печатного
и, наверное, очень взволнованно спро сил Нюру, где она это взяла, потому что она
тихо спро сила в свою очередь:
- А что оно такое?
- Гестаповский пропуск. С этой бумажкой в любом немецком учреждении человека
примут как своего.
-
Чи ж то правда! Так кто ж она такая, та
И, придвинувшись ко мне, Нюра в самое ухо
По сле журавичского боя к нам пришла группа бежен сьбой принять в отряд. Мы
взяли только двоих, как более боеспо собных, а о стальных устроили в селе. Принятые нами
были муж и жена. Оба учителя. Ему было л на образованно сть, оба заявили, что

готовы исполнять любые поручения. А так как они не
претендовали на то, чтобы находиться вместе, то слали в хозвзвод, по скольку он
даже стрелять не умел, в чем смущенно созна надо, то и санитарам. С первого дня эта же то прильнула к Соколовой, и жили они
вместе. И вот минувшим вечером эта красавица укладывала свою черную ко су и выронила
эту туго скрученную бумажку. Сначала Нюра под статок бигуди, но что-то ее
толкнуло развернуть бумажку, и она это сделала сь.
Я ото слал Нюру до сыпать утренний сон, а сам тут, же пошел к Голубовскому. Бывший
начальник минского отделения милиции И. И. Голубовский возглавлял спецчасть отряда.

Суховатый, небольшого ро ста, очень тихий человек, Голубовский все делал не спеша.
Про смотрев бумажонку, он как-то уж очень хладнокровно сказал:
-
Грубо они работают. Заткнуть бабе в голову та это же пойти на явный
провал.
И он рассказал, что от могилевских подпольщиков ему давно известно, что областная
школа фашистских разведчиков подготовила большую группу шпионов-диверсантов и
заслала их в партизанские отряды по всем рай сигнальщики, и отравители, и диверсанты. И вот
- Так они, значит, с мужем вдвоем? -
спро сил он.
- Никакие они не муж и жена, -
махнул тот рукой. -
И их не двое, а четверо. Двое у меня
давно на прицеле. Так что теперь всех можно
-
Почему мне ни слова об этом не сказали? -

спро сил я с обидой.

-

И командир не знает. Даже самому себе молча
все так же холодно ответил

Голубовский. -

Метод, дорогой товарищ комиссар. Не обижайся.
следить за каждым шагом этого зверья.

В этот день все четыре шпиона предстали перед партизанским судом. У женщины был

найден яд для горячей пищи. Его было так
и этой мало сти было до статочно, чтобы отравить несколько сот людей.

По

сле этого случая мы стали строже подходить к

В группу Голубовского мы добавили еще несколько человек по его выбору. Теперь мы

убедились, что этот отряд является нашим надеж

* * *

Сани, на которых зимой возили раненого Шумилина, давно заменили пароконной

повозкой, и теперь эта подвода называлась редакцией. В распоряжении Бориса был

радиоприемник "Север-бис". Он принимал сводки Совинформбюро, а потом Хухряков и

Астафьев размножали их, переписывая от руки. К
передавали тем, кто шел на задание, для расп
странения среди населения.

Зная правду о событиях на фронте, люди лучш
сились к партизанам.

Однажды в походе ко мне подбежал Хухряков и с таинственным видом пригласил в

"редакцию". Я улыбнулся, вспомнив, что у нас подразумевается под редакцией, и веселым

тоном спро
сил адрес редакции и на каком этаже она поме

Хухряков принял шутку и, не задумываясь, ответ

- Адрес нашей редакции: тыл врага, а этаж, пожалуй, второй. Сейчас вы увидите, что

сделано, и скажете сами, что мы поднялись эт
Я давно чувствовал, что редакционная тройка что-то затевает. Но молчал. И сейчас
сделал вид, что ни о чем не догадываюсь, и пошел вслед за редактором. Мне, признаться,
очень хотело
сь знать, чем хотят меня обрадовать мои друзья.
все мои ожидания. Когда я догнал повозку, Ле
общую тетрадь. На голубой картонной обложке тетради огромными красивыми буквами
было написано:
"Партизан-диверсант". Более мелким шрифтом расшифровывало сь: "№ 1, май, 1942 год.
Орган командов. и парт. организации 128-го партизанского отряда".
А над всем этим красными буквами были наче
боевым кличем партизана:
"Смерть немецким оккупантам!"
- Журнал! - благоговейно взяв эту тетрадь в руки, произнес я, кажется, дрогнувшим
голо сом. - Наш, партизанский, журнал!

В той обстановке эта вещь была очень дорога мне, партизанскому комиссару, как знак
возро сшего само сознания моих товарищей по борьбе, уверенно сти в своих силах. Наши
листовки, сводки уже побывали в руках полицаев и самих немцев. За голову одного из тех,
кто печатает их, в фашистской областной газете
гитлеровцы за голову того, кто по смел издавать журнал в их глубоком тылу, где они все
считали покоренным и растоптанным?
Бережно раскрываю первую страницу и узнаю печатный почерк Хухрякова. Буква "д" у
него очень уж витиевата и даже в середине слова похожа на заглавную.

Раньше такими замысловатыми буквами начинались главы в дорогих книгах. Крупным шрифтом на этой странице написано сообщение Совинформбюро о бе

- Здорово! - похвалил я ребят и раскрыл следующую страницу

- Здесь мы начинаем летопись нашего отряда, - быстро заговорил Астафьев. - Ведь, кроме нашей пятерки, никто не знает, как и

- Дело это нужное, - одобрил я.

Листаю дальше. "Советы молодым партизанам".

"Располагайся в засаде с таким расчетом, чтобы подвергся ударам с нескольких сторон".

"Во внезапном бою действуй дерзко и быстро.

Приятной неожиданно стью были страницы юмора в конце журнала. Особенно удачно был высмеян поход "железного" батальона, который мы разгромили возле деревни Суша.

По сылая батальон на разгром кличевских партизан, фашистский генерал обещал командиру Железный крест, а случайно уцелевшего офицера тот получил березовый крест. Наш художник изо Железного креста до березового.

Лев Астафьев оказался неплохим рисовальщиком. Он для журнала нарисовал два портрета лучших партизан. И сходство было тако он изображал. Душой же редакционной тройки б редактор журнала.

Познакомившись с первым номером партизанского ж центром духовной жизни отряда, и решил помога

Всего с мая 1942 года было выпущено 13 номеров журнала "Партизан-диверсант". Они передавались из рук в руки, из одного подраз цепочке, доходили до сердца каждого, партизана. Многие номера хранятся у меня и до сих пор.

Редакционная тройка делала журнал в перерыве между боями. У каждого из них были нелегкие партизанские обязанно сти. Володя

Хухряков был метким стрелком, Лев Астафьев считался хорошим подрывником и вместе с товар с 4 эшелона врага.

Борис Шумилин по сле выздоровления был назначен политруком разведки сотрудничал в журнале М. Сердюк, парторг 128-го отряда. Он хорошо знал жизнь отряда и людей и пользовался у них большим авторитетом как боевой командир и хороший политический работник.

* * *

Мы стояли в небольшом селе, из которого вы Майское утро было светлым и солнечным, как по заказу, - для партизан этот день был праздничным. За несколько дней перед тем было присягу. Партизаны чистились, подтягивались, готовились как на парад. И вот над зданием школы, где находился наш штаб, взвило сь красное знамя. Народ повалил на пришкольную

площадь по смотреть на партизанский праздник.

Отряд выстроился на бывшей школьной линейке, и это напоминало все лучшее, что было у нас до войны, - и Первомай, и начало учебного года, и открыт

Я подошел к торжественно-суровому строю партизан и громко, насколько позволял мне голо с, начал читать текст присяги. А сотни сильных возбужденных голо сов дружно повторяли:

"Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, присягаю, что не пожалею сил, самой жизни для дела о свобождения моего народа от немецко-фашистских захватчиков и палачей и не сложу оружия до того времени, пока родная советская земля не будет очищена от немецко-фашистской нечисти. Я клянусь строго и неуклонно выполнять

приказы своих командиров и начальников, строго
военную тайну.
Я клянусь за сожженные города и
села, за кровь и смерть наших жен и
детей, отцов и
матерей, за пытки и издевательства над моим
о станавливаясь ни перед чем, всегда и
всюду, смело, решительно, дерзко и безжало
стно
истреблять оккупантов. Я клянусь всеми
путями и средствами активно помогать
Красной
Армии, повсеместно уничтожать фашистских
палачей и тем самым содействовать
быстрейшему окончательному разгрому кровавого фаш
Я клянусь, что скорей погибну в жестоком бою
белорусский народ в рабство Кровавого фашизма.
Слова моей священной клятвы,
произнесенные перед моими товарищами, я
закрепляю
собственноручной подписью н от этой
клятвы не отступлю никогда. Если же
по своей
слабо сти, трусо
сти или по злому умыслу я нарушу свою присяг
пусть умру я позорной смертью от рук своих
Когда отзвучали по следние слова клятвы,
в толпе собравшихся селян вдруг
по слышало
сь "ура!". Сначала это были юные голо
са. Потом их подхватили взро слые. К этому
стихийному выражению во
сторга подключились мощные голо
са партизан. И громовое "ура!"
понесло сь над селом... Еще не утихли
возгласы во сторга, как ко мне подошли во
семь
деревенских парней, добротно одетых, о котомками
Направляющий, высокий желтокудрый паренек с авт
стальных за поясом по
гранате. Остановились по команде, и кудрявый, л
-
Товарищ комиссар партизанского отряда, бывшие уч
нашей школы про сят принять их в

боевой партизанский отряд. Мы тоже клянемся бить
фашистов до по следнего дыхания!
Отказать ребятам не было сил. Мы приняли и
Интересно отметил это событие наш журнал. В нем был напечатан текст "Клятвы
партизана". А половину страницы занимал перерисо мать
зовет".
Наш художник очень удачно вмонтировал в этот плакат и текст присяги. Получало сь,
что женщина, олицетворяющая Родину-мать, в правой руке держит текст партизанской
присяги, а левой призывает людей к борьбе.
Вести с Большой земли
В середине мая, возвращаясь с задания, несколько партизан Ливенцева и двое наших
встретились с девушками-десантницами. О себе десантницы ничего толком не сказали, но
настаивали на встрече с партизанским командовани
Мы пошли на эту встречу. От каждого отряда
...Ярко светило полуденное солнце, когда мы о становились среди леса. Павел Иванович

Кожушко, командир диверсионной группы Ливенцева, был за проводника. По его знаку мы
привязали лошадей к деревьям и пошли за ни секе.
Вдруг на про
секу вышла девушка в красноармейской форме - в аккуратно подогнанной
гимнастерке, галифе, сапогах и кубанке, из-под которой выбивались кудряшки цвета
со сновых стружек.
- Елена Колесова! - попро
сту представилась девушка и повела нас по лесу.
Вскоре мы о становились возле зеленой палатки. И сразу же, словно сухой хворо ст в
ко стре, вспыхнул разговор. Лена Колесова рассказала о том, какая трагедия произошла с их

группой при выбро ске из самолетов. Две девушки повисли на запутавшихся в деревьях
парашютах. Одна обрезала стропы и при падении разбилась насмерть. Вторая повредила
позвоночник. Троих еще в небе отнесло ветром
следующий день разведчицы провели в поисках друг друга. Зину нашли только к вечеру,
умирающей. Оказать медицинскую помощь было нечем и некому - медсестра и врач
приземлились неизвестно где. Ее похоронили здесь
Чувствовало сь, что эту трагедию девчата переживают очень тяжело. Пока Лена
рассказывала, лица ее подруг помрачнели, у неко
- Как плохо, что о нас там не знают. Была бы связь с Большой землей, мы бы вас
встретили, - сказал я девчатам. -
Не пришло
сь бы вам спускаться на головы фашистам.
- У нас есть связь с Центром, -
быстро сказала Лена, -
мы вам поможем с ним связаться. И
минами снабдим, у нас этого "имущества", -
она так и сказала: "имущества", - в до статке...
Ох и обрадовались же мы! И тут же попро сили передать в Центр наше первое
сообщение.
Мы, конечно, понимали, что ответ придет к на
две мины, решили отправиться на железную дорогу организовать фашистам наш новый
"большой подарок". Пошло со мною двенадцать ч
Вышли к железной дороге близ станции Красная Горка. Остановились в лесочке на
небольшой возвышенно сти. Отсюда была видна железная дорога и светящийся красным
огнем светофор. В сторону от станции дорога делала плавный поворот и уходила в лес.

Кругом тишина, только слышны гудки и шипение
я о сматривал все вокруг. Вот она, безотказная река, по которой плывут на фронт потоки
смертоно сных грузов. Железная дорога показалась мне ползучей черной гадюкой, которую
надо немедленно уничтожить, изрубить на куски.
Подзываю Володю Градунова, Толика Галкина и
скова.
- Вон там, - указываю на низинку, -
поезд пойдет под уклон. Видите, как хорошо,
выбрали место возле станции, немцы здесь даже патруля не выставили: уверены, что так
близко партизаны не подойдут.
Бойцы взяли мину и мешок с толом. Влево я выслал охрану во главе с пулеметчиком
Гришей Бойко, вправо - пулеметчика Леонида Горбачевского. Со мной - о стальные. И вот
минеры поползли к железнодорожному полотну. Мы
было видно продвижение и минеров, и групп защиты. Наконец Градунов и его товарищи
до стигли дороги. Залегли. А тут на семафоре загорелся зеленый свет - скоро пойдет поезд.
Успеют ли заложить мину и отойти? Уже по слышался шум паровоза, с тяжелым пыхтением
набиравшего скоро
сть, а Володя Градунов с миной только вылезал
Ванюшка Коло
сков лежали в кювете и охраняли Володю.
- Не успеет! - шепчу я в до
саде. Но Володя очень быстро подкопался под рел
ставил
мину и засыпал песком. Паровоз набрал полную скоро сть и быстро катил под уклон. Но
минеры уже были у опушки леса.

Я с тревогой по
сматривал на удалявшихся от дороги минеров. И к
видя, как мчится навстречу своей
гибели фашистский эшелон. А мои
товарищи вслух
высказывали свой во сторг:
- Семь вагонов с танками и еще какой-
то чертовщиной под чехлами!
- Два зеленых вагона, с офицерьем!
-
А в трех задних, наверное, боеприпасы. Вот рва
И вдруг мы все словно онемели -
паровоз промчался по нашей мине как
ни в чем не
бывало, да еще и прогудел этак победно, слов
сил нам в лицо: "Плевал я на вашу мину!"
Протарахтел по следний вагон, мы о
стались пристыженные и опустошенные. Володя
Градунов встал передо мною навытяжку, как про
ставил мину, как ее маскировал. По его слова
- Товарищ комиссар, я заберу мину,
пока не пошел путевой обходчик! предложил
Градунов. - В лесу по смотрим, что случило
сь.
Это было слишком рискованно, и я не разреш
Но тут все вступились за Володю,
стали меня уговаривать пойти на риск.
Пришло сь
уступить. И вот Володя, Толик и
Иван снова поползли к железнодорожному
полотну, сияли
мину и вернулись. Мы с Градуновым
и Галкиным стали рассматривать ее, искать
неисправно сть.
- Ах ты, черт! -
вдруг, хлопнув себя по лбу, во
скликнул Градунов. Глубоко мы ее засадили,
вот рельс и не прогнулся до чеки. Идемте,
- Стой, торопыга! - о становил я. -
Надо разобраться, так ли это.
- Так, так, товарищ комиссар! -
подтвердил Горбачевский.
Бойко присоединился:
-

Правы ребята: мина должна быть на сантиметр
первым колесом паровоза прогнется -
и замкнет контакт!
- Все стали инженерами! -
еще раздумывая, заметил я.
Но согласиться еще раз попробовать мину пришл
сь.
Опять Градунов, Галкин и Коло
сков на железной дороге.
И опять на семафоре загорелся зеленый свет,
слышался шум отходившего от
станции эшелона. Градунов с миной выполз на
сков
охраняли его по бокам. В готовую
ямку Владимир быстро заложил мину и
засыпал землей.
Поезд только поднялся на взгорок, а минеры у
Мы все замерли, глядя на приближавшийся эшел
В этом со ставе было несколько
платформ с военной техникой и две
цистерны. Мы
считали минуты, секунды, мгновения. Вот
паровоз, как и первый, про скочил передними
колесами нашу мину. Но тут же
воздух потряс оглушительный взрыв. Паровоз
сошел с
рельсов и завалился. Зеленые вагоны,
платформы и цистерны полетели друг на
друга.
Горбачевский и Бойко ударили из
своих пулеметов. Цистерны загорелись и
начали рваться.
Подняло сь огромное красное пламя,
закрывшее небо. Оно охватывало все
вокруг, и жар его
чувствовался даже здесь, в лесу. По
крикам, которые доно сились с места
крушения, мы
поняли, что в зеленых вагонах ехали немцы, в
От станции тут же отошел поезд с
солдатами, которые стали обстреливать лес
еще
издали. Но мы, не отстреливаясь, чтобы не об
В отряде нас встретили радо стной

вестью - получен ответ на радиограмму, которая
через штаб фронта была до ставлена в штаб партизанского движения. Центральный штаб
партизанского движения поздравлял нас с до стигнутыми успехами и предлагал усилить
удары по железнодорожным и шо ссейным коммуникациям врага. Штаб обещал выслать

самолеты с оружием, боеприпасами и радио станцией, запрашивал наши координаты и
возможно сть по садки.
Таким образом решался один из важнейших вопро сов нашей боевой деятельно сти -
по стоянная связь с Большой землей.
Встала очень серьезная проблема - где принимать самолеты? Там, где сейчас мы
находились, самолетам не только нельзя совершать садку, но и сбрасывать грузы опасно -
они могут попасть в стан врага. Решено было возвратиться в Кличевские леса, оттуда же и
по
сылать во все стороны диверсионные группы на до
Блокада
Мы начали готовить отряд к широкой диверсионной работе. Совместно с Ливенцевым
стали обучать партизан подрывному делу. Наряду с этим готовились к переходу на старые
базы в Клияевский район. И вдруг разведка донесла, что в направлении Белавичей, где мы
стояли, движется большая колонна фашистов.
Поднятые по тревоге, оба отряда выступили навс
еще на пути к селу. Но гитлеровцы уже под
Отряд Ливенцева и часть нашего отряда заняли стройки, расположенные на
пригорке, а гитлеровцы на другой стороне дорог
от села полем зеленой ржи. Местно сть была открытая и хорошо про стреливалась.
Ливенцев, руководивший этим боем, взяв группу
ржи. Но немцы разгадали маневр.

Отсекли его группу от отряда и вынудили залечь в придорожной канаве.

Бой затягивался. Мы несли потери и не находили выхода из трудного положения. Но наши бойцы не хотели отступать, они рвались

Когда у Виктора Ливенцева фашисты убили двоих партизан, пулеметчик Алексей Платонов бро сился к насыпи не до строенной перед войной узкоколейной дороги. Он полз почти на виду у немцев, строчивших из пулем

- Лешка, вернись! Ложись, Лешка! - кричали ему, желая о становить.

Но он все полз и полз по бровке насыпи. понял, что Платонов решил пожертвовать собою, весь огонь со средоточить для поддержки отчаянного парня.

Очутившись в кювете, Алексей поднялся и вскину

- За мной! Вперед! - закричал он во весь голо с. Во ржи прокатило сь "ура!". Вся группа Ливенцева пошла в атаку. Но вдруг герой пока

чтобы он отошел назад. Но Алексей, раненный следние силы, поднялся во весь ро ст и, шатаясь, пошел прямо на гитлеровцев.

- Комсомольцы! Вперед! За Родину! - исступленно звал Платонов.

Стрельба на вражеской стороне как по команде мы их обошли и потому так смело идем в

Партизаны с трех сторон приблизились к обороне фашистов, и те стали убегать через кустарник.

Несколько товарищей подхватили умирающего Алексея

- Вперед! Вперед! - несло сь со всех сторон.

Первым бро сился на вражеские позиции Леонид Баранов. Но, не добежав нескольких метров, он упал, раненный в живот. Я тут ж

пуль противника партизан Тимахович ползком добрался до раненого и под

прикрытием
наших автоматчиков вытащил его с поля боя.
Совсем еще молодой пулеметчик Володя
Терешко долго строчил из пулемета,

поддерживая партизан. Но враги обнаружили его
сразили его насмерть. Друзья Володи,
забрав его пулемет, продолжали вести
огонь. А
партизан Михаил Синюкаев взвалил убитого на п
Когда победа, можно сказать, была уже обеспечен
атаку в группе автоматчиков. Вдруг с
чердака дома щелкнул винтовочный выстрел.
Кодач
о
становился, схватился за грудь и стал опускаться
его на руки и оттащили за колхозный амбар.
- Ты ранен, Александр? - спро
сил Лепешкин.
Кодач открыл глаза, мутно по
смотрел на нас и тихо произнес:
- Нет, убит.
И умер на наших руках.
Смерть нашего начальника штаба была тяжелым
По сле этой неожиданной битвы в
нашей санчасти значительно увеличило сь число
раненых, среди них был Леонид Баранов, любиме
Сразу же по сле боя я пришел в
санчасть. Баранов лежал на широкой по
стели в
деревенской хате. Он не шевелился, но что-
то тихо шептал. Подойдя поближе, я увидел его
смертельно бледное лицо и вздернутый зао
стренный но
с. Веснушки еще ярче выделялись на
его побелевшем лице. Я смотрел на
этого отчаюгу, как его все называли в
отряде, и сердце
щемило. Неужели мы потеряли этого парня? Сто
Уходя, я предупредил начальника санчасти
Петровского, чтобы о со стоянии этого
партизана докладывали мне каждый час.
Петровский был опытный врач и сердечный
человек. За короткое время он создал санчасть

был о собый...

А я все время думал: как быть с Барановым выступать. "Для нашего продвижения на прежние базы один день ничего не значит, а для него, - думал я о Леониде, - этот день может стать роковым". И я убедил завтра еще не выступать.

А когда мы через сутки снялись с места и сле полудневного перехода о становились в знакомом нам селе Дулебы, разведчики стали пр сить тревожные вести: в села, со седние с Кличевским районом, прибывают моторизованные гитл К вечеру стало ясно, что вокруг Кличевского р войск.

Из допро сов пленных штаб 208-го отряда получил точные данные, что против партизанских отрядов, расположенных в Усакинских

Мы, конечно, понимали, что стремительный ро ст боевой активно сти партизанских сил, распро странение партизанского движения вширь, вытеснение оккупантов из целых районов заставят в конце концов немецкое командование принимать серьезные меры. Но не думали, что враг пойдет на нас такой грозной силой.

День мы про стояли в Дулебах, потому что нашу колонну замет в небе было больше обычного. А к вечеру н сконально.

Против нашего партизанского края готовила операцию 286-я гитлеровская охранная дивизия совместно с гарнизонами окрестных райцен участвовать также батальоны "Днепр" и "Березина", из "Во сточного полка", которым командовал ярый фашист Каретти. Крупные населенные пункты Червень, Березина, Пого ст, Белыничи были заняты отдельными ротами этих батальонов. Юго-западный обвод партизанской зоны был блокирован подразделениями 203-й охранной дивизии. Вдоль шо

ссейной дороги Бобруйск Могилев и с во
стока вдоль реки Друть стояли части начальника

СС и полиции фон Бах-Зелевского.
Всей этой операцией под кодовым названием "Ад
войсками тылового района группы армий
"Центр" генерал-лейтенант Шенкендорф. Пехоту
поддерживать должны были танки,
артиллерия, авиация. Намечало сь, что в
наступлении
примут участие более пятидесяти тысяч солдат и
Когда начальник разведки закончил свой доклад,
себя плеткой по голенищу, сказал:
- Из-
за одного дня, комиссар, мы попали в мышеловку!
- Готовились немцы не день и не
два. Так что и мы одним днем
положение не спасли
бы, - ответил я, направляясь с ним
в штаб отряда полковника Ничипоровича,
где было
решено встретиться перед выступлением.
Командование партизанских отрядов уже
сидело над картой. Когда мы вошли,
Ничипорович сразу же сообщил, что его
связист только что принес от Лены
Колесовой
радиограмму, полученную ею из Мо сквы.
В этой радиограмме сообщало сь, что ночью
прибудет на площадку бывшего Кличевского аэродр
- Всеми работами по подготовке
площадки для приема самолета буду
руководить я
вместе с начальником штаба майором
Яхонтовым, - сказал полковник. - Уже по
сланы две
роты для расчистки по садочной
площадки. К аэродрому подвезите
тяжелораненых для
отправки на Большую землю. По нескольку предс
встречи самолета.
Вместе с Ливенцевым и Лепешкиным я
верхом по скакал в Кличев. Там уже
было все

готово. Вокруг аэродрома расположилась охрана. Ок
стров дежурили сигнальщики.

Самолет ожидали в полночь, но партизаны еще
сали нетерпеливые

взгляды на во сток: а вдруг прилетит
раньше? Мучительно медленно тянуло сь
время. Все с

нетерпением ждали встречи с советскими
летчиками, которые впервые по сещали нас.
Даже

говорили шепотом, словно боялись
отпугнуть долгожданную железную птицу.
Ночь была

тихая, звездная. Партизаны смотрели на небо -
каждому хотело сь первому заметить самолет.

А его все не было.

- Не случило сь ли чего? -
озабоченно проговорил Ничипорович.

Ему даже боялись ответить.

В полночь, когда тьма сгустилась, по
слышался далекий приглушенный рокот. Мы

затаили дыхание. И лишь когда явно
донесло сь гудение самолета, Ничипорович

торжественно и громко скомандовал:

- Зажечь ко стры!

И тут же попро
сил всех отойти подальше на всякий случай.

Самолет летел очень высоко. Мы всматривались
могли. Гул быстро нарастал. Самолет
сделал над нами круг, вернулся и стал
снижаться. В

отсветах ко
стров блеснули красные звезды на его крыльях.

И только самолет ко снулся земли и
покатился, мы бро сились к нему. Но
когда он

о становился, оттуда раздался громкий голо с:

- Стойте! Пусть подойдет командир.

Летчики вели себя о
сторожно. Да иначе и не могло быть. Это был
зону.

. От нашей группы отделился Владимир Иванови
таки подошли к самолету. От радо сти
у многих партизан в глазах стояли

слезы. Мы крепко
пожимали руки летчиков, целовали, обнимали их.
Когда немного успокоились, принялись выгружать тюки с толом, автоматами и

патронами. Нам привезли и "Правду" с обращением ЦК КП(б) Белоруссии и Верховного
Совета БССР к белорусскому народу.
Летчикам, которых увели в хату, не давали ни сами. Когда
выгрузка закончилась, командир экипажа сказал:
-
Быстро пишите письма родным. Отвезу, а следую
Партизаны разбежались искать бумагу, огрызки карандашей. Из-за недо статка бумаги
писали групповые письма, то есть кто-нибудь в свое письмо родным вкладывал список
фамилий партизан с их домашними адресами и сил сообщить по этим адресам, что такой-
то жив-здоров и бьет фашистов.
В самолет погрузили тяжелораненых. Когда наши бойцы несли Леонида Баранова, он
горько улыбнулся мне и сказал:
-
Спасибо тебе, комиссар, за все, но имей в в отряд.
Я поцеловал его и пожелал быстрого выздоровле
Самолет сделал над аэродромом прощальный круг скву.
Трасса, проложенная в глубокий тыл летчиком Бибиковым, с этого времени стала
по стоянной.
Я возвращался в отряд с полевой сумкой, набитой газетами и махоркой. В отряде меня
ждали с большим нетерпением. Не успел я приехать, как партизаны сбежались к дому, в
котором был штаб. У всех был один вопро с: что прислала Мо сква?
Я вынул из сумки "Правду", и ко

мне потянулись десятки рук, но я отдал газету
секретарю парторганизации Коновалову. Он взял ее о сторожно, словно большую драгоценно
сть. У него заблестели глаза. Он по сматривал то на меня, то на газету, не веря, держит в руках настоящую "Правду". Около него хотело
сь подержать газету в руках, рассмотреть ее.
На первой поло се печатались Указы Президиума Верховного Совета военных званий высшему начальствующему со ставу Красной Армии. Рядом был напечатан Указ о присвоении звания Героя Советского Союза бойцам и командирам, о собо отличившимся в боях с, фашистами. Вторая поло са была почти вся занята Указом о
награждении орденами и медалями. Здесь о собое внимание партизан привлекло то, что наряду с фронтовиками награждались и тыловики,
- Вот он, тот крепкий, кулак, о котором мечтал Юхим! - сказал мне Лев Астафьев,
припоминая наш разговор в крестьянском доме, когда мы еще не были партизанами. - Не
дожил, сейчас бы ему показать эту газету, увидел бы, какая сила поднялась против
захватчиков!
- Братцы! - вдруг заорал Градунов, пальцами тыкая в газету. - Да ведь театры в Мо скве
работают, "Травиату" ставят в филиале Большого!
- Иди, Володя, тебя без билета пустят в этом казакине, - в тон ему весело сказал
Астафьев. -
Шпарь по рельсам, путь свободен! Говорят, смоле одного эшелона не пропускают...
* * *
...Гитлеровцы наступали из Березина,

Белыничей, Могилева, Бобруйска и Осиповичей.

Свислочский гарнизон переправился через Березину и двигался с танками в направлении

Кличева. Партизаны начали отходить в глубь леса. Специально выделенные группы вели

арьергардные бои, взрывали уже пройденные нами мо сты, устраивали засады. За нами из

каждого села выходили целые обозы местных жит

иго фашистов. Пришло

сь распределять их между отрядами, создавать отряд

По глухим лесным дорогам скрипели подводы, груженные домашним скарбом.

Мужчины и женщины несли тюки с поклажей, грудных ребятишек. Подро стки подгоняли

скот. Фашисты обстреливали дороги из орудий, б

В Усакинских лесах скопило сь свыше двадцати тысяч человек. Селяне обо сновались

лагерями в центре леса. Их охраняли отряды и группы самообороны. Немцы, как нам

казало

сь, перестали нас преследовать, потеряли в лесу. Т

ставить мирных

жителей на попечение нескольких групп партизан и отрядов самообороны, а самим

продолжать свое главное дело наступление на же

Для решения всех этих важных вопро

сов было созвано совещание командиров,

комиссаров и начальников штабов всех во

сьми отрядов.

Совещание проводило сь в старом усакинском лагере в штабе 208-го отряда.

Оперативный штаб разработал маршруты для каждого отряда. Решили: 208-й отряд выйдет

на железную дорогу Жлобин -

Могилев; наш, 128-й, и отряд Изоха -

на магистраль Борисов -

Орша; круглянский -

в Крупский район; отряд Ливенцева в район О

Совещание уже заканчивало сь, когда прибежал связной и доложил, что к деревне Усакино подходит немецкое воинское подразделение, примерно с батальон. А в некоторых участках леса появились группы фашистских автоматчиков. Мы срочно разъехались по местам.

Поздно вечером прибыла группа Лены Колесовой. километров. С ними пришла еще одна группа Сороки. Они запро сили по радио свой штаб и получили указание перейти в наш отряд. Это была огромная радо сть для партизан. Теперь у нас была радио станция, и мы в любое время могли связаться с Мо сквой.

На другой день командиры нескольких отрядов решили прорваться через заслон фашистов в направлении Быхова. Предполагало сь, обойдя Кличев с во стока, всем вместе оторваться от немецких войск, а уж оттуда ка

Вначале дело шло как будто благополучно. В районе деревень Поплавы и Уболотье объединенными силами мы разбили небольшой отряд гитлеровцев. Но как только стали продвигаться дальше, более сильная вражеская груп болотистом лесу, отряды попали в тяжелое положение. Два дня вели бой. Однако, израсходовав большое количество боеприпасов, убедились, что прорваться в намеченном направлении не удастся. Пришло сь снова вернуться в глубь Усакинских лесов в надежде выйти из них на север. Но немцы перехитрили нас. Через несколько дней они блокировали

дороги вокруг нашего леса, отрезали нам все
У нас к этому времени о стало сь так мало боеприпасов, что мы не могли вести даже
короткий бой для прорыва.
Ничипорович по рации передал в Центральный штаб партизанского движения про сьбу
прислать боеприпасы. Нам ответили, что груз будет сброшен. И в следующую же ночь
самолеты сбро
сили большое количество патронов, гранат, тола, ми
Эта забота о нас ободрила партизан. Родина з
силы.
Мы подобрали сброшенные тюки и развезли их
А с рассветом появились "юнкерсы" и начали кружить над нашим лесом и сбрасывать
бомбы.
С того дня бомбежки повторялись регулярно.
Наши разведчики докладывали, что оккупанты заняли все окружавшие лес деревни и
села и все туже затягивают кольцо. К прорыву надо было готовиться очень серьезно. А тут

надвигалась еще одна беда - голод. Запасы продовольствия кончались. В отрядах выдавали
по сухарю и картофелине в день на брата.
которые унесли из дома все, что у них был
них запасы стали кончаться. Пришло сь зарезать лошадей на мясо.
В те тяжелые дни большую находчиво сть проявили наши женщины-партизанки. Они
собирали травы, крапиву, щавель, лесной лук. По ночам в закрытой палатке, чтобы не было
видно фашистам огня, они из зелени варили
Все наши попытки прорыва кончались неудачей. И вот мы собрали командиров рот и

взводов, чтобы обсудить создавшееся положение. Ко
предложение попытаться пробраться по так
называемому Белому логу. Среди большого
лесного массива там широкой поло сой
тянуло сь топкое, труднопроходимое болото. Не
может быть, чтобы гитлеровцы охраняли и этот
- Мы уже потихоньку вели разведку, -
сознался Чернов. -
И мне кажется, что там немцы не
смогут оказать нам сильного сопротивления. А м
- А что, идея неплохая, -
подхватил Елецкий, ставший теперь начальником шт
Мы приняли рискованное решение
выделить ударную группу из самых выно
сливых
бойцов и пойти на прорыв. Возглавить группу
Ему было выделено тридцать самых боевых парти
группы: разведывательную под командой
Михаила Синюкаева и штурмовую во главе
с
Леонидом Тимаховичем. Было оговорено,
что при прорыве разведка присоединится к
штурмовой группе.
Решили прежде всего вывести из
окружения раненых и больных. Их
поручили самым
физически сильным партизанам. Руководил этой гру
Как только стемнело, отряд Чернова
ушел. Пройдя километра три-четыре и
выйдя на
Белый лог, где под ногами чавкало
болото, а по сторонам чернел густой
кустарник, отряд
столкнулся с боевым охранением
противника. Чернов мгновенно оценил
обстановку и, как
было заранее обговорено, начал громко подавать
многочисленно сти отряда, который окружает
противника. Сначала бойцы стреляли вперед.
Потом вправо и влево. Потом назад. Фашисты
разбегаться. В образовавшуюся брешь про
скочила вся группа вместе с больными и раненым
Партизаны ушли; как рыба из прорвавшего
ся невода. Не было ни погибших, ни раненых.

Отряд всю ночь шел беспрепятственно и под у
становился в небольшом кустарнике.
Когда рассвело, партизаны увидели, что рядом д
автомашины с немцами, танки, артиллерия. Они
Немцы не могли и предполагать, что
под но сом у них со средоточило сь около
сотни
партизан. А наши ребята, голодные, без
воды, про сидели в кустарнике весь день.
И только
когда стемнело, тронулись в путь. К
следующему утру партизаны выбрались в
безопасное
место. Возле небольшой деревушки их
накормили местные жители. Чернов повел
людей в
Красное, где условились встретиться с о
стальными силами отряда, если они прорвутся.
А в окруженном врагами лесу
положение все ухудшало сь. Фашисты сбрасывали
листовки, предлагая партизанам сдаться в плен,
Стойко сть советских людей озлобляла
фашистов. Они усилили артиллерийский обстрел.
Каждый день налетали вражеские
бомбардировщики. От бомб и снарядов дым
расстилался
по всему лесу.
Кольцо блокады все больше и больше
затягивало сь. Однажды в полночь вместе с
отрядом Изоха мы попытались пробиться на севе
сь. Потеряв несколько
человек ранеными, мы вернулись в
глубь леса. К этому времени немцы
заняли Дулебы и

Межонку и соединились с южной и западной
Наш оперцентр созвал совещание командно-
политического со става отрядов. Решено
было любой ценой вырваться из
окружения. Виктор Ливенцев внес предложение
пойти на
прорыв возле деревни Усакино, через широкую п
доказывал, что наибольшие силы немцы
выставляют в густом лесу, где партизанам

легче
скрываться, а там, где нет леса, их оборона
Поздним вечером отряд Ливенцева и два других
к немецкой обороне и замаскировались.
А в полночь они дружно прорвались сквозь
вражеские цепи. За ними по следовала
большая толпа жителей. Стрельбу фашисты
подняли,
когда о сновные силы уже пересекли поляну.
Через день по
сле ухода Ливенцева наш отряд, соединившись с 2
м отрядом, который
беспрерывно вел бои с северо-во сточной
группировкой гитлеровских войск, стал тоже
готовиться к прорыву. Но мы выбрали
тот путь, по которому ушла наша
санчасть, - через
Белый лог.
Создали две специальные ударные группы, со
стоявшие из пулеметчиков и автоматчиков.
Первой командовал Иван Марков. Вторую
возглавил Степан Григорьевич Елецкий. Кроме
автоматического оружия и гранат, эти
группы и о сновной отряд запаслись дымовыми
шашками, чтобы по ставить дымовую
завесу и лишить гитлеровцев возможно сти
вести
прицельный огонь. В группы прорыва
были выделены самые смелые и находчивые
партизаны - Леонид Горбачевский, Петр
Евсеев, Василий Вороненко, Владимир Градунов,
Гриша Бойко, Лев Астафьев, Михаил
Малахов, Иван Маковкин, Вася Копчиков,
Михаил
Шейко, Коля Шишкин, Петр Харьковский,
Николай Нескреба, Иван Рысев, Григорий
Кукушкин, Николай Дмитриенко, Михаил
Синюкаев. Многие из них потом командовали
взводами и ротами, а Михаил Малахов стал ко
Как только наступила ночь, отряд
направился к месту прорыва. Разведчики,
возглавляемые Градуновым, то и дело докладывали
их по сты изредка по
стреливали и пускали ракеты, враги не ждали наш

Наконец отряд о
становился. Марков увел свою группу по левой сто
по правой. Мы со Свистуновым о
стались во главе полутысячного отряда, где самих
было не больше сотни, о стальные -
жители разных сел. Несмотря на такую
массу людей, в
отряде царила тишина. Каждый понимал,
что решается судьба его собственная и
всех его
товарищей.
Ночь выдалась темная, тихая. Мы долго лежали
взмывала ракета, но нас в ольшанике
немцам не было видно. И вот, когда
очередная ракета
угасла и тьма снова стала непроглядной, в ти
- Вперед! Бей фашистов!
И штурмовые группы бро сились на
вражеские фланги. А лог в это время о
ставался
свободным. Основная группа прорыва бежала по
себе внимания фашистов.
Отряд вырвался из вражеского кольца и безо
становочно двигался дальше, на север. И уж
когда мы были на значительном расстоянии от
вдогонку. Это мы поняли по стрельбе, которая
эту слепую пальбу не отвечали, и фашисты на
Рано утром мы увидели на лесной
поляне деревню, где не было на улице
машин. Все с
облегчением вздохнули: неужели вышли из этой
Разведчики доложили, что в деревне
немцев нет. Решили здесь сделать привал.
Нам
очень хотело сь ото спаться, отдохнуть. Но
необходимо было двигаться дальше. Мы взяли

направление на Крупский район.
Вскоре мы узнали, что всем кличевским
партизанам удало сь вырваться из блокады.
Многие погибли, но и каратели понесли огромны
В бобруйском фашистском листке "Новый
путь" сообщало сь, что с партизанами в
Кличевском районе покончено. Об этом

Шенкендорф хвастливо сообщал и командованию группы армий "Центр".

А партизаны тем временем готовились к новым боям и в Кличевском районе, и за его пределами. Партизанское движение с каждым днем "Смерть за смерть, кровь за кровь!" - было боевым девизом народных мстителей.

Партизаны в наступлении

По сле долгих, тяжелых переходов с боями и засадами становился в большом лесу на берегу тихой, обро сшей лозняком да ольшаником реки Бобр, километра от железной дороги Минск - Мо сква, которую нам приказано было все время держать под прицелом.

Сразу же начали делать шалаши. Теперь они у их быстро. Плотники приступили к сооружению з хлебопекарни. Мы давно убедились, что нам проще самим выпекать хлеб, чем про сить об этом деревенских женщин. Муку нам обычно мол

И вот как только отряд о становился на по стой, быстро задымила сделанная из жести пекарня, исправно снабжавшая нас лепешками. Наш пекарь Володя Щитов никогда не терял времени. Тесто у него кисло в бочках и в не дожидаясь, пока печник вылепит настоящую печь. Случало сь, что горячие лепешки выходили из- под рук Володи даже во время боя. Щитов до отряд пришел прекрасным стрелком и страшно переживал, когда мы предложили ему организовать выпечку хлеба. "У всех настоящее дело, а я буду опять лепешечником!" - в отчаянье сказал он тогда мне. "Лепешки нам с ответил я ему.

Но был случай, когда и Володя-

пекарь дорвался до "настоящего дела". Как-
то во время
боя в лесу почувствовал я запах горелых лепе
эта жестяная "скоропечка", как ее
называли партизаны. Смотрю, дым из
жестяной трубы
валит, и вся эта пузатая бочка
чадит горелым тестом. "Убили Володю!" -
сразу решил я.
По смотрел по кустарнику туда и сюда.
Нету нашего пекаря... И вдруг из-за
кустов выбегает
растрепанный, с разорванной во всю
спину рубахой Володя. На шее и на
плече кровь, левая
рука тоже в крови, но правой он потрясает
сторге кричит:
-
Товарищ комиссар! Уложил я его одним выстрело
увидел. А ребятам, что там, в канаве залегли,
за кустов, р-
раз!
- Ты ранен! -
кричу ему, чувствуя, что не унять его во
сторга. И подхожу с перевязочным
пакетом.
- Проклятый фашист, лепешки из-
за него пропали! -
И, не обращая внимания на мой пакет,
Володя подбежал к печке и начал вытаскивать,
...А сегодня лепешки начали раздавать через каки
нибудь полчаса по сле о становки.
Поблизо сти от нас расположился отряд
Изоха. Должны были подойти и другие
кличевские отряды. И это нас радовало.
Со седство с другими отрядами укрепляло
веру в
себя.
Этот район был более трудным для
развертывания партизанской борьбы. Магистраль
Минск - Мо сква была одной из о
сновных, по которой гитлеровцы
перебрасывали на фронт
свои войска и технику. Поэтому сеть

немецких гарнизонов и полицейских участков здесь

была намного гуще. Устроившись на новом месте, мы прежде всего повели глубокую
разведку во всех направлениях. И через несколько дней пришли к выводу, что в первую
очередь надо очистить вокруг нас зону от врагов, которые могли мешать нашим
диверсионным группам ходить на железные дороги, а самое главное - принимать грузы с
самолетов. Одновременно с разведкой мы установили связь с более отдаленными
партизанскими отрядами, расположенными вблизи жел
По
сле нашего выхода из окружения группа Лены Кол
сталась у нас в отряде, но
по-прежнему действовала само стоятельно по заданиям Центра. Мы старались создать
десантницам все необходимые условия и во всем
А в конце августа по заданию командования Западного фронта прилетел к нам с
большой разведывательно-диверсионной группой подполковник А. К. Спрогис. Мы
догадывались, что он руководит всеми такими гр
А. К. Спрогис быстро ознакомился с обстановкой
надо прежде всего уничтожить гарнизоны в селах на пути к железной дороге, чтобы
подрывникам было свободней ходить на задания.
под его руководством двинулись на разгром гарн
Задолго до рассвета партизаны заняли исходные рубежи. Григорий Сорока со своей
группой залег в засаде у дороги, идущей со
го отряда
зашел со стороны Крупок. Штурмовая группа человек в семьдесят под командованием
Свистунова и Мазура форсировала вброд реку Бобр близ Выдрицы и на рассвете под

прикрытием шквального огня других групп перешла в атаку. Противник отстреливался из дзотов. Партизаны, ведя непрерывный огонь, перебегая от дома к дому, от забора к забору,

неуклонно продвигались вперед.

Через час гарнизон из двухсот фашистских солда стью,

но мы потеряли в этом бою тоже немало, в том числе нашу любимицу Лену Колесову.

По

смертно Елене Федоровне Колесовой было присвоено

По сле Выдрицы мы разгромили еще несколько более мелких гарнизонов. Теперь наши

минеры почти беспрепятственно пробирались по лесам к железнодорожным путям. Но мы

понимали, что гитлеровцы по стараются во сстановить свое положение в населенных пунктах,

которые мы о свободили. Надо было пользоваться моментом - развернуть во всю мощь

подрывную работу на дорогах. Поэтому мы подготовили по садочную площадку и стали

принимать самолеты, которые до ставляли нам оружие, боеприпасы, медикаменты, а самое

главное - мины новейшего образца для подрыва поездов. Наши подрывники хорошо

научились обращаться с этим грозным оружием.

А однажды мы получили то, о чем лишь ро

письма. Мне пришло сразу два,

от сестры и от любимой девушки - Ани. Раскрыв письмо от сестренки Лиды, я сначала

пробежал по нему глазами, чтобы понять, все

где сообщало

сь о ранении младшего брата. Но тут же успоко

фронте. А уж потом внимательно прочитал все подряд. Родные, оказывается, считали меня

давно погибшим. И я представил, какая радо

сть была в доме, когда получили от меня первую весточку. Только я взялся за Анино письмо, по что не получил ни одного письма. И я уступил его про сьбе, дал почитать письмо от моей сестренки. Мы потом вообще часто обменивались вот так письмами, потому что потребно сть общения с дорогими нашими советскими людьми, которые были там, на Большой земле, была громадной.

Большая земля... Кто воевал, тот знает, что дл

* * *

С тех пор как самолеты стали до ставлять нам мины и тол, у партизан-подрывников не стало ни минуты покоя. Круглыми сутками наход то к железной дороге, то обратно в лагерь. Железную дорогу Борисов - Орша мы так о седлали, что с наступлением темноты движение поездов на Мо скву прекращало сь совсем.

Спасаясь от ударов партизан, оккупанты стали повсеместно укреплять свои гарнизоны. Окопами и колючей проволокой прикрывали железнодорожное полотно, станционные помещения и казармы. Метров на двести вдоль железной дороги они вырубили лес, а через каждые полкилометра строили доты и дзоты.

Все это намного усложняло проведение боевых о обо стряло партизанскую дерзо сть, повышало нашу изобретательно сть.

Однажды я решил по смотреть, как немцы укрепили подступы к железной дороге, и отправился на задание с группой Градунова. Пош

В лесу встретились с диверсионной группой Романа Щербакова из 208-го отряда, которая возвращалась в лагерь. Роман рассказал, что за неделю они пустили под отко с три эшелона, и предупредил, что, если у нас нет

дороге, пустить под отко с эшелон теперь вряд ли удастся: уж очень усиленно охраняется дорога, патрули снуют туда и сюда, в лесу Видя, что мои ребята приуныли, Щербаков, хорошо знавший Градунова, отозвал его в сторону и доверительно сказал, что им все вр При обходе своего участка железной дороги этот путевой обходчик тщательно запоминает, где находится немецкая засада, какая система па что узнает, рассказывает сыну, бывшему работнику железной дороги. А Сашка, хорошо зная расположение охраны, проводит потом диверсионную группу Щербакова на железную дорогу. Щербаков сообщил Градунову адрес парня, его приметы, пароль, по которому тот сразу поверит, что человек пришел от партизан. Распрощавшись с группой Щербакова, мы продолжали свой путь. В нескольких километрах от линии железной дороги о становились возле хутора, окруженного старым лесом. Отсюда решили тщательно разведать подходы к железной дороге. В разведку я отправил пятерых. А Градунова, Горбачевского и слал к Сашке.

Подходя к деревне, в которой жил Сашка, разведчики заметили, что там что-то неспокойно - люди бегали по улицам, суетились, кричали. А некоторые, пригнувшись, убегали по огородам в лес, в заро сли, где стояли наши разведчики. Градунов сразу обратил внимание, что из деревни убегала молодежь. Не успели юноши и девушки добежать до опушки леса, за ними выскочили вооруженные н немцы хотят отправить молодых людей в Германию. Выждав, пока беглецы скрылись в

кустарнике, партизаны открыли по их преследовате
пулемета Леонид Горбачевский сразу же отсек ги
попадали на землю и, отстреливаясь, стали уползать назад в деревню. На дороге о стался
убитый фашист. Градунов забрал его винтовку и
их отбили партизаны, подошли к нашим ребятам и наперебой стали благодарить. Они
рассказали, что в деревню приехали гитлеровцы сь 16
лет, отправят в Германию.
Градунов обратил внимание на одного парня в этой шумной ватаге. Внешне он был
очень похож на Сашку, о котором ему рассказывал Щербаков. Подойдя незаметно к этому
парню, Градунов тихонько назвал пароль. Так как парень уже убедился, что это партизаны
спасли их от немцев, он ответил Градунову та
Оказало сь, что Сашка не подлежал увозу в Германию, потому что у него была сломана

рука, но он организовал побег молодежи и хо
сельчанам найти партизан. Мы
предложили кое-кого из парней взять к себе в отряд. А самог
сили вечером вернуться
домой, раз его все равно не берут, и жить
проводником на железной дороге.
Сначала Сашка помогал нам сам. Потом устроил
свел нас с железнодорожниками двух со седних станций. Так ро сла и расширялась сеть нашей
агентуры на вражеских коммуникациях.
* * *
Наступили холода. Большая часть партизан нашего отряда из шалашей переселилась в
теплые вместительные землянки. Самую большую и светлую землянку соорудили для
санчасти. Теперь у нас были не

только кухня и хлебопекарня, но и мастерские по пошиву и
ремонту обуви и одежды. Хозяйственники заготавливали, картофель, мясо, а для лошадей -
фураж.
Придя с боевого задания, партизаны помогали хозяйственникам, работали с утра до
ночи, сменив автоматы на топоры и пилы. Каждый командир роты старался сделать для
своих партизан землянки добротней и про сторнее. В короткие сроки в лесу выро с целый
городок. В землянках было тепло, а по сле скитаний по лесным тропам да нудных ожида
поездов они казались даже уютными.
В отряде выявились специалисты всех профессий - строители, печники, сапожники,
портные, а самое главное -
нашлись и оружейных дел мастера.
Одну из землянок мы отвели под мастерскую по ремонту оружия. Наши оружейники
ремонтировали, казало сь бы, окончательно испорченные винтовки, пулеметы, автоматы.
Во
сстановили даже пушку, которую нам удало сь однажды найти на месте боя. У этой пушки
был неисправным замок. Во сстановили и его. Отсутствие прицела на пушке никого не
смущало. Наводили пушку на цель через ствол, потом закрывали затвор и палили. Какой бы
неказистой ни была эта пушчонка, а дело свое делала. Много наши мастера думали и над
усовершенствованием автоматического оружия, добиваясь
Творческая мысль партизан работала в полную силу. Особенно кипела она у
подрывников. Каждая операция прибавляла им опы
* * *
Вскоре по

сле разгрома немецких гарнизонов в Выдрице и ок
попытались во
сстановить там свое владычество. Однако им неизмен
специально выделенный, хорошо вооруженный
взвод Синюкаева. Не ввязываясь в большие
бои, Синюкаев устраивал засады и громил гитлер
Земля горела под ногами оккупантов. Фронт треб
это снабжение, становило
сь все хуже и хуже -
партизаны не пропускали поезда.
В середине зимы 1943 года фашисты решили
по всему тылу. Но у нас хорошо
работала разведка, наши люди были и в
Бобруйске, и в
Могилеве, и на крупных железнодорожных станциях
А главное -
научились вовремя уходить из возможного окружени
Как только мы узнали, что на нескольких стан
части и в сторону нашего леса
тремя путями движется целая дивизия, мы
о ставили свой
город Партизанск, как некоторые называли хорошо
со всеми со седними отрядами ушли в
знакомые нам Усакинские леса. По указанию
оперцентра мы по селились недалеко от
сел Дулебы и Жабовка, где уже размещало
сь
несколько мелких отрядов. Опять
застучали топоры, опять партизаны долбили
мерзлую
землю, строили землянки. Снова мы в
своем районе. Отсюда минерам дальше
ходить на

дорогу Минск Мо сква. Но мы
обеспечили их верховыми лошадьми, тепло
одели. И. они
продолжали свое дело, челноками сновали
- одни уходят, другие приходят, немного
отдыхают и опять идут. Еще чаще летели под
сы поезда. Взрывались оружейные склады.
Уничтожались гарнизоны противника.
С каждым днем партизаны набирали
силу. Наш отряд выро с уже в целую

бригаду.

Самолеты прилетали к нам регулярно. Они до ставляли все, что нам было необходимо, а

увозили раненых и наши письма.

Однажды в полночь поехал я на наш "партизанский" аэродром. Приземлился самолет, и

смотрю, к ко стру, где стояли представители отрядов, встречавшие летчиков, во весь дух

бежит человек в темном военном полушубке, валенках, с красной звездочкой на шапке-

ушанке, с автоматом на груди. Бежит и кричит

-

Товарищ комиссар! Михаил Федорович! Вот я и

и бро сился ко мне в объятия.

И только тогда я узнал нашего любимца - Леонида Баранова.

Радо

сти нашей не было границ. Леньку тут же подхв

Через некоторое время Баранова приняли в парти

* * *

...Зимний день был празднично светлым. Во всяком случае, таким он казался многим -

сегодня на партийном собрании мы принимали в

По сле партийного собрания перед моим мысленным взором еще долго стояли лица

юношей, вставших сегодня в строй, в котором сам я находился уже много лет. Борис

Шумилин стоял перед партийным собранием бледным, взволнованным, но отвечал на

вопро

сы четко. Самый уравновешенный, невозмутимый даже

Евсеев и Лев Астафьев тоже заметно волновались, отвечая на вопро сы сбивчиво,

полуфразами.

"Неужели они не понимают, что в боях и походах давно заслужили место в строю, в

который сегодня их принимают? - думал я и сам себе отвечал: - Все это они, конечно же, понимают. Но у этих юношей повышенная требов сть к себе. Им все кажется, что они еще мало сделали, что самое главное, на что собны, еще впереди".

За Днепр

К весне 1943 года, несмотря на все усиливавшиеся карательные меры фашистов, партизанское движение в Белоруссии охватило всю республику и перешло во всенародную войну. Девять обкомов партии и комсомола вели подпольную работу в тылу захватчиков.

Партизанские отряды насчитывали в своих рядах около шестидесяти тысяч бойцов.

Партизанами контролировало сь более половины территории республики, а пятую часть родной земли партизаны держали в своих руках стоянно. Только Кличевский партизанский край занимал большую территорию с населением

Сбыло сь предсказание народного поэта Белоруссии Янки Купалы: "Я знаю, что будет делать мой народ... Пока будет жить хоть оди фашистским захватчикам, горькой будет их жизнь: следить за ними зоркие партизанские глаза".

Разгром немецко-фашистских войск на Волге, отступление гитлеровских полчищ с Кавказа, героическая оборона Ленинграда - все это поднимало моральный дух и боеспо собно сть партизан.

Оперцентр готовил партизан к решительным действ вызвали в Могилевский подпольный обком партии. Нас принял первый секретарь обкома Дмитрий Степанович Мовчанский, которого мы хорошо уже знали по работе в оперцентре.

Здесь были также знакомые нам подполковник Сидоренко-Солдатенко и М. И. Кудин,

помощник первого секретаря.

Нас попро сили доложить о боевой деятельно сти отряда с первых дней его существования. А потом секретарь обкома, обращая Солдатенко, спро сил:

- Савелий Герасимович, а не кажется ли вам, что 128-му отряду уже тесно на Кличевщине?

- Да, кличевская рубаха для этого богатыря стала тесной, давно швы разошлись, -

ответил подполковник и разложил на столе карту

Карту эту Мовчанский, наверное, уже знал. Мель карандашом стрелку за Днепр.

- Вот сюда бы вам перебраться.

- Почему же так? - удивился Елецкий.

- Все стремятся к магистральным путям Минск - Мо сква. И это правильно, - отвечал

Мовчанский. - Но немцы убедились, что магистральные железные дороги стали ненадежными: до фронта доходит теперь уже меньше половины поездов. Так они стали

гнать свои эшелоны по окольным путям. Это д

- Условно, конечно, - кивнул подполковник. - От Барановичей до Слуцка крепко

работают партизаны. А вот дальше, например от Могилева до Кричева, тарахтят поезда

почти беспрепятственно.

- Может быть, вам удастся расположиться где-то в районе Чаус, продолжал

Мовчанский, -

южнее железном дороги Могилев - Кричев.

Мы с Елецким так и впились в карту.

-

От Чаус недалеко и к путям Могилев - Орша, Кричев - Орша, - прикинул Елецкий.

- Правда, на пути, кроме Днепра, еще несколько рек, - заметил Савелий

Герасимович и,
расправляя на широкой богатырской груди огненно-рыжую бороду, добавил с
поощрительной улыбкой: - Но мы по
сылаем именно ваш испытанный отряд.
- Вот вы и двинетесь железным потоком на заречные коммуникации врага, подхватил
Кудин.
-
Сочтем за большую честь такое доверие, -
ответил Елецкий.
- С этого дня ваш отряд решено именовать 14-й Темнолесской бригадой, объявил
Мовчанский. - Ваша задача -
парализовать транспортные артерии, поднимать народ
Начинать, видимо, надо с подавления местных гарнизонов, чтоб они вам не мешали
подрывать поезда. Кстати сказать, за Днепром вы
инициативная группа из 208-го отряда под командованием лейтенанта Демидова, а также
группа Сергея Мазура.
Затем первый секретарь познакомил нас с двумя
-
Шпак Максим Васильевич будет в вашей зоне
обком партии. - Мовчанский указал на крепко скроенного невысокого мужчину с бледным
суровым лицом. - Ольга Степановна Долженкова возглавит комсомольскую работу, -
обратился он к худенькой невысокой девушке. - До войны была у нас в Белоруссии
секретарем Вилейского обкома комсомола, школьными И: пионерскими делами заправляла...
Пришла пешком из Мо сквы.
- Из Мо сквы, пешком? -
недоуменно переспро сил Елецкий.
- Я не оговорился, товарищи, -
ответил Мовчанский. -
Ольга Степановна пешком пришла
из Мо

сквы в Могилевекие леса. Как сами понимаете, по
-
Так что при форсировании рек и речушек Оля что подсказать, - ухмыляясь в
бороду, сказал Сидоренко-Солдатенко. Представляете, сколько их было на ее
Я с уважением смотрел на худенькую, скромную

каковы они, пути-дороги в тылу фашистов, догадывался, какой силой духа она обладает,
сколько в ней отваги и мужества.
С большой любовью и теплотой вспоминаю я сейчас не только Олю, но и других
славных девушек-партизанок - их в нашей бригаде было более 100, большая часть которых
находилась в разведке бригады и партизанских отрядах, это Голубева Евдокия, Терешко
Лариса, Маркова Мария, Маркова Анна, Малахова Елена, Артемова Мария. Они бесстрашно
выполняли самые сложные разведывательные задания,
области, до ставляли необходимые сведения о противнике, предупреждая партизан о
грозящей опасно
сти, но эта тема уже отдельной книги.
* * *
- ...А теперь садитесь с начальником штаба за карту и уже в деталях разрабатывайте
предстоящую операцию, -
сказал нам Мовчанский.
Мы с Елецким срочно сформировали штаб бригады, подобрали командиров и
комиссаров партизанских отрядов, включенных в со став нашей бригады. По предложению
Ольги Долженковой был сформирован комсомольско-молодежный отряд, которым стал
командовать Павел Ясский. Этот молодой, очень
срок сумел сплотить крепкий и дружный отряд,

железных дорогах.

* * *

Кличевский лес стал для партизан домом родным споминания о первых радо стных победах и горечь утрат. В этом лесу покоились могилы наших верных друзей. В по следнее время здесь мы стали полновластными хозяе са не показывали. И тем не менее, когда командир бригады перед строем зачитал приказ о выходе за Днепр, это вызвало бурю во сторга. Партизаны чувствовали свою силу и стремились на оперативный про стор, где можно развернуться во всю мощь. Тольк по до стоинству оценил слова подполковника Сидоренко-Солдатенко о том, что кличевская рубаха для нашего богатыря стала тесной.

...Вечер был тихий, ласковый, теплый. Солнце уже ушло за густые вершины деревьев.

Сизый сумрак начал выползать из-за со сен и елей. Мы сидели молча у ко стра. Собрались те, с кого начиналась наша бригада. Все было перегов

...Старинная грустная песня родилась почти неслышно и, дрожа как струна, стала рассказывать о том, как тяжело девушке, насильно отданной за нелюбимого. Суровые, хрипловатые голо са мужчин сливались с грудными женскими и не спеша выводили задушевную мелодию, полную боли и то ски.

Я слушал и думал: это про Белоруссию песня, Грустная мелодия на самой печальной ноте зати По сле этого как-то сразу стемнело, все утихло, даже хворо ст перестал потрескивать в ко стре.

Но вот в этой грустной, то скливой тишине раздался высокий, зовущий куда-то голо с

нашего юного запевалы Володи Быкова:

Мы шли на подвиг ночкой темной
Громить проклятого врага...

Он умолк, как бы собираясь с силой. А кто-то в этот момент бро сил в ко стер охапку сухого хворо ста - огонь вспыхнул. И так же вспыхнула песня, под

Кипели злобой неуемной,
Нам жизнь была не дорога!
Подкрались к вражескому стану,

Команда грянула: "Вперед!"
Залился песней неустанной
Наш друг - "максимка" - пулемет.
В смертельном страхе враг отпрянул.
Бежал куда глаза глядят.
Ответный залп уж поздно грянул:
Влетел в деревню наш отряд.
Свистели пули, ветер злился,
Метель вздымала снежный рой.
И вдруг товарищ повалился,
Сраженный пулей роковой.
Прощай, товарищ, храбрый воин.
Пусть пронесется злой буран!
Высоких почестей до стоин
Наш друг, отважный партизан.

Песня гремела и, казало сь, будоражащим набатом катилась по всей Белорусси

А впереди у нас были новые бои с оккупант

длительный марш на во сток, на левый берег Днепра, навстречу Красной А